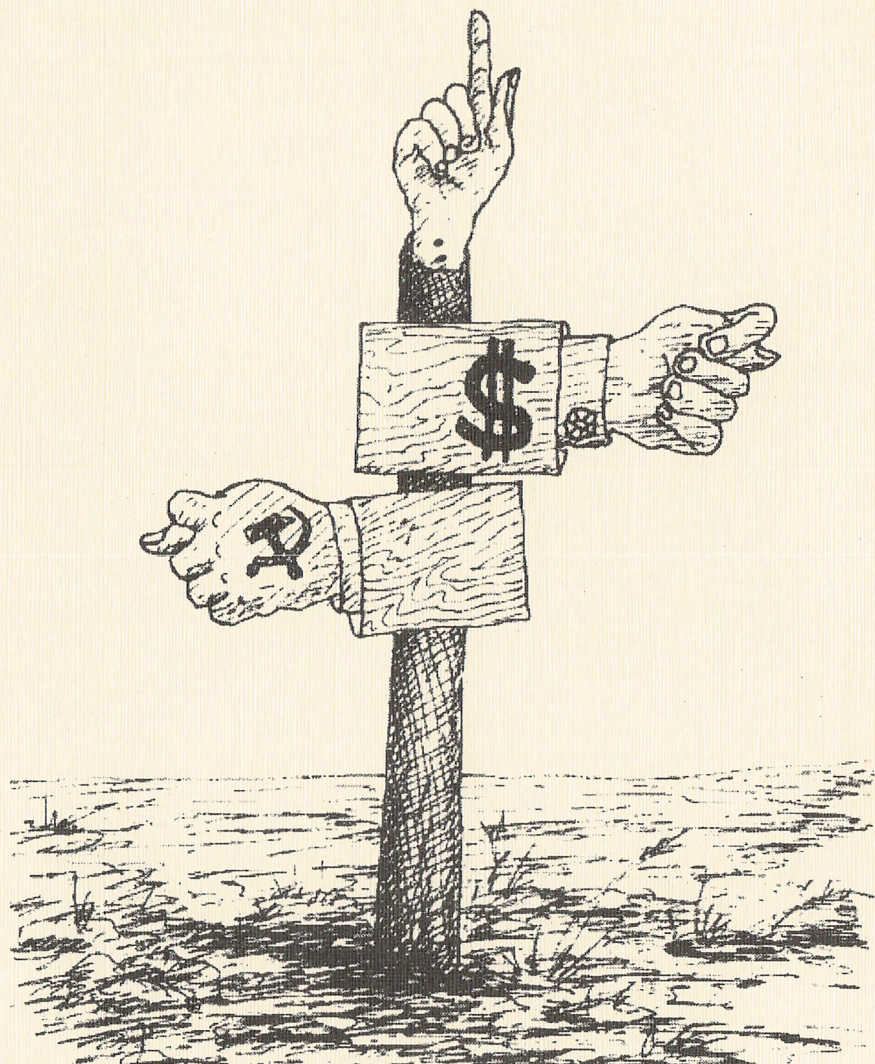

ОСТРОВ

Литературно-художественный альманах
№6

Берлин 1997

Остров 6

Независимый
публицистический
и литературно-
художественный
альманах

Выходит с июня 1994 года

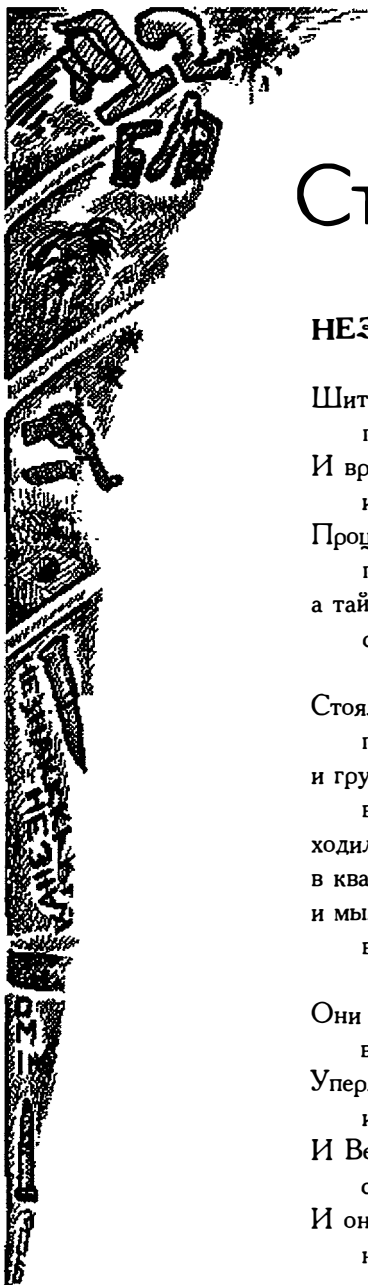
Содержание

Александр Дольский. Стихотворения.	2
Алексей Милюков. Томбе или шаг в падении. <i>Повесть.</i>	12
Леонид Иоффе. Стихотворения.	72
Андрей Анпилов. Опера. <i>Повесть.</i>	78
Марина Кравцова. Стихотворения.	98
Вячеслав Шпрингер. Рассказы.	108
Владимир Тучков. Рассказы.	147
Лариса Ванеева. Два рассказа.	153
Роман Солнцев. Сибирский размах. <i>Рассказ.</i>	169
Ивановские поэты:	
Игорь Жуков, Дмитрий Шукуров, Виктор Ломосков, Ольга Шашенкова	182
Виктор Ерофеев, Габриэла Ридле.	
Исторический оргазм на Волге в Сталинграде.	192
Лев Шапп. Из цикла «Колымские были». <i>Рассказы.</i>	209
Вернисаж «Острова»: Светлана Новикова-Крамер.	218
Виктор Соснора. Речь о Лилит.	227
Юрий Колкер. Скоро ли мы устареем?.	252
Ян Кондрор, Эрлен Федин.	
Татаро-монгольское иго и еврейский вопрос.	255
Доклад Правозащитного центра «Мемориал».	269
Радиовещание на русском языке в Центральной Европе.	283

На 1,2 и 3-й страницах обложки — рис. Славы Сысова

На 4-й странице обложки — рис. Светланы Новиковой-Крамер

Buchhandlung «RADUGA»
Оформление и макет © Дм.Сорокин

АЛЕКСАНДР ДОЛЬСКИЙ

Стихотворения

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ЧЕРНОВИК

Шитье благородной строфы
 поддается немногим поэтам
 И время наивное кануло в Лету
 и обесценилась честь...
 Процессы души вероятно познать
 по чернилам, поправкам, пометам,
 а тайные мысли возможно по буквам,
 слегка недописанным, счесть.

Стояла погода весьма подходящая
 питерской банде,
 и грубые люди с огнем торопливым
 в холодных глазах
 ходили, хватали, стреляли в подвале
 в квартире, на улице и на веранде,
 и мыли кровавые руки и лица
 в ворованных медных тазах.

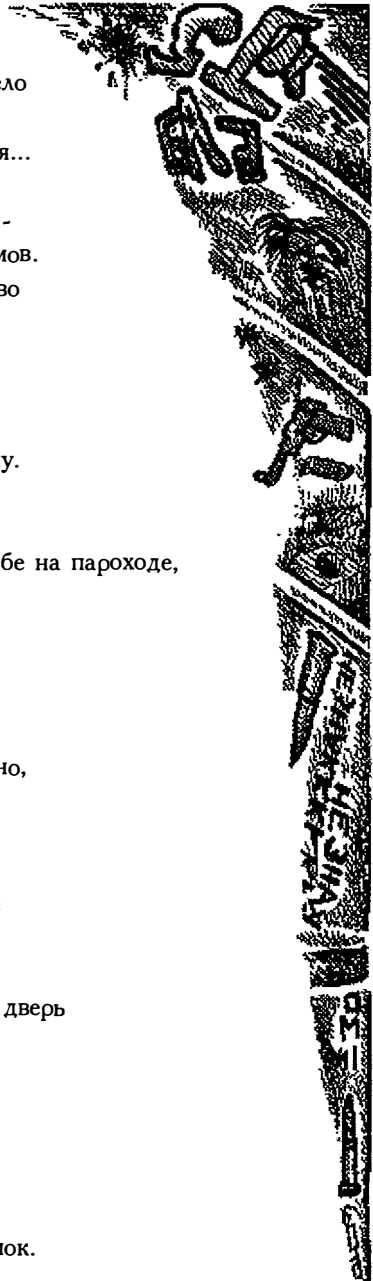
Они увлеклись и к Шалапину
 влезли в квартиру.
 Уперли вино, подстаканники, ложки
 и темный, дубовый стульчак...
 И Веру в народ поломали ему,
 словно легкую, хрупкую лиру.
 И он укатил далеко - где ковбои бренчат
 на гитарах, а также течет Потонак.

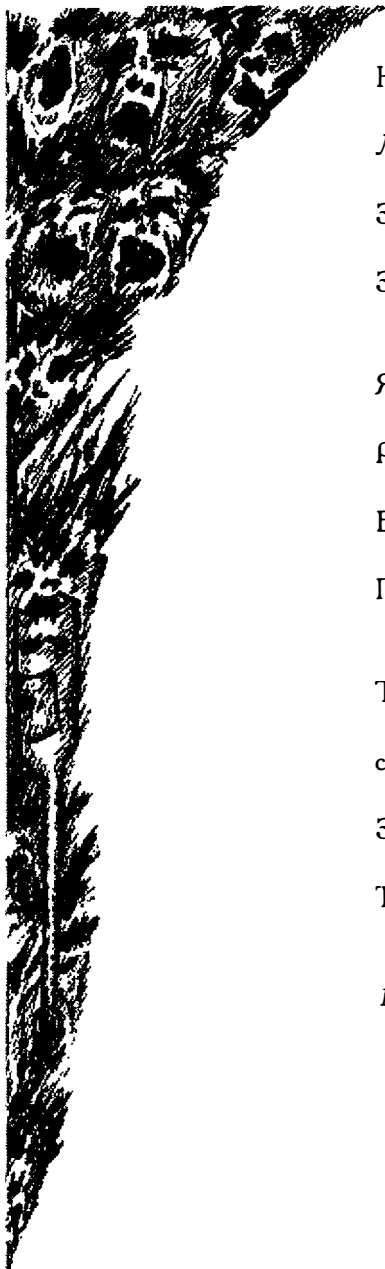
Описывать свинство весьма тяжело
и чреватое, увьи, мазохизмом.
Но здесь выбирать не приходится...
Как Заратустра предрек -
Боги скончаются от сострадания -
будет эпоха томительных измов.
И, наконец, водружатся на царство
Ларек и Курок.

Но возвращаемся в Питер.
Серебряный Век на исходе.
Пара матросов насилует фрейлину.
Ленин не спит...
важные графы, князья, генералы,
профукав Россию, плывут себе на пароходе,
разум весьма возмущенный
для общей баланды кипит.

Вечер. Поэт Гумилев для меня
что-то пишет в тетради.
Это, конечно, стихи и, естественно,
я их когда-то прочту.
Если хотите, и Вам он черкнет,
Бога ради!
Только прочтите и только учтите
поэта гуманную эту черту.

Он не закончил строфы, когда в дверь
постучали ногами.
Заперли тело его в каменный
кровавый мешок.
Великолепную голову, полную
музыкой, словом, Богами,
тупо проббили свинцом,
как пустой и ненужный горшок.

Не дописал он строки и рука
содрогнулась от стука.
Линия вниз и потом еще в бок
легкий штрих.
Это последнее прикосновение ангела,
первая смертная мука...
Это как будто мной
недописанный стих.

Я принимаю грехи моей Родины
грузом на плечи.
Русская кровь порождает чудовищ
и черный народ.
Братья мои убивают моих близнецов
и сестер моих нежных калечат.
Гений, как враг, на земле
моей чудной живет.

Только полны города, городки
и деревни
светлыми чадами Ангелов божьих,
что дышут стихом.
Это для них Гумилев... и Гомер
со стихом своим древним...
Так и летим, - без Земли,
без страны, - на Пегасе верхом.

1995

ЭТО РОССИЯ

Края неволи и молчанья,
стола баланды и лапши,
язык приказов и мычанья,
места растления души,

где на бессмысленном просторе
междуусобиц круговерть,
где от ума - тоска и горе,
от совести - позор и смерть,
это Россия...

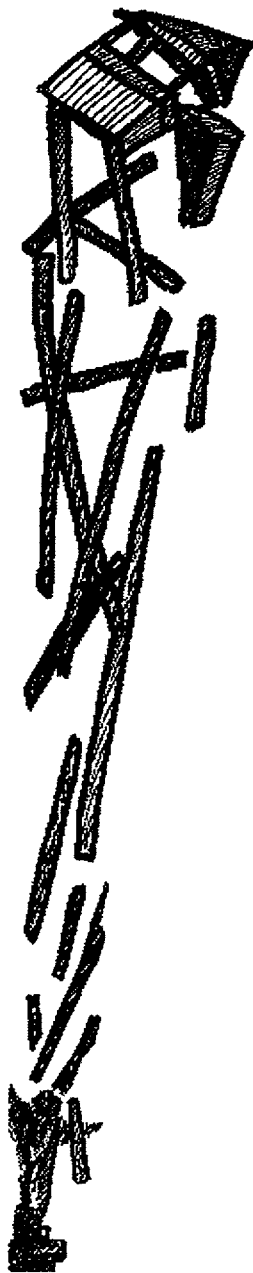
Страна униженных евреев,
земля замученных славян,
обманный край протоиреев
и горьких песен мусульман,

где пацаны мясным забором
прикрыли подлости властей
и где успех - синоним вора,
а ложь - основа новостей,
это Россия...

Где генералы туповаты,
цари лгуны и алкаши,
политики придурковаты,
певцы без мысли и души,

где города темны, опасны,
и холод с лета до весны,
леса и женщины - прекрасны,
дороги и вожжи - гнусны,
это Россия...

Запой вселенский лет на триста,
в небытие веселый мост,
тюрьма поэтов и артистов,
умов и гениев погост,

народ, о хлебе и о Боге
всю жизнь мечтающий чуть свет,
страна у смерти на пороге
последние две тыщи лет -

это Россия. Просторы брусничных
полян и хрустальных озер,
царство наивных, страна
подгулявших, лесная, степная,
мать, отдающая, сраму не зная,
приплод свой на смерть и позор...
Это любимая, страшная
наша собака цепная...
Это Россия...

1995

МАТЬ СОЛДАТА

В декабре погиб в Ичкерии солдат
от свинца ли, от чеченского ножа.
Он не знал, что не вернется назад...
Удивленный, на спине в грязи лежал.

Мать узнала, онемела. И без сна
потекло житье, как черная река.
Но ни разу не заплакала она -
очи высушила смертная тоска.

И приехал к ней однажды генерал,
и медальку ей красивую привез.
О войне ей о чеченской рассказал,
выпил горькой и расстроился до слез.

Отомстили мы за сына твоего!
- Сто чеченцев в свою землю полегли!
Мать солдата не сказала ничего,
только слезы ее тихо потекли.

Налила ему печалицы в стакан.
- Видно, ты не поумнеешь, генерал!
Сотня женщин - и у каждой был пацан,
значит, двести ты, не сто поубивал.

Эту весть ты понапрасну мне принес...
А теперь езжай обратно поскорей!
Ей на сына не достало горьких слез,
но хватило на чеченских матерей.

Пой песню, пой!
Пой, пока живой.
Если ты не сын начальнику, не брат,
за Россию, как герой, умрешь, солдат.

1995

СЛОВЕСНОСТЬ

В эти дни, в эти серые годы,
после рабства и мертвых стихов
ничего нет прекрасней природы
и простейших любовных грехов...

Нет надежнее Русского Слова -
вдохновений моих про отцов.
Пусть веками искусство **полова?**
забавляет элита глупцов.

Какая истина в очах,
когда бессонными ночами
светится книга, как очаг,
святыми вечными лучами!

Богатей разорится и рухнет,
но нигде он не купит билет,
чтоб зайти в тесноту старой кухни
и услышать изящный сонет,

чтоб увидеть, как в бедной одежде
гениальные люди сидят,
в размышленьях о слове, как прежде,
с полуслога поняв полувзгляд.

Смотри, как слово у поэта
размещено, обрамлено...
И возле сердца так согрето,
что жжет до слез глаза оно.

Мой народ, одурманенный хамством,
макияжем певцов и певиц
и фальшивым культурным пространством,
не читавший заветных страниц,

наделенный и зреньем, и слухом, -
помолись за Словесность Руси,
за хранителей Слова и Духа,
и пожить их подольше проси.

Открой хранилище судеб,
где текст по запаху и вкусу,
как древневыпеченный хлеб,
раздаренный народу Иисусом.

1996

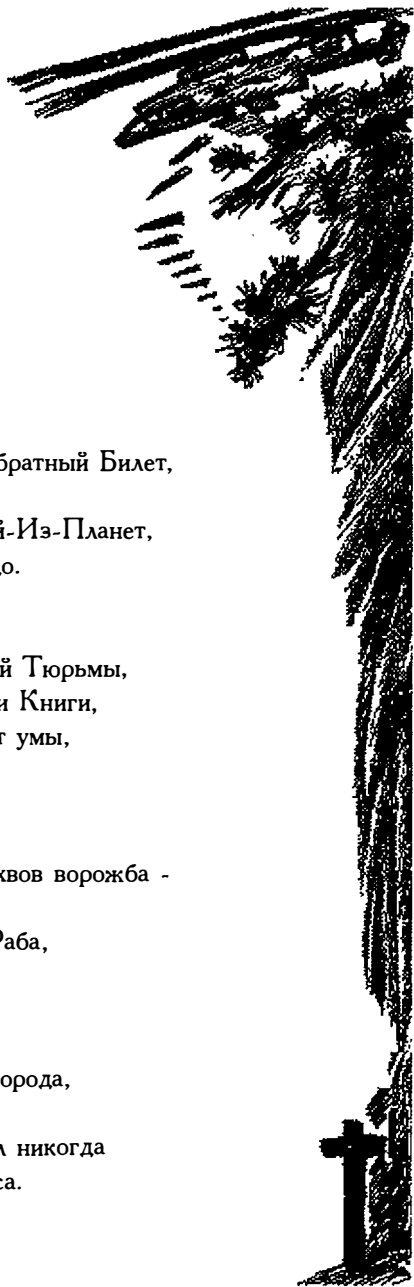
НАХОДЯСЬ ДАЛЕКО

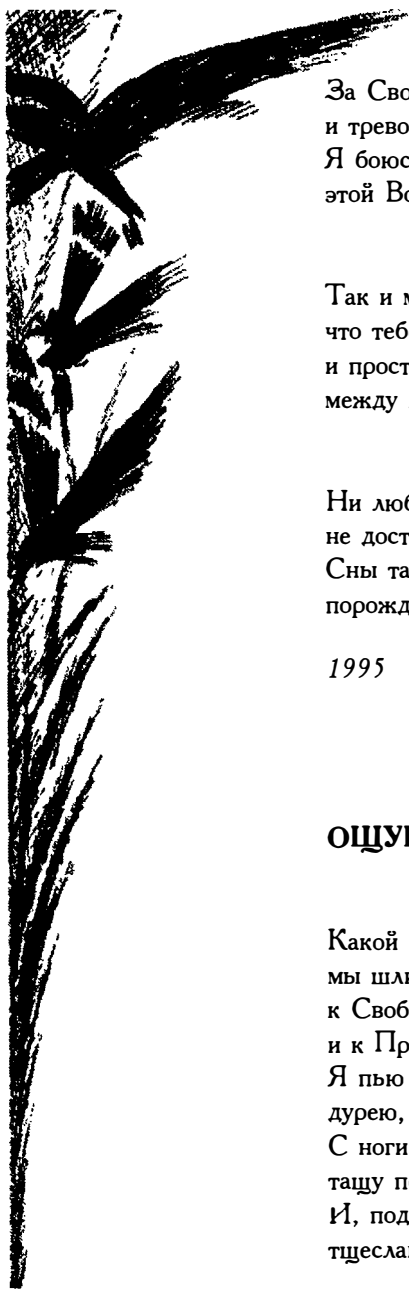
Этот пропуск с названием - Обратный Билет,
я ношу талисманом покуда,
опьянев от пространства Одной-Из-Планет,
не вернусь в наше Горе-И-Чудо.

Я дожил до развала Счастливой Тюрьмы,
где Весь Мир - только Кухня и Книги,
где опальный поэт так возносит умы,
что листают его и ярыги.

Не сбылась ни вождей, ни волхвов ворожба -
развалилась малина на доли.
Нет на свете чудеснее жизни Раба,
что Историей пущен на Волю.

И когда под крылами плывут города,
океаны и пар поднебесный,
я, как Ангел, живу, что не знал никогда
ни начальства, ни Русского Беса.

За Свободу и Правду я страхом плачу
и тревогою их убиенья.
Я боюсь, что стране моей не по плечу
этой Воли святые мученья.

Так и мечешься между лицом Палача,
что тебе обещает Порядок,
и пространством, где Солнце - всего лишь свеча
между ямбами вспаханных грядок.

Ни любви, ни заботы ни разу мне
не досталось от спящей России...
Сны такого великого разума
порождают чудовищ спесивых.

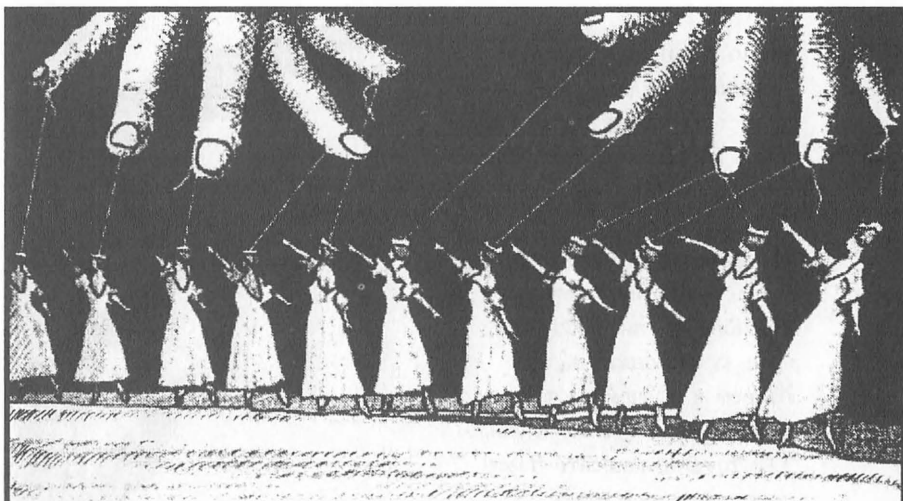
1995

ОЩУЩЕНИЕ СЕРОГО

Какой крошечною дорогой
мы шли из абсолютной лжи
к Свободе горькой и убогой
и к Правде, купленной за жизнь!
Я пью Свободу, словно водку,
дурею, плачу, матерюсь...
С ноги не сбитую колодку
тащу по кочкам через Русь.
И, подражая власть имущим,
тщеславной жадностью влеком,

летаю в западные кущи
голодным, нудным простаком.
И в страхе вижу, как Свобода
печет из хлеба русских нив
чудовищ нового народа,
сны разума заполонив.
И снова смуты перманентны,
и власть ворует, пьет и врет...
И снова мы интеллигенты,
и не за нас опять народ.
Живем и прячемся от свету,
к стихам и к музыке глухи...
Так трудно написать поэту
простые, ясные стихи.
Мудрим и маемся от дури,
полубезумен разговор...
И вновь со дна житейской бури
всплывает самый мелкий сор.
И нет признания таланту,
и забавляет хамов хам.
И невозможно музыканту
придумать музыку к стихам.
Живем темно и осторожно,
гигантской стала наша клеть...
И прокормиться невозможно,
и разоришься умереть.
О чем поют и по-каковски? -
пол не понять по голосам.
И только горестный Чайковский
возносит душу к небесам.
И снова право глупой силы
маячит где-то не в дали...
И только женщины красивы,
и только дети - соль Земли.

АЛЕКСЕЙ МИЛЮКОВ

ТОМБЕ́

или шаг в падении

Глава I.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОВОРЯЩИЕ БАЛЕРИНЫ!

1.

Свиягин терпеть не мог балет. Балет не как вид искусства, к нему он был равнодушен, а самих артистов, ту труднообъяснимую категорию людей, стоящих особняком внутри театрального содружества и именуемых так: балет.

По первому взгляду, среди цехов, отделов и служб театра никакого такого содружества не было. Каждая из технических групп имела свою задачу, и частенько на сцене можно было услышать ругань осветителей с машинистами или механиков с осветителями. Во время подготовки спектакля также ругались: верховые, радисты, костюмеры и даже безобидные реквизиторы, но ругань российская - штука нефиксированная, спонтанная, идет от причин вековых и драматически общих, а вспыхивает всегда как бы по частному недоразумению и на пустом месте. И не жесткий график, составленный в кабинетах, помогал всем этим службам управляться, а в конце концов та самая характерная черта нашей действительности - дружеские отношения и полюбовная договоренность.

Наступал момент, когда раздавалось трагическое: «Балет приехал!» - и это означало нечто более ужасное, чем все служебные переругивания. На сцену вваливалось, вкатывалось, вносилось, шумя и сметая все на своем пути, нечто разноперое и разношерстное, но удивительно одинаковое в массе. Свиягину казалось, что оно всякий раз встречается тут, будто только что очнувшись от коллективной зимней спячки, потягиваясь, неловко стуча, удивленно озираясь, прокашливая горло дежурными остротами и сыпля бесчисленными вопросами. Оно увешивало все станки, осветительные башни и декорации халатами, полотенцами, шерстяными штанами, сумками - и начинало «греться».

За добрый десяток лет, что проработал Свиягин в театре, он привык к бесполезности каких-либо объяснений с артистами балета. В отличие от сопредельных служб, с этим народом нельзя было договориться полюбовно. С ними нельзя было договориться вообще, - и вовсе не по причинам их кастовой замкнутости или высокомерия, -

нет. Но существовал между свиягинским миром и миром балетных людей загадочный барьер, уводящий последних, как бы даже помимо их воли, в иное, инопланетное измерение. Они разговаривали на русском языке, но Свягина всякий раз не покидало ощущение, что на каком-то своем, особенном, тайном русском, имеющим чудовищные смысловые смещения. Нормальная логическая связь между предметом вопроса и ответом тут как бы заведомо отсутствовала. Так, Свягину казалось, что когда он говорит этим людям обычные для прочих смертных вещи, они понимают нечто совсем иное, имеющее другой смысл в их системе понятий. Ему отвечали, но Свягин видел, что и эти русские слова означали у артистов совсем не то, что у Свягина. Выходила все время одна и та же глупость, вроде стишка из незабвенной «Республики Шкид»: они говорили «бутерброд», а имели в виду какие-то загадочные «цацки-печки», и языки были непереводимы с одного на другой.

Свягин знал, что с выходом артистов на сцену направленные фонари будут неизбежно «сбиты», кулисы оторваны от планшета, декорации сдвинуты. Его предостережения, вроде того, что опасно держаться влажными руками за включенную отечественную электроаппаратуру, балерины воспринимали своеобразно: обиженно меняя место разминки, они вновь спешили вцепиться в штативы, стоило Свягину скрыться из виду. Артисты прислонялись к тряпичному заднику с нарисованной каменной кладкой, падали и искренне удивлялись, почему стена их не держит. Мерещилось иногда нашему герою: артистам неведомо ни место, где они находятся, ни то, кто они сами. Хрясь! - отрывала балерина очередную кулису. «Голуба моя!» - ревел Свягин, - «Кто ж тебя такому научил, а?» - «Я не видел а, что держусь за тряпку», - объясняла та. - «Ты меня-то видишь?» - вопрошал Свягин устало, - «как я тебе представляюсь, в виде геометрической фигуры или расплывчатого светового пятна?» - «Вижу», - отвечало создание в балетной пачке, обидевшись.

Но и это «вижу» означало нечто совсем иное.

2.

Одним из ранних воспоминаний Свягина было: стоит он в кулисах, горят разноцветные лампы, а по сцене, как бабочки, порхают белоснежные создания под удивительную музыку. Сон ли это был, или

на какой-то новогодний утренник приводили его родители?

Но Свягин знал одно точно: все сильные впечатления его детства в дальнейшем получали свое логическое продолжение и развитие. Жизнь впоследствии подражала ярким впечатлениям детства как каким-то своим неслучайным и выразительным наметкам. Не на этом ли строятся предсказания? Это бессмысленно исследовать, но в сплетении второстепенных, третьестепенных событий юности - волна, чуть коснувшаяся в детстве, пригнала и прибила его к театру. Это не было влюбленностью, и степень случайности происшедшего не принуждала, не давала повода Свягину вникать в тонкости, в дух и атмосферу артистического мира. И что он знал об артистах балета тогда, впервые переступив театральный порог?

Коснемся тут толпы, пощекочем ее.

Обывательская молва сделала из понятия «балет» некий жупел, расхожий штамп, ряд словесных заготовок «на случай». Если твердолобость военных была мишенью для острот, а начальство служило поводом для изливания желчи, то балет всегда воспринимался толпой как некая мера бездонного разрыва меж окружающим бытом и причудами людских фантазий. В массовом народном сознании балет стал синонимом нереальности, запредельной отстраненности от мира фабрик и кухонь, где балерины - это все, что угодно, но только не люди, живущие среди нас. Если в гастрономе на вопрос продавщицы: «вам завесить?», покупатель чеканил: «так точно!», то окружающие тут же узнавали военного, на которого профессия хоть и наложила неизгладимый отпечаток, но оставила человеком их мира, реальным, осязаемым, живущим по соседству. Если на крыше здания два субъекта с портфелями учили опытного кровельщика пользоваться молотком, то все знали, что эти двое - вездесущее начальство, которому не сидится без работы, и что отвечать за все в итоге будет кровельщик. Но какое место в расхожем сознании занимал балет, если на требования зарвавшегося ближнего товарищи язвительно вопрошали: «А не хочешь ли еще балерину, шампанского и на люстре покачаться?». Даже Достоевский, призывая любить нищих в том роде, что, мол, надо любить настоящих нищих, а не тех, которых изображают нам в балете, - проговаривался невольно, традиционно вынося балетное искусство за черту действительности, не признавая его реализма.

Художник, не признающий за сопредельным искусством реализма! Обыватели, определяющие степень капризности желаний, - «балерину, шампанского и на люстре покачаться!» Доходило до абсурда. Дальние родственники спрашивали балерину: «Ты кем работаешь?» - «Я танцую», - отвечала балерина. - «Это понятно, что танцуешь. А работаешь-то кем?»

Толпе поверить в балерину с авоськой было так же трудно, как в реальность Америки тех лет или наступления коммунизма. Балерине, как экзотическому животному в зоопарке, оставили место только на сцене и на обертке шоколадки. Балерин среди народа не было. Потому, что балерины не разговаривают. Потому, что балерин с авоськой не бывает.

...А были репортажные штампы: «О, эти стены, помнящие... О, эта магия неземных, чарующих... О, волшебный призрак Терпсихоры, витающий, о!»

Свягин в те годы был романтиком. Свягин безоговорочно верил и в то, что «стены помнят», и в «дух Терпсихоры, витающий, о!», и даже в каплю утренней росы, которой питается балерина! Русским народным сплетням об артистических оргиях с битьем посуды он не верил потому, что не хотел верить. Романтику и максималисту, отвергающему «быдло» и «кухню», самому нужно было божество, чтобы противопоставить его бездуховно-прагматическому миру, и растить его в своем сознании, и дорожить им. Если бы Свягина спросили, что такое для него балерина, он бы ответил честно: да, божество таинственное, неизвестное, существо не от мира сего, волнующая загадка, не смею заговорить. Мало того, что женщина, ангелоподобная красавица, еще и танцует, волшебница, фея!

В первый день, очутившись в стенах помнящих, с духом Терпсихоры витающим, Свягин ошалело смотрел по сторонам, как деревенский пастух, неожиданно попавший на ВДНХ. Шли последние приготовления к спектаклю. Жужжали штанкетные лебедки, голоса в динамиках перебивали друг друга («...семнадцатый на третьем вниз, лимонный убери, откуда вылез красный, Сан-Саньч, подойдите к пульту помрежа, включи всю группу-супер на марку, оставь это положение, запишем...»), сверху опускались полотнища кулис, гасли и зажигались фонари.

Свягин не смел выйти на сцену. Вдруг мимо него поплыли бело-снежные создания, в хрустящих балетных пачках, длинноногие, стройные! Не из телевизора! Не в ста метрах от балкона, не в бинокле! На головокругительно близком расстоянии!

«Вот он, дух театра», - восхищенно думал Свягин, - «прожекторы, механизмы. Выходят балерины. Все приведено к внутреннему согласию, и все готово к тому, чтобы родилось волшебство».

И волшебство началось. И загремела музыка, и разошелся занавес, и вспыхнул весь свет, и поплыли по сцене воздушные создания. Громом аплодисментов встретил зал выход принца и феи, легендарных звезд, живых и тоже восхитительно подлинных, после знакомых фотографий и телефрагментов, - продолжающих завораживать непредсказуемой новизной, творящейся прямо на глазах, здесь, и сию минуту, и великой!

В одну из минут в кулисы, где стоял Свягин, вбежал принц, закончивший свою вариацию. Свягин пошевелиться не смел. Принц упал на четвереньки, мокрый, тяжело дышащий. Это был слишком резкий контраст с тем образом, в котором принц только что находился, но Свягин был уже человек немного театральный. Он вдруг подумал о том, что, мол, вот они, муки творчества, «невидимые миру слезы», и как нелегко путь к созданию подлинного образа и т.д.

Принцу поднесли стакан воды к губам, он отхлебнул, но не проглотил, а, прополоскав горло, выплюнул на планшет. Затем, не вставая с четверенок, развернулся лицом к сцене и, наблюдая за вариацией партнерши, прошипел ей сквозь зубы:

- Куда тебя понесло, сучка?!

3.

Это был шок. Где те слова, которые передали бы состояние нашего героя? Офонарел, опупел? «Замер и ополоумел»? Свягина как парализовало. Назвать фею - сучкой? «Помните, что скоро вы войдете в храм искусства», - наставляли молодых технических специалистов педагоги, - «Чтите его и уважайте его высокие законы». - «Арс Лонго, вита бревис!» - хором клялись студенты Театрально-технического. И это означало: «Жизнь коротка, искусство - вечно».

Фея - сучка? Свягин был романтик и мечтатель. Когда первое

оцепенение прошло, он стал думать о том, как бы такое нелепое положение исправить. Как юноша мечтательный, он стоял столбом и наивно выдумывал варианты, при которых бы смог помочь фее, дать ей понять, что она - фея, а вовсе никакая не сучка. Что пусть партнер и называет ее сучкой, но для почитателей ее таланта, к коим Свягин с этого вечера себя уже безоговорочно относил, она - божественная фея, гениальная артистка, чудесный человек. Свягин был юноша впечатлительный и, чем больше он думал, тем больше фантазия сковывала его понимание вещей. Он твердо решил идти брать у феи автограф. Он был уверен, что артистам раздавать свои автографы приятно в любом случае. «Хотя бы покажу ей, что сегодня у нее на одного почитателя стало больше».

После спектакля Свягин, вооружившись подобранной на пульте режиссера программкой, неловко затоптался у феиной гримерки. Он уже придумал слова восхищения, которые в крайнем случае смог бы даже - чем черт не шутит! - произнести.

- Там какой-то молодой человек вас ждет, - сказала гримерша фее, заметив Свягина (Свягин похолодел), - За автографом, наверное, пришел.

- Ну, ладно, - смилостивилась фея, - принеси, Людочка, сюда его программку. Надо расписаться этому мудаку, а то не отвяжется!

Дома, в тот же день своей «премьеры», уже ближе к полуночи, Свягин нервно записывал в дневник:

«Волшебный мир разрушен. На свете нет ничего святого. Вокруг пустота и одиночество. На кухне варится картошка, в округе чутко спит быдло, чтобы не проспать завтра на работу! А прекрасная фея сидит в гримерной и снимает с лица толстый (!) слой грима кремом «Театральный».

Свягин подумал, злобно дописал после «крема театрального»: «Цена - 27 копеек», но быстро зачеркнул, так как это показалось ему уж чересчур циничным. Он все-таки был романтик.

А годков ему было - шестнадцать.

4.

Возраста не существует, есть только драгоценность опыта. Но времена первых опытов, принимаемых за абсолютное знание, юношеская уверенность в исключительности своего прихода, прошли для

нашего героя. Окунувшись в реальность, Свягин быстро и с жадностью нового знания переоценивал все то, чему учили лукавые педагоги. Теперь он смотрел трезво. Теперь он смотрел изнутри. Как всякий поэт, он был немного самодур, и на веру принимал теперь лишь собственные чувства и плоды собственного, более зрелого, опыта. Он не боялся спорить с Толстым и указывать друзьям на стилистические огрехи Достоевского. Он был наглец, он даже переписал на свой лад корявую строчку Лермонтова «...мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники». И что уж тогда говорить о балете, - казалось нашему герою, что на выигрышные, ударные музыкальные моменты Прокофьева или Глазунова - у балетмейстеров приходились не соответствующие силе музыки хореографические «сопли». И это было не развязностью свягинского восприятия и не манией величия, а вот чем это было: театральные деятели, люди, составляющие дух и плоть театра, обремененные бронетанковостью наград и власти, рассуждая о чувствах бесхитростного юноши Ромео и уча одухотворенности лазанья на Джульеттин балкон, сами в этой живой жизни на балконы к Джульеттам не лазили.

А Свягина интересовало только живое. Ему всегда больше нравился процесс репетиции, нежели готовый, как воск в форму отлитый и застывший, спектакль. На репетициях педагоги нервничали, кричали на артистов, но там за некоторой корявостью исполнения еще угадывалась личность каждого, раскрепощенная возможностью еще не раз повторить попытку. Свягин шутил, что Бог разнообразит, а дьявол унифицирует, - целью же педагогов было: избавиться от индивидуальности, шаг за шагом отточить работу до готового масштабного изделия, монолитного спектакля, этих стерилизованных консервов с длительным сроком употребления.

Отдельной статьёй были мужчины-артисты. Умея занять на сцене героические, мужественные, «мужские» позы, они в повседневной жизни в подавляющем большинстве оборачивались какими-то недомужчинами, недогероями. Неестественно вытянутые, с перекачанными, галифеобразными ногами, они капризничали под стать балеринам, мало уступая им в женственности. Степень близости к настоящему мужскому образу, как правило, находилась в обратной зависимости от таланта.

Ребенок исполняет волю родителей, при всяком удобном случае

не упуская нащупывать степень и пути своей свободы, в борьбе с чем и заключается родительское воспитание. Но, по законам природы, взрослый мужчина, послушно и в точности исполняющий волю другого мужчины, - нонсенс. Есть что-то неистребимо гомосексуальное в армейских взаимоотношениях, в этом исполнении прихотей и капризов старшего по званию - младшим. Что-то неистребимо женственное и в то же время послушно-детское было заложено в каждом из артистов-мужчин уже самим характером его занятий балетом. Ибо повторять безоговорочно те движения, которые навязывает тебе педагог, не проявляя при этом своей воли и своего протеста, не противодействуя более сильному, - есть качество не мужское. Для мужчины естествен уход из-под опеки и самоутверждение в схватке с сильным противником. Но если твой начальник и хозяин тебе хоть чуточку не враг, не камень на шее и не помеха твоей свободе и личному выбору, а, наоборот, ты просишь: позанимайтесь со мной, поддрессируйте меня еще...

Порой восхитительным казалось Свягину однообразие внешних балетных совершенств: все танцовщицы как на подбор, без сучка и задоринки, - и умрите, ценители женской красоты, придите в смятение от невозможности выбора! Умрите, восточные шейхи, - от невозможности иметь такой огромный гарем, где собрано все самое стройное и длинноногое! Бывали балерины и пожиже, да и те, переодевшись в «гражданское», могли, казалось, дать сто очков вперед своим земным соплеменницам по части легкости походки, вразумительности и чистоты жеста, змеиной завораживающей гибкости и графичности линий, - по всем тем признакам, которые именуется женственностью. «Тебе идет любой наряд»!

Вне сцены балетные люди узнавались обычно по бросающейся в глаза особой выправке - ровно поставленному корпусу с развернутой грудью и той, упомянутой уже, особой походке с вытягиванием носка при ходьбе и легким выворотом стопы при опоре. Несмотря на то, что у балерин такое движение было механическим, приобретенным профессионально, в нем тем не менее - совершенно невольно, счастливо для них, - виделась как будто некая беззащитная трогательность в сочетании с энергией сжатой пружины, дремлющей в теле. Любой бы женщине шла такая походка. И почти у всех балерин был открытый лоб и длинные волосы, но - решительно убранные,

отведенные, зачесанные назад, прочь, со лба, за уши, за темя, - убранные будто в подсознательном желании не мешать открытости лица, ушей и шеи. (Сказалась ли в этом сценическая привычка, перешедшая в жизнь?)

Но вот что удивляло. Узнавание это происходило часто не от стандарта форм и не от в кровь вошедшей пластической унификации жестов. Дело было в неуловимом присутствии чего-то другого, уже из области внутреннего, - психологии, сумевшей бы объяснить и все прочие похожести. Ведь даже при самой робкой или ленивой попытке узнать балетных людей поближе - всегда поражало одно их яркое свойство: эта всеобщая, тотальная, не выжигаемая никаким каленым железом необычных положений и ситуаций, - их похожесть и внутренняя. Будь в стране одно балетное училище на всех, и один педагог их всех учи, они бы и тогда не были так серийно идентичны.

Эта внутренняя поголовная похожесть не была простым отсутствием интеллекта или «безличьем», которое «сложнее лица». Шкала ценностей балетного мира, их образ мысли, их реакция на окружающее - оказывались закрытыми для обычного человеческого понимания и оценки потому, что были связаны с этой профессией как бы на молекулярном уровне, напрямую от нее зависели. Засыпать в этот мир Штирлицев было делом пустым. Свягин уяснил, что для понимания балетной психологии нужно было как минимум танцевать самому. Выходила какая-то чертовщина, вроде того, как: наши, немцы - и балетные, умные, глупые - и балетные, люди, звери, птицы, флора, фауна, идеи, события, «магистральные пути истории» - и балетные. Они с завидным постоянством находились в стороне от в с е г о, удивляя своей вечной неизменностью. Они не вмешивались в земные дела. Их мир был самодостаточен, замкнут на себя, внутренне отлажен с автономностью подводной лодки, со своими богами, героями, - и любой наш Гастелло им был нипочем.

Кто автор неевклидовой геометрии? Не Евклид. Их можно было оценивать только так, от противного: что они - не.

Герой Набокова, полупомешанный шахматист, созерцая на прогулке телеграфный столб и стоящую неподалеку березу, машинально разыгрывал в уме комбинацию: если столб это конь, а береза - ферзь, то столбом можно взять березу. Не так ли артисты балета воспринимали и окружающее? И где они существовали всерьез - на

сцене ли жили, и не в жизни ли играли? Все смешалось в доме Облонских. Им было трудно доверять: танцовщица из «бывалых» блестяще изображала стыдливость и смущение тепличной девицы (не изображала - была стыдлива и смущена, внутренне перестроив всю свою сущность для этой роли), а юное создание, только из хореографического училища, - матерую, развязную распутницу («Откуда в ней столько грязи?»).

Ни у спортсменов, ни у циркачей, не говоря уже о военных или сталеварах, профессия не отбирала так подчистую все силы, не подчиняла себе так тотально весь внутренний мир человека, чтобы не оставить ему всегда еще какой-нибудь личностный уголок. Как будто умение совершенствоваться в танце, одухотворяя его, - постепенно, с самого детства, заменяло этим существам органы чувств. И бесчувствие было платой за мастерство.

Так, Свягина поражало отсутствие у артистов осязания в той полной мере, что присуща обычным людям. «Краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами» - для них не существовало. Беседуя со Свягиным на сцене, перед выходом, балерина могла решительно обхватить его за шею, используя попутно вместо станка и продолжая выбрасывать ноги в батмане. Объятия тут ничего не значили. Вся эта балетная масса кишела, крутилась и вращалась, поддерживая друг друга за все части тела, находясь в объятиях друг друга, с утра до вечера. Мужчина вращал женщину за талию с той же долей страсти, с какой женщина на кухне вращает ручку мясорубки, накручивая фарш. Логическая цепочка была убийственно-железной: ручку мясорубки нужно вращать, в руках партнера - вращаться, и это были действия одного порядка, которые нужно было не перепутать.

Артисты были полноценно зрячими, ориентируясь в пределах сцены, «держа строй», линию, диагональ, - совмещая с отрезком отпущенного времени свое движение в заданном пространстве. А между тем балетные люди не видели, казалось, простейших вещей: штанкета, опускающегося сверху, незакрепленной трубы, падающей на них при попытке «разогреться», накатной платформы, ползущей на них во время перемены декораций, - они не могли взять в толк, что театр, это: «все течет, все изменяется», и с детской наивностью и испугом озирались, увидев внезапно изменившееся *face of stage*.

И к глухонемым они были близки потому, что говорить для

танца было почти незачем, разве что: аттитюд, арабеск, балансе, - нужно было слушать, слушать музыку, мысленно считать такты. Часами, годами молча упражняться перед зеркалом, добиваться совершенства техники, позабыв о «роскоши человеческого общения».

Поначалу Свягину казалось, что колдовство артистов над своим телом было из рода некоей самовлюбленности. Они часами смотрели каждый на свое отражение, и все, что относилось не к слову, а к т е л у, то есть жесты, походка, своеобразность движений, - будто бы носило у них характер особого аристократического изыска, чуть ли не намеренного желанья отличаться от небалетных людей.

Но это было ошибкой. «Культы тела» как такового в балете не существовало. Тело для артиста являлось ничем иным, как только рабочим инструментом, вроде молотка для кровельщика или гранатомета для военного. Артисты часами смотрели в зеркало не на себя, не на свои ноги, а только на то, что и как эти ноги д е л а ю т. Свягин немало поразился, увидев когда-то впервые балетных людей на пляже, без грима, без трико. Это было собрание перекачанных мышц, мозолей, стертых фаланг. Грациозность, упрятанная в трико, дорого оплачивалась.

- Не «западай» так на балерин, - учил Свягин молодого коллегу, только что поступившего на работу, - а в особенности не играй перед ними своими мышцами. Это пустое, у них самих такие же.

Тело, тело! Принесенное в жертву занятию тело! Нечувствительное к чужим рукам тело, где объятия ничего не значат! Артисты были сами вечными заложниками своего тела, его слугами. Свягин общался с предметами, касался их, заставлял их служить себе, а артисты имели дело только со своим телом, их касалось только оно. Тело для производства танцев было главным стержнем их психологии, призмой, через которую воспринимался мир.

Они и не хотели никогда удивить этот мир какой-то особой стройностью или особой походкой, они и волосы убирали подальше потому, что это была единственная, не управляемая их волей, часть тела.

Тело, тело! Молоток и жезл, гранатомет и так одновременно. «Она чудесный человек», - говорила одна из балерин о своей соплеменнице Свягину, - «ведь у нее замечательные ноги». - «Есть ноги и получше!» - едва не вырывалось у Свягина. Он и не ведал, что дело тут - вовсе не в форме ног. Что и оценка характера находится в пры-

мой зависимости от обладания «умелыми» ногами, которые с утра до вечера без сбоев работают на одной линии с твоими.

5.

«Балет приехал!» - кричали люди из технической группы. Толпа артистов вываливалась на сцену. Со светом еще не закончили, техники нервничали, приходилось поторапливаться. - «Бога ради, ничего не трогайте!» - умолял Свягин без всякой надежды, по привычке. Фонари еще включались группами, для записи программ на несколько секунд приходилось еще делать полную вырубку, black out. Артисты здоровались, заученно укладывались на пол, шевелили ступнями, растягивались. Во время вырубок кричали хором: «Дайте свет!», очевидно, думая, что осветители дурачатся.

- Ку-ку, - говорила одна из балерин Свягину, что на балетном языке означало, видимо, приветствие.

- Здравствуй, Эльвир, привет, ты кстати, - скороговоркой отвечал Свягин, - Я хотел...

- А вот так нормально?

- Что, «нормально»?

- Да нет, я не о том. Сереж, класс сегодня на сцене, ты не знаешь?

- Нет, я вашего графика не знаю, нас вызвали сегодня раньше обычного.

- А вас, постановочную, вызвали на класс одних, или мы тоже нужны?

- Боже! - хватался за голову Свягин, - Мы - на класс?! Как ты себя чувствуешь?

- Да нет, ахиллы уже в порядке. А так... Ну, вообще, так. А нельзя ли сегодня, Сереж, на мой номер свет сделать поглубее, чем в тот раз?

- Э-э, как это «поглубее»? Ты вот что... Ты лучше по-хорошему меня выслушай! - оцетинился Свягин, - Дело у меня! Мне нужен сейчас твой Лет... (Свягин чуть не проговаривался, называя балеринного друга по кличке, Летящим Шкафом) ... твой Илья. Мне нужно, чтоб вы показали позы для световых переходов, иначе я собьюсь. И выходы ваши в темноте, откуда вас с Ильей брать. Ты-то, конечно, не помнишь?

- А, кстати, хотела спросить. Где мне выходить?

- Стоп, стоп. Это я уже и спрашиваю. Я - первый спросил. Пойми, что я не могу знать это за тебя. Из какого плана тебе удобней? Где Илья?

- А причем тут позы? Ты разве не знаешь? Мы с Летающим Шкафом больше не друзья. Мы теперь с Колей Рубако. Танцуем теперь с ним, еще сегодня утром этот номер репетировали.

- Понятно. Роль судьбы отведена балетмейстеру, - бурчал Свягин, зная, что балерина его не поймет, - Ну, так покажите с Колей!

- А ты, кстати, не знаешь, где он?

Свягин угрюмо отходил.

- Этот Свягин какой-то ненормальный, - жаловался один из артистов, Гарик Майданов, своему приятелю, с которым они «грелись» на планшете, лежа голова к голове, - на выездном концерте в зале Чайковского дал мне перед выходом какую-то табуретку дурацкую, чтоб я с ней на сцену вышел. Никогда не поймешь, шутит он или серьезно. Спрашиваю, зачем. А он говорит, что адажио из «лебединого» под баян пойдет, известный баянист приехал.

- И ты вынес?

- Ну, да. Я же думал, правда.

- Во, ты дурак! Я Свягину никогда не верю. Однажды захотел в туалет и спрашиваю у него, где тут можно взять бумаги. А он мне говорит, в бухгалтерию сходи, там бумаги полно, и вся ненужная. Пришел, а на меня как на идиота смотрят, что я у них туалетную бумагу спрашиваю. Свягин, конечно, гад, но уж и я над этими писаками посмеялся. Представляешь, какие там грамотеи, дураки безмозглые сидят, - у них слово «бухгалтерия» через «х» написано! «Бухгалтерия»! Обкакаться можно!

«Балет приехал!»

Слово «балет» техники произносили только в присутствии артистов. В технических кругах к балетным артистам всегда было снисходительно-сочувственное отношение как к существам не во всем полноценным. Животные, шатия, балетота, балетозавры, скелеты, копыта, членистоногие, слонотопы - так именовались они неофициально. Они воспринимались если не как враги, то, по крайней мере, как досадная, но, к сожалению, неустраняемая, помеха в работе. Они не понимали самой сути

художественного оформления. Они снимали грузы с декораций, чтобы «качаться» в антракте (декорации падали), они, как черт, ладана избегали направленного верхнего света, софитного «снопа» - откатываясь во время действия в темноту, в световые провалы, чтобы свет их не слепил; они отключали сценические колонки - «подзвучки», чтобы те их не раздражали.

Было бы мелким ругать человека, создающего образ вживую, за его непредвиденные, «попутные» слабости. Но, как бы ни старались Свягин и его товарищи, для большинства артистов казалось еще и слишком заманчивым свалить огрехи своего танца на техническую группу. Так и выходило, что свет почти всегда оказывался слишком ярким, звук слишком громким, пластик скользким - иными словами, «вода слишком мокрой».

У техников дурным тоном считалось знаться с балетом, ибо работы в театре всегда хватало и без расхлебывания чужих несовершенств и капризов. Было техническое братство, были зоны, запретные для артистов, которые техники старались еще отвоевать и расширить, дабы не собирать себе на голову лишних угольев.

Но плевать бы Свягину на принятую в своем кругу условленную нелюбовь к балетным людям, да были у него собственные соображения на сей счет. Сам он никогда не считал себя только техником, как и не считал обязанным подчиняться коллективному уговору о неприятии танцующего люда. Свягин «по гамбургскому счету» относил театр к своему хобби, пытаясь внести в работу элемент игры и всегда немного с иронией, как бы со стороны, наблюдал за «серьезностью» вокруг него происходящего. Ему нравился собственно театр, атмосфера театра, душа театра, его запах, который он больше нигде не чувствовал, внезапность меняющихся условностей, его живые машины и механизмы, его, - с детства желанная, - игра местами и обстоятельствами, временами суток, временами года и временами вообще. И артисты - не люди, измотанные физически и не пытающиеся связать двух слов, - а артисты как некое понятие, неотделимое от театра, как нечто, связующее с ним, одетое в парики и костюмы, как часть живого, как живая часть декораций, - Свягину тоже нравились, и здесь нет противоречия, читатель. Для Свягина бы не было театра без пива в театральном буфете с тореадорами и нибелунгами, без прогулок по жизелевскому лесу в окружении пестрых крестьянок, или вот: звездное небо, где - мгновение - и уже нет ни звезд, ни

ковша, а есть только внезапный, все заполнивший свет, знойный пейзаж с пирамидами и цепочкой далеких ливийских гор на горизонте.

Наш герой по причине какого-то наивного эгоизма не мог примириться с выпячиванием чужого творчества, с этим тщательно раздуваемым в театре, насквозь фальшивым, внешним и абсолютно циничным «культом артистов», к заботе о самих артистах мало имеющим отношения. Ценя превыше всего слово и общение без подоплеки, но видя полное отсутствие этого дара у балетного люда, он и не вникал в механизм этого чужого творчества. Балетный мир не был свиягинским подобием, резервом для пополнения его воображаемой армии «мечтателей и полуночников», и этого было достаточно для бывшего романтика, а ныне умудренного опытом поэта и реалиста.

Глава 2.

ТЕ И ДРУГИЕ

1.

Вдруг кончилась эпоха всенародных «неуклонных подъемов» и «героических созиданий на благо» - и началась эпоха зарабатывания денег.

Умерли слово «копейка» и анекдоты. И они были не единственными павшими, да и не последними. Главным событием XX века оказалась не октябрьская революция, а всенародное горькое осознание в конце концов факта, что в России никогда ничего нельзя тронуть без того, чтобы не стало хуже.

И в балетный мир Жизелей и Сильфид эти ветры тоже ворвались - Терпсихора стала лицом смахивать на Диану. Чувство всеобщей обделенности и недоданности за труды передалось и артистам, чувство несоответствия формы содержанию - в прямом смысле.

С ослаблением старой удавки начался массовый исход звезд балета на контрактную работу за рубеж. При любой возможности в немилую заморскую сторону отбивала и зеленая молодежь. «Да ты же на ноги еще не встала!» - укоряли репетиторы какую-нибудь юную барышню, еще тепленькую, из училища. «Вот там и встану!» - парировала та, поражая логикой.

Но адская балетная машина продолжала испекать все новые и новые пополнения этих прыгающих руконогих существ, этих одинаково-стандартных людей с отсутствием работы мысли на лице, этих загадочных пришельцев из космоса.

Коллектив артистов театра, где работал Свягин, в течение года почти полностью обновился. Добрую половину труппы Свягин уже не знал по именам.

...А интерес к русскому танцу на Западе потихонечку иссякал. Своего модерна в России никогда не было, а классическое наследие, бывшее прежде надежной синицей в руках, за годы невнимания к мелочам так перелицевали и перемордовали многочисленные честолюбивые «возобновители», что и то последнее, что имели, упустили.

Начались дешевые, шаромыжные, «чёсовые» гастроли. Начались заграничные поездки (бывшие прежде чем-то неотделимым от русского балета) - «на любых условиях», поездки с хитрого вида личностями, именующими себя импрессарио, не выполняющими половину обязательств и экономящими уже на вещах, святых для всякого русского человека: сне, еде, выпивке.

2.

В Италию ехали с Киевского вокзала до Будапешта, а там на автобусе дешевого итальянского агентства «Сильвестри» - через Югославию и Францию.

Стоял сентябрь, вторая половина. Югославия утопала в зарослях хмеля, гроздьях винограда, початках кукурузы. На склонах гор вблизи селений паслись стада. У обочин дорог возвышались гигантские, размером с дом, плетеные короба-корзины с частью собранного урожая. Люди трудились, казалось, с той приятной долей усталости, что обещает скорое завершение всех дел, а там и отдых, и праздник урожая, и праздник жизни, и можно, не глядя, сгрести руками бесчисленно початков из кучи, и конец - делу венец, и все сошлось, игрой музыка, пускайтесь в пляс ноги: целый год горя не будешь знать с таким урожаем!

Но уже все дышало предчувствием войны. Все чаще попадались по пути противотанковые ежи, бетонные надолбы, наспех спрятанная артиллерия и бороздящие небо боевые вертолеты, - странные своей однозначностью признаки, на хороший исход надежды не

оставляющие. Спустя время Свяигину казалось, что Югославия только и замерла напоследок, чтобы пропустить транзитом их последний автобус. Что лишь в связи с их переездом откладывались на время бомбардировки, прямые артиллерийские попадания, горящие селения и горящие корзины с урожаем.

Администрация балета, эти инвалиды умственного труда, эти заслуженные работники культуры и отдыха, по загадочной чиновничьей привычке считать первые ряды где бы то ни было наиболее престижными, на них и восседали, перепутав свою пространственную близость к водителскому креслу с близостью к какой-то из высоких трибун. Свяигину было искренне жаль этих солдат справедливости - на протяжении всех переездов чиновники сидели прямые как свечи, не имеющие возможности даже вытянуть вперед затекшие ноги (колена упирались в барьер), но имеющие возможность в любую минуту встать и обратиться с речью ко всему салону, к креслам «нижестоящим». Самыми удобными были последние два ряда, разделенные большим пространством задней двери, не говоря уже о заднем сиденье, на котором можно было, согнав на время товарищей, поспать всласть, вытянувшись в полный рост. Расписывая по фамилиям места в автобусе, чиновники, сами все сплошь вышедшие из балета, столкнулись с неразрешимой для их способностей задачей: артисты и техники в списке вдруг неожиданно кончились, а места еще оставались. Естественно, что самые удобные последние ряды и заняла свиягинская команда, начав и на список, и на администраторов, и на повисшую в воздухе задачу.

Все остальное пространство салона занимала кишачая, сплетающаяся в единственной заботе о своем теле, балетная братия. Едва автобус трогался после очередной стоянки, проходы меж рядами заполнялись ложащимися валетом телами, ноги сидящих в креслах закидывались едва не на плечи сидящих впереди. Ноги задирались на стекла окон, руки подвязывались занавесками. На поворотах кому-нибудь въезжали в ухо коленом или кроссовкой. Умудрялись отдыхать в три этажа: кто-то лежал меж кресел в проходе на полу, кто-то над проходом в креслах двух соседних рядов, а на того, спящего, как на опору, забрасывали еще ноги товарищи.

До городов, где выступали, ехали сутками, ночевали иногда в автобусе. Большая часть труппы, спешно набранная в коллектив перед

поездкой, испытывала небывалый юношеский подъем, связанный с новизной ситуации, с переменой насиженных мест.

...Но время в пути текло вяло. Вскоре начали вспыхивать первые ссоры. В автобусе было душно, балет капризничал. «Прего, синьор!» - то и дело кричали водителю-итальянцу на жуткой смеси всех языков, - «Эйр кондишн, плиз! Тут дышать нечем!» Водитель попеременно включал и выключал кондиционер, но никак не мог поймать температуру, устраивающую всех. Кто-то накрывался пледом, надрываясь, что его заморозили, - кондиционер выключали, начинали возмущаться другие.

Спектакли шли редко, а так все: ехали и ехали.

3.

Как-то утром автобус стоял на заправке «Аджир». Солнце уже давно взошло, прорываясь сквозь занавески салона, нещадно припекая и слепя, но первую утреннюю стоянку после ночного переезда многие все-таки проспали. Сменный водитель сигналил, собирая куривших на еще влажной траве сонных жителей автобуса и вызывая из туалетных предбанников наспех умывающихся. Кто-то только сейчас просыпался, хлопая глазами и потирая горящие щеки, измятые за ночь о жесткий ворс сидений.

- Сегодня что, спектакля нет? - спрашивали балетные девушки, доставая косметички, щетки и заколки. - А где мы, во Франции или в Италии?

Звукорежиссер Шура, по прозвищу Фанерыч, друг Свиягина, задира, лингвистический хулиган и словесный террорист, проснувшийся первым и успевший сбегать в придорожный магазин, заливался соловьем:

- Не знаю, кто где, а я уже побывал с утра - в шопе!

Девушки хихикали, закалывая волосы.

- Поесть хоть чего-нибудь взял? - пытали Фанерыча техники, - или опять только пакеты с вином, бурду эту, шкурки давленные? Пакетоноситель хренов!

- Сонные тетери! - говорил Шура патетически, обращаясь к товарищам и двум примкнувшим к ним с утра балеринам, - пиццелюбы и пакетофобы! На ужин, в отеле, по приезде можно будет сбацать

грибной супчик, а пока - жизнь продолжается! Жизнь, дорогие мои ездуны и ездуньи, должна бить ключом, чтобы все двигалось, пульсировало, чтобы одежда трещала по швам и все разлеталось в клочья! А так как ваша жизнь на сегодняшний день - опять сплошной ездец, то есть, грубо говоря, снова шестьсот километров этого поганого, остобрыдлого переезда, предлагаю произвести утренний пакетный залп!

- А не ударить ли нам лучше ракетами класса «Автобус-Автобус»? - возразил осветитель Ухтомцев, имея в виду старые запасы, две бутылки «Чинзано».

- Любо! Любо! - зашумели техники.

И новый день начался, деятельность закипела. Заревел двигатель автобуса, запели молнии сумок, замелькали ножи, ломтики сыра и хлеба, застучало золотое вино по пластиковым стаканчикам. Разговор оживился.

- Режь все сразу, а консервы на потом оставим.

- Копченых кур надо сейчас слопать, пропадут за день.

- Ухтомцев, я тебе в следующий раз скотчем рот заклею, что ты сегодня ночью вытворял! Мы тебя уже хотели на крышу автобуса вместе с креслом выносить!

- Не задерживайте отстрелянные гильзы, передавайте! Подкалиберный, заряжай! И какой это враг апельсины вдоль нарезал?

- Ой, ребята! Вам, наверное, так трудно приходится, - тяжело вздыхая, говорила присевшая рядом с Фанерычем балерина Эльвира Чулкова, - столько у вас работы на спектаклях. Ужас такой, сплошной.

- Мы что, не мужчины? - выпячивал грудь колесом Шура, не угадывая, куда Чулкова клонит. Ему было приятно ее внимание и соседство, - нам негоже жалиться. Как бы мы к вам... кхе... В конечном счете, я хотел сказать, мы все-таки работаем для вас, для балетозав... балета, то бишь. Для балета мы работаем, - начал отвечать он какие-то сомнительные, с точки зрения технического братства, комплименты, - вы только танцуйте, а мы уж как-нибудь! Потерпим!

- Я т-те щас поработаю для балета! - зашипел на него Свягин, - для балета он работает! Мы все работаем для нашего дорогого зрителя, делаем одно общее дело. Большое дело делаем!

- И даже не столько для зрителя, - ввернул Ухтомцев, - сколько для бессмертного искусства!

- Для победы Добра над злом! - вставили еще.

-Для утверждения всеобщей вселенской гармонии на тернистых путях мироздания!

- Может, винца выпьем? - бестолковый Шура протянул Эльвире пластиковый стаканчик с вермутом.

Балерина молча взяла стакан и сразу начала пить. Картинно помахав ладошкой у рта, только потом сказала:

- Чтобы ручки и ножки не болели! А поесть чего-нибудь... то есть, закусить?

Но ей уже протягивали булку с сыром. Эстет Шура даже изловчился положить сверху кисточку свежайшего, пахучего, невесть откуда взявшегося, укропа.

- А нам укроп? - грозно подступили к звукорежиссеру товарищи, когда очередь дошла до них.

- Звиняйте, парубки, бильше нэма! - стал выкручиваться тот почему-то на украинском, видимо, рассчитывая, что на этом языке его не поймут.

- Измена! - крикнул Свягин, - засада! Общение с нами и наше благое расположение нужно заслужить тяжелым умственным трудом. А наш укроп отошел балету!

Все добродушно рассмеялись.

- И все-таки нам вас жалко. Так, миленькие, устаете, - пошла Эльвира минутой спустя «по второму кругу», за новой добычей, - зрители аплодируют не только нам, но и вам, вашей работе. И вообще, говорят, что в следующем городе на наш спектакль будет аншлаг, а на Кировский балет, который там сейчас работает, зрители билеты сдают.

- На что сдают? - раздался вдруг откуда-то снизу, из-под кресел, сдавленный голос, - меня тоже запишите!

Это был артист Гарик Майданов, ревнивый недруг технической команды, единственный из балета, кто не признавал права постановщиков на собственную территорию. Он еще с ночи не просыпался, лежа под одним из кресел заднего ряда. Его давно заметили, но не гнали из гуманных соображений.

«Меня тоже запишите!» Техники заготовили хором. Гарик, выходящая, тарачил глаза спросонья, ничего не понимая.

- Мы тебя записали членом в наш клуб! - захлебываясь от восторга, горланил словесный террорист Шура, местами как-то даже повизгивая, - потому, что... Потому, что у нас - карандаша не было!

Наконец, отсмеялись, подобтели.

- Брось ему туда чего-нибудь поесть, - раздались сочувственные реплики. Шура, как величайшей драгоценностью, помахал перед носом артиста куриной костью:

- Служить!

- Блин, как он тебе будет служить под креслом? - изумленно спросила Эльвира, - ты его хоть выпусти оттуда, - «заступилась» она за артиста.

Несли варварское:

- Говорят, собакам нельзя давать куриные кости.

- А я слышал, можно. Рыбные нельзя, пораниться может.

- Не, это вы оба путаете что-то. Это топор нельзя в сапоге носить, чтобы пес не поранился, а кости можно - любые.

Гарик, гневно сжав зубы, пополз было из-под кресла, но хулиган Шура, широко расставив ноги и выпуская артиста, заверещал на весь салон:

- Отвернитесь, бесстыжие, охальники! Ой, мамочки-и! Ой, щас артиста балета рожу!

- Ладно, ладно, брат, вылезай, - добродушно сказал Свягин, - ибо: ибо! Истинно говорю вам: человек не собака и в ногах валяться не должен! Ноги ему - не к лицу, пардон за каламбур!

...Однако и Майданов просто так сдаваться не собирался. Встав с войлочного пола и поправив сбившийся за ночь спортивный костюм, он с нервной усмешкой плюхнулся в свободное кресло рядом со Свягиным.

- Я поеду пока здесь, - сказал он. Затем, помолчав немного и, по всей вероятности, что-то мучительно припоминая, обратился к Свягину покровительственным, не идущим к делу, тоном:

- Вот ты вчера говорил, что нельзя... это, как там? Цитировать? Ах, да, цитировать, - артист произносил слова нараспев, чуть поженски, - говорил, что цитировать чужое, а не выдавать что-то от себя, могут только олухи и евнухи. А сам - цитировал! Да еще так туманно. Мне абсолютно непонятно, что ты хотел сказать вчерашней

фразой: «Последние будут первыми», но сам признал, что это не твое. Объясни.

- Знал я одну девушку, - ответил Свягин загадочно, - которая, начитавшись в газетах о притеснении негров, хотела из жалости выйти замуж за одного из них. И ты, брат, не горюй. Еще не перевелись такие девушки на Руси. Все, может быть, устроится, обойдется. Шура! Еще цитату!

- Артистом можешь ты не быть, но спать в своем углу, гля, обязан! - отрезал Шура с удовольствием. И добавил:

- Знаешь, почему у тебя не все дома?

- Почему? - с достоинством спросил артист прежде, чем до него дошел смысл вопроса.

- Потому, что тебя нет на месте. Ни в Москве, ни в этом автобусе!

Возникла долгая пауза, подразумевающая артисту идти с Богом, но тот явно еще не получил удовлетворения.

- Ну, рассказал бы чего-нибудь, - с легкой усмешкой тянул резину Майданов, обращаясь к Свягину, - историю какую-нибудь, анекдот новый. Что замолчал?

- Вот ты и расскажи, чего другим отдуваться? Тем более, что твое кресло не обслуживается, - лениво отмахнулся Свягин.

- Значит, так, - оживился артист, - нашел Чебурашка лом и приходит с ним к Пугачевой...

- Э-э, нет, - сказал Свягин, - так дело не пойдет. Давай уж лучше я.

- Ну.

- Берет журналистка интервью у боксера. Ну, тот тупой, ни одного вопроса понять не может. Она уже сама начинает за него: «Конечно, вам такие мощные руки нужны, чтоб сильнее наносить удары по противнику, сбивать его с ног?» Тот долго думал, потом кивает: «Да». - «А такие сильные ноги вам нужны, чтоб быстрее двигаться по рингу, прыгать, уходить от ударов?» Тот опять тяжело задумался. - «Да-а!» - «А такая маленькая голова вам, конечно, нужна, чтобы противнику было труднее по ней попасть?» Боксер опять: «Да», а потом еще подумал, вспомнил что-то и говорит радостно: «А еще я в нее - ем!».

- Да, - сказал Майданов, подумав, - хорошие физические данные, это уже поддела. Это как пить дать.

- Тут какой-то подвох! - зашумели из ближних балетных рядов, - Майданов, дурак!

Гарик Майданов, видимо, и сам почуял неладное. Получив подтверждение этого со стороны и волнуясь, он бухнул ни к селу ни к городу:

- Зато мы танцуем, а это главное!

- А зачем? - спросил Свягин.

- Что, «зачем»?

- Зачем танцевать, если можно... Если можно все, что ты чувствуешь, сказать словами?

- Я ничего не понимаю! - воскликнул, вскакивая с места, Майданов, - какие-то сплошные загадки, бред какой-то! Какое мне от этого удовольствие?

Пройдя по салону пару рядов, он растолкал одну из балерин, мирно спавшую в двух креслах:

- Юль, Юль, проснись!

- А-а, что? - зашевелилась та.

- Извини, проснись. Ты уже выпалась? Можно, я посплю на твоем месте? Я, гля, как в будке сегодня какой-то собачьей спал. Сядь к Урсуле пока, если не сложно. А я посплю еще.

... - Тема нашей следующей лекции: синдром Пруста, - говорил Свягин, когда Майданов ушел, - но сначала алла прима, коль уж мы в Италии. Добьем картину сразу, чтоб краски подсыхали одновременно. История для девочек, - он повернулся к Эльвире с подругой, Таней Перегудовой, - вы, мои дорогие, конечно, знаете, что у художника слова - красной нитью проходит через все творчество один-единственный женский образ, часто воображаемый. Так и я, будучи еще совсем юным, написал поэму, где придумал образ идеальной девушки, которую мечтал бы встретить. Любовь, сопли всякие, лет десять назад было. И какую фамилию я ей дал, как вы думаете? Майданова, любить меня некому! Вот они, причуды судьбы, пророчества наизнанку и извращения вашего балетного мира: девушку так и не встретил, а Майданова накликал на свою голову!

Окружение дружно заржало по-лошадиному, не желая «отпустить» такую благодатную тему. Предлагали Свягину жениться на Майданове, чтоб старые мечты «даром не пропадали», намекали на его несуществующую «голубизну», а когда навстречу их движению промчалась бронетехника Объединенных Наций, спешащая, видимо, в Югославию, то закричали едва не хором, перефразируя тему голубых касок UN: «А не хочешь ли быть голубым в касках?!» и т.д.

- А можно, я сегодня к вам на грибной суп вечером приду, - спросила Эльвира, - и Таня тоже?

- Хм, - сказал Свягин в некотором замешательстве, - пожалуй-ста, но... Как к этому, э-э... отнесется Коля Рубако?

- А ты разве не знаешь? Мы с Колей уже не друзья. Мы теперь снова с Летающим Шкафом, только он в Москве остался. Вернусь - будем репетировать с ним новую партию, нас уже назначили. Так что э-э... проблем нет.

- Остался?! Да это мы мигом! - обрадовался чему-то своему Шура Фанерыч, - супчик, я имею в виду! Супчик - мигом!

И пропал казак. Бросив на полдороге «голубого» Свягина, его окружение тут же дружно «навалилось» на Шуру, продолжая веселиться, обзывать Фанерыча «кожезаменителем», который «быстро растрескается» и, памятуя его звукорежиссерскую сущность, тонко намекать на какую-то «флейту-пикколо».

- А кто сегодня готовит супчик? - спросил осветитель Ухтомцев.

- Я могу! - воскликнул Шура, - у меня в номере можно остаться... то есть, собраться! В с е х накормлю!

- Что значит «могу»? Чья сегодня очередь варганить?

- Свягина, - напомнил какой-то «гад из ветвей».

- Вот и не надо ломать наших добрых традиций, - буркнул Ухтомцев.

- Кто бы спорил, - как можно более равнодушно говорил Свягин, уличенный в «дежурстве по кухне», - я и сам хрен кому доверю готовить этот замечательный, с маслянистой каемочкой золотистых кружков, с обжаренным луком и морковочкой, с томящимися ароматными дольками упругих грибов, пахнущих покинутой родиной, ее хвойными лесами и травами - грибной супчик! К тому же, вы еще будете грязными, как свиньи, а я под душ пойду первым. Шурино

вино не забудьте прихватить и хлеба, у кого сколько есть. И сковородку не забудьте. И сразу ставьте воду, замачивайте грибы, пока я буду мыться.

- Может, обойдемся без сковородки сегодня? Это двухконфорочную плитку в номер переть. Она в багажном отсеке, не отроешь.

- А чья очередь?

- Ухтомцева.

- Ну, вот, и не ломайте традиций!

- Да-а, - мечтательно протянула Эльвира, которую, видимо, проняла свягинская тирада, - вот вы все время едите какие-то вкусные блюда, а нам наше руководство хер когда чего выделяет.

При этих словах один из балетных чиновников поднялся с переднего кресла, повернулся лицом к массам и, ошалело глядя на говорившую, обратился к артистам:

- Товарищи! Я надеюсь, вы все понимаете, что бульшую глупость, чем замечание артистки Чулковой, трудно было ляп..., то есть, сказать. Мы, руководство, только и слышим в последнее время: вы должны, вы обязаны, давай, давай. Мы все получаем одинаковые суточные, товарищи. И на что тратить их - личное дело каждого. Только в голодные обмороки не падайте. Но я хотел сказать не о том. Последнее время мне не нравится психологический климат в нашей труппе. Вы что, забыли, что мы находимся за рубежом? И я настоятельно (чиновник подпустил металла в голос) напоминаю и требую - думайте не о супе, а о работе! Только о работе. График наших дальнейших выступлений предельно сжат, ситуация экстремальная! Почему же на репетициях раздаются голоса, настаивающие на обязательном перерыве на обед, отдыхе? Почему труппа, вошедшая в образ, должна прерывать репетицию только на том основании, что настало время обедать? Вы же артисты! Интересы профессии должны быть для вас превыше всего! Кстати, к постановщикам это тоже относится. Вы согласны со мной, Свиягин?

Конечно, Свиягину хотелось бы честно сказать то, что он думает и чувствует, а именно: «Не захлебнись своими помоями, чмо!», но он только буркнул недовольно, с меньшей долей почтительности, чем та, которую могли позволить себе артисты в отношении своего начальства:

- В деталях.

Видя обращенные на него взгляды технических соратников, он понимал, что приятели ждут сейчас защиты общих интересов, начала схватки, в которую могли бы втянуться и они.

- Что значит, «в деталях»? - спросил балетный чиновник, - я говорю о единстве всех служб, неразделимости общего дела. Меня возмущает работа западных театров. Артист замахнулся для прыжка, осветитель взялся за фонарь, рабочий взмахнул молотком, а профсоюзный представитель кричит: «Все, стоп, перерыв!» Можем ли мы такую глупость насаждать у нас? Подумайте.

- Дорога дальняя, - тянул резину Свягин, - можно, конечно, и подумать. Коллективное творчество, его законы... Я плохо разбираюсь в этом. Когда человек пишет книгу, ему не нужны слуги с канделябрами и чернильницами. И до ветру он может сходить по собственной инициативе. Но мне все время почему-то навязчиво мерещится одно: вот с этих мелочей, с наших уступок, с отказа от глупостей вроде обеда и отдыха, и с таких вот вроде бы патриотических призывов типа: не до грибов, Петька, не время сейчас, ситуация сложная, труба зовет! - всегда начинается одна и та же старая песня. Главное - чтоб ситуация была сложная!

Затем подумал и добавил патетически:

- И августа 91-го - как ни бывало!

- Что за песня? - насторожился чиновник, - я вас не понимаю.

- Да зовите это как хотите. Диктат, игра в одни ворота, исключения, становящиеся правилом... Это, Игорь Глебович, - вдруг бухнул он, - нарушение прав человека! Это в ООН писать телегу надо!

Вы на него зла не держите, Игорь Глебович! - с фальшивым, напускным ужасом подхватил свягинскую эстафетную палочку осветитель Ухтомцев, - Свягин ни в коей мере не хотел никого обвинить. Ни-ни, Боже ж упаси! Он к вам потрясающе хорошо относится, могу поклясться на вашем чемодане! Когда вас забыли на последнем переезде и кружили на автобусе по городу, Свягин первый вас заметил и сказал: «Вот наши деньги!» Я, каюсь, грешен, не разглядел так сразу и возразил Свягину: «Это не человек, это - памятник!», но ваши балетные стали настаивать: «Какой еще памятник, он же нам руками махает!» - «Если махает», - сказал Свягин твердо, - «то

поехали дальше, это точно не Игорь Глебович, потому, что Игорь Глебович никогда не махает, а исключительно машет». И вообще, все мы тут уверены, что вы - единственный в целом свете, кто может не только подсчитать нам наши суточные и переработку, но и то, сколько балерина не докрутила фуэте и на сколько процентов артист не вошел в образ. А вы в нас сомневались.

- Спасибо за все, друзья, - усмехнулся Игорь Глебович, - это, несомненно, будет учтено при распределении валютной переработки. А вы, Свягин, - обратился он к нашему герою, - не разлагайте мне коллектив. С артистами мы разберемся сами, без вашей помощи. Театр по сути своей - образование тоталитарное, не забывайте. Нелояльность к руководству ведет к творческому кризису артиста. Но мы артистов и супчиком накормим, если нужно, и лишних денег на переработку подкинем. Изыщем резервы.

- Жопою чувствую, неправы мы с грибным супом! - сказал звукорежиссер Шура.

- Александр! - возмутился Игорь Глебович, - я настоятельно попросил бы, чтоб подобных слов с вашей стороны больше не было!

- Ну, вот, - сказал Шура, расстроившись, - обидно как-то, несправедливо. Жопа есть, а слова такого - больше не будет. Жалко, мужики, до ужаса.

- Перед лицом общей беды, - сказал Свягин товарищам, - сплотимся еще теснее, братья-мусульмане!

- Почему мусульмане? - зашумели техники.

- Потому, что нам всем только что переработку обрезали!

И, собрав друзей в круг, как бы подытоживая, мудро сказал, подняв палец:

- Таково свойство всех жирных мух - портить нам пиво!

4.

С некоторых пор стали появляться в свягинском углу и новые, незнакомые до того, балерины, пришедшие в театр перед самой поездкой. Одна из таких, сидевшая несколькими рядами впереди, накануне, ни с того ни с сего, приснилась Свягину.

Сны - это всегда ощущения, а уж только потом сюжеты. Балерина танцевала в каких-то невероятно воздушных одеяниях, разлетаю-

щихся, переплетающихся тканях типа газ-шифон и, чем усерднее танцевала, тем больше ее одежды путались и переплетались, мешая танцевать. Она будто желала достичь некой бесплотной легкости, а ощущение было тревожным.

«К чему снятся балерины?» - думал Свягин, трясаясь на очередном переезде, под монотонный шум двигателя. Утренние страсти нового дня уже тихо сошли на нет, и все обитатели автобуса впали в обыкновенное тут безразлично-дремотное состояние. Свягин полулежал на двух своих креслах и на волне общей неспешности, по необходимости лишь скоротать время, разглядывал затылок спутницы. «Обернись же, создание!» - мысленно приказал он ей.

Вдруг та, будто почуяв взгляд, быстро обернулась и посмотрела на Свягина. «Да, - отметил тот удовлетворенно, - это была та самая, что приснилась». Наш герой, разглядывая, узнавал ее, удивляясь свойствам подсознания, - запоминать и воспроизводить некие вещи отчетливей, чем обычная, бытовая, автобусная память.

Балерина, встретившись со Свягиным глазами, полуулыбнулась-полуусмехнулась и, по-кошачьи соскользнув с кресла, направилась к нашему герою.

- Э-эх! А могла бы остаться мечтой! - широко, но злорадно подумал Свягин. Девушка вышагивала по проходу салона, опираясь тонкими руками о подлокотники и спинки кресел, вытягивая в струну ногу и легко перепрыгивая через лежащие на полу, «отдыхающие» тела своей братии.

- Только загадка способна пленить! - мысленно изгалялся Свягин, пока гостя пробиралась к нему. - Да, могла бы остаться мечтой! Но сейчас мы заговорим! Откроем рот и - сказке конец!

- Что? - с ходу спросило юное существо, поставив в тупик даже такого тертого в балетных диалогах калача, как Свягин.

- Э-э... хм... - растерялся он, онемев от неожиданности, - знать бы, что я должен отвечать!

Глупость ситуации его развеселила. Он сидел в кресле каким-то восточным шейхом, а девушка, опустив глаза, стояла перед ним наложницей и спрашивала: «Что?»

Свягин чувствовал, однако, что и гостя находится не совсем в обычной для себя ситуации, общаясь с человеком небалетного круга. Поэтому, подвинувшись к окну и освободив одно из кресел, он помог ей:

- Присаживайтесь. Сейчас будем пить вино за знакомство.

- Так я посижу? - спросила балерина.

- Посидите. Вас как зовут, радость моя?

- Годунова. Маша, - отвечала та по накатанной балетной привычке именоваться, начиная с фамилии, - обычно... не принято самой приходить, - добавила она с сомнением, присаживаясь рядом со Свягиным.

- А, по-моему, тут как раз иначе и не принято. Или ваш приход чем-то необычен? - веселился Свягин.

- Да нет, самый нормальный! - воскликнула девушка, как бы слегка испугавшись.

«Как все-таки жаль, что такие изящные создания - балетные!» - думал наш герой. Он вспомнил неожиданно о своих прежних наивных симпатиях к балеринам. И он уже знал наперед, чего ему ожидать теперь - и от этого прихода, и от этого разговора. И всеобщий интерес к свягинскому углу, бывшему зоной, свободной от крепостного права, и полуушмешка гостыи, и ее наивная решительность, расшибающаяся о классическую балеринскую невнятицу обращения, - все только подтверждало догадку нашего героя о развитии событий. Увы, не было такого чуда, чтобы хотя б одной особи удалось сохраниться и спастись от всеобщего мышечно-безмозглого психоза в этом змеином балетном клубке. Имя им - легион, и несть им числа. Здесь ничего нового быть уже не могло.

За окном проплывали однообразные, бесконечно повторяющиеся виды - равнины, селения, снова равнины, снова селения. С минуту помолчали.

- Ну, так выпейте вина, - предложил Свягин.

- Нет! - гостыя отказалась решительно, глянув почему-то в сторону Эльвиры и будто опять испугавшись чего-то, - нет, нет, спасибо. Бесплезно меня уговаривать. От вина мышцы садятся. И для суставов это вредно.

- Может, бутерброд с коппой?

- Нет, спасибо, это я тоже не ем. Коппа - мясо, а хлеб - мучное.

- Также вредно для тела?

- Да, - визитерша опустила глаза.

- Хм, каково, а? - Свягин чувствовал какую-то нестыковку. Отказ от угощений не вписывался в традиционное понимание им ба-

летних визитов. - Ну, послушайте. В здешних капризах только и присутствуют мышцы да суставы. Но неужели какой-то глоток вина был бы вреднее, чем эти суточные переезды, ночное сидячее спанье, все эти ваши танцы без меры, на износ, да в позднее время, да в полуголом виде, да на продувных ветрах, э-эх, с моря?! - воскликнул он, - что это еще за «мышцы садятся»?! А ноги сорок пятого размера от этой езды, у всех, - это не вредно «для суставов»?

Однако, этот «всплеск гуманизма» остался балериной неоцененным.

- Да это все обычно, что в этом такого? - удивилась она.

- Видит Бог, я пытаюсь вам сочувствовать, - усмехнувшись, сказал наш поэто-анатом, мысленно махнув рукой на все дальнейшие потуги к завязыванию разговора. Но балерина опять его огорошила:

- Спасибо, но... мне от этих сочувствий ни холодно, ни жарко.

Свягин посмотрел на нее исподлобья.

- У любой нормальной женщины, - сказал он, - это прозвучало бы как вульгарность. Хорошо хоть, что я это понимаю: в вашей профессии много механического, и на тонкости не остается места.

- Это не вульгарность, - смутилась вдруг балерина, - это... я не знаю, как и объяснить... Но у нас и похвала, и сочувствие выражаются совсем иначе. А на словах... Я хотела только сказать, что так сочувствовать может всякий, что такое сочувствие ничем от других сочувствий не отличается. Вы меня совсем не поняли.

В который раз уже общался Свягин с балетной братией, и все никак не мог привыкнуть, постичь этой хромой логики с недействительностью речи и значительностью вещей, безразличных ему, - нужно было выворачивать наизнанку все выражения и смыслы, чтобы хоть как-то приблизить их к человеческим.

Разговор поразительно не клеился, угнетая обе стороны. Гостья вымучивала темы, по ее вероятному мнению, близкие Свягину, Свягина же они ужасали своей неуместностью. Ни малейших зацепок, ни малейших узелков взаимности не завязывалось между говорившими. Девушка неловко интересовалась, не устают ли мышцы ног и, в особенности, спины (таз, крестец), у самого Свягина от нынешних бесконечных переездов, нравится ли ему хореография Петипа и Вайонена, не знакома ли ему фамилия постановщика такого-то.

Чувствуя натужную неестественность этого диалога, гостя, вполне возможно, и сама хотела бы выбраться из этого замкнутого круга, но не умела выправить разговор, следуя привычке общения с себе подобными. Не принимая в расчет странности балетной психологии, Свягин не смог бы ответить на вопрос, что удерживает девушку до сей поры в его обществе.

Но еще хуже дело пошло, когда гостя, неизвестно с чего желая продолжать эту взаимную пытку, принялась выуживать из своей головы уже нечто совсем не из «своей» области, «не из той оперы», - то, что ее саму до этого абсолютно не интересовало и в чем она, разумеется, ничего не смыслила. Это была ее непонятная жертва Свягину.

Улыбаясь, балерина спрашивала с наигранным интересом:

- Ну, что там новенького в политике? Как там... наши? Заседают еще?

- М-м... А кто эти «наши», которые заседают?

- Ну, это... Депутаты, что ли.

- Я политикой не интересуюсь, - соврал Свягин, в действительности пропитанный этим ядом, как и все здоровое, небалетное народонаселение страны тех лет, - ходом реформ, перестановками в верхах, борьбой хасбулатовских «тадепутов» с правительством Гайдара и т.д. Но балетное создание облегченно, как бы найдя в этом спасение для себя, воскликнуло:

- Я, честно говоря, тоже!

- А-а... Вот Эльвира говорит, что у вас много работы на этих гастролях, - продолжала танцовщица, - а я до сих пор не знаю, чем вы занимаетесь.

Свягин посмотрел на балерину с выражением страдания на лице.

- А вы?

- Нет, ну, мы появляемся, танцуем. А что делаете вы, когда приходите на спектакль?

О, боги... Вдуматься только: что делает Свягин, когда приходит на спектакль?! Что же он делает, хер ему в дышло, когда не спеша приходит на спектакль? Может, он еще и к началу опаздывает?

Он отвечал:

- Ни о чем серьезном говорить не приходится. Ну, мух от бале-

рин отгоняем, прожектором груши околачиваем. Декорации, это ведь как лес, который всегда тут стоял. Вошел туда - и, знай себе, прыгай, вышел - и нет его.

- Прыгай?

- Да. А часто и самой прыгать не надо, партнер подымет.

- Ошибаетесь! - развеселилась гостья.

- Больше балерины разве ошибешься? - с искренним недоумением спросил Свягин, - Господи! - продолжал он всердцах, - ну почему тут еще никто не пожаловался на голову?

- Не стыдно обижать убогих? Мы детство и юность положили на танец, отказались от всех удовольствий. А вы так легко, мимоходом, отрицаете все, чем мы занимаемся, чего мы достигли, так сказать, в муках?

- Отчего ж это мимоходом? Я - сидя отрицаю. Вы спрашиваете, я отвечаю. Вам и не угодишь!

- Да, я знаю, с нами трудно! - смеясь, сказала гостья, - о нас говорят, что мы не женщины, мы балерины.

- Женщины, женщины, - подбодрил ее Свягин, нещадно кривя душой, - ну, может быть, разве что... не в полном объеме.

- Да, насчет объема вы правы! - обрадованно согласилась балерина, не понимая, что речь идет об объеме вовсе не физическом, - в театре говорят, что мы вообще - скелеты! И даже не просто скелеты, а одежные вешалки в виде скелетов!

- Это кто ж такую пакость говорит? - подло возмущился наш герой, сам, разумеется, и запустивший в обращение эту «гиперболу», - это ж изловить негодяя такого надо! Мелкота какая! То ли дело, Чехов сказал: «Странные люди эти артисты, да и люди ли вообще?» Или современник: «Артисты - наши младшие братья по разуму». Вот это так сказано!

Артистка смеялась серебряно.

- Вас что, это не задевает? - удивился и как бы даже расстроился Свягин.

- Задевает? Как меня может задевать то, что я сама знаю? То, что я понимаю, по крайней мере?

- Хм. Достаточно неглупо для бале... кхм, да. А что вы понимаете - то, что хотели сказать писатели, или...

- Да вас, вас я понимаю! - веселилась гостья.

- Это абсурд! - разгулялся и Свягин, - балетные люди не могут меня понимать. Или я кончился как поэт? Хм. Надо уйти достойно. Игорь Глебыч, остановите автобус, я выйду! - воскрикнул он негромко.

- Свягин, вам переработку уже срезали! - к немалому изумлению нашего героя напомнил «дремлющий» чиновник с переднего кресла.

- Да что ж у него, эквалайзеры в ушах? - буркнул наш герой, - Я сейчас, на хрен, точно, выйду!

- Побудьте еще минутку! - шепнула собеседница Свягину, смеясь в кулак, - мне не хотелось бы, чтоб все кончилось сейчас!

- Это еще почему?

- То, что вы говорите, это... очень не похоже на то, что меня окружает, к чему я привыкла.

- Я говорю и поступаю - нормально.

- Вот это для меня и удивительно! Ново.

Свягин посмотрел на гостью внимательно. Маша отвела глаза в сторону, улыбаясь краями губ, но Свягину на мгновение показалось, что между ними промелькнула некая искра взаимной симпатии, их общности. Возможно, что это была только фантазия нашего героя, привыкшего к многовариантности любого события, привыкшего опасно допускать невозможное.

И все-таки, «в этом что-то было».

Бывает так, что мы, упустив из виду развитие какого-нибудь события или явления, обнаруживаем вдруг конечный результат, изумляющий нас тем более, чем более он контрастен своему началу. Так и Свягин сейчас не мог бы сказать, в какой момент времени произошла эта метаморфоза - определение «балерина», что прежде так удачно охватывало любую из балетных девушек, почему-то оказывалось тесноватым именно для его нынешней гостьи.

Определение есть ограничение. Несомненно, что определение берет главное, но не учитывает нюансов.

Они заговорили о балете.

- Послушайте, - сказал Свягин, доставая из сетчатого кармана переднего кресла книгу, - что классик говорит о классике.

Он открыл том и, отыскав нужное место, стал читать гостье:

«...Царь строго махнул рукой, и с боков вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами и стали танцевать все вместе... Одна из девиц, с голыми толстыми ногами и худыми руками, отделившись от других, отошла за кулисы, поправила корсаж, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одной ногой о другую. ...Потом один мужчина стал в угол. В оркестре заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и семенить ногами. ...Потом танцевали еще другие, с голыми ногами, мужчины и женщины, потом...».

Гостья грустно усмехнулась.

- С голыми ногами! - сказала она, - ну, почему же именно так, именно это - «с голыми ногами»?!

- Лев Толстой, однако, - сказал Свягин, - ничего не попишешь. Классик, к тому же большой разоблачитель... всего.

- Но другое странно, - продолжал наш герой, - не замечали вы, что кто бы ни брался говорить об искусстве балета, сторонники его или противники - никто внятно о нем почему-то сказать не может. Все начинают впадать в крайности. Лев Толстой, вот, тонко издевается - вроде бы глядит Наташиными глазами, а от себя вворачивает, не удержавшись, какую неслыханную сумму Дюпо получает за это бесполезное занятие. И сторонники балета: тот же срыв в другую крайность - в эмоциональный надрыв, в рваньё на себе рубашки, в «завышение градуса»: «великая тень Петипа», «ошеломляющие, гениальные образы», «восхитительные прыжки» ... прилагательные, прилагательные, от которых тут же начинает тошнить. Может, это от того, что слово и балет изначально несовместимы, и более нелепого союза невозможно представить?

- Я об этом никогда не думала, - растерянно призналась балерина, - хотя... Нет, мне бы не хотелось, чтобы это было так.

- Но ведь вся сущность балета состоит в том, что он проявляет себя лишь в эмоциональном плане, - продолжал Свягин, - его область - это переживания и чувства. Мысль же здесь - и не ночевала.

Конечно, глупо требовать от балета какого-нибудь анализа жизни, реалистичного ее отражения или чего-то в этом роде. Как говорится, «мы тут по другому делу». Есть набор танцевальных комбинаций, эмоциональных штампов: вот это страсть, вот ревность, вот

гнев - нам предлагают с помощью всего этого испытать определенный набор чувств. И в слове, и в музыке есть такие посредники. Но в балете... В силу какого-то дикого закона обязательности хождения по замкнутому кругу (классика все-таки) - нам, по сути, всегда показывают один и тот же спектакль, до боли узнаваемый. И дело не в нашей проницательности, нам просто всякий раз дают вино разных названий: пейте, чувствуйте, переживайте.

- Да, дело не в нашей проницательности, - согласилась гостья, собираясь возражать, - дело в выборе точки зрения. Можно сказать, что у балета низкая, животная сущность. Что начался он с эротических плясок, что о высоком продолжает говорить тем же низким, первобытным языком тела. А ведь не все здесь так прямо, в лоб. Высокие чувства, извините, все-таки дело не последнее.

- Да. Но мне представляется, что балет слишком уж лобовой вид искусства, ибо имеет дело лишь с ярко выраженными знаками и символами. Он боится любых двусмысленностей, усложнений, дабы не потерять своего романтического ореола - у чистого, мужественного, влюбленного главного героя, которым нас задолбали в каждом спектакле, не может быть даже новой возлюбленной, ведь слетит весь флер, и зритель скажет об Альберте, увлекшемся после смерти Жизели одной из ее подруг: вот мерзопакостник, потаскун! Сломал нам сказку! Разрушил веру в высокое и чистое! Смешал нам вино с пивом!

- И вы туда же! - рассмеялась гостья. - Срывается!

- Надеюсь, Толстой мягкий, спружинит! А вот если на вашего ухнешь, то - крышка, костей не соберешь!

- «А вы, мой друг, заражены сарказмом!» - смеясь, воскликнула гостья.

- Боже, ушам не верю, - изумился Свягин, услышав цитату из уст балерины, - а вы, разумеется...

- А я, разумеется, «заражена нормальным классицизмом».

- Волосы дыбом! Чтоб мне не встать! Вы-то откуда это знаете?

- А еще я - разбираюсь в балете, - лукаво сказала балерина в стиле недавнего свягинского анекдота, передразнивая его, - а вот вы, разбираетесь в балете?

- Не очень.

- Вы себе грубо льстите. Вы в нем - абсолютно не разбираетесь!

- Давайте, давайте. Срывайтесь скорее ко мне, я уже вас заждаюсь, здесь, у нас внизу. Толстой тут вас спрашивает.

- Нет, я осторожно пройду по краю. Почему нужно оценивать балет так - умеет он мыслить или нет? У балета свои задачи. И балет, и слово, это разные виды одного искусства, и говорить, что балет чего-то там упрощает или чего-то лишен, мерить его словом - не то же ли самое, как стихи оценивать по тому, как поэт танцует?

- Это еще кто из нас «заражен сарказмом»! - восхитился Свягин, - «Своей земли не отдадим ни пяди»!

- Да, я люблю балет. В чем-то я даже недостойна этого искусства, не во всех шкурах побывала, не все пережила. Иногда устаю смертельно, а нужно уметь отдыхать, пока работаешь. Иначе тут ничего и не получится. А если повернуть все так: мне не нравится разболтанность, необязательность окружающего, какая-то его приблизительность. И в искусстве, и в жизни сплошной поп-культ, - все сверкает и предлагает себя на продажу, и чувства попсовые, и даже Христос у них попсовый. А я, скажем так, люблю надежные вещи. Нет ничего несомненной классики. Жизель как была век назад бедной девушкой, так и будет всегда сходить с ума от безумной...

- Ага, сейчас будем вместе! - злорадно сказал Свягин, - пополз край обрыва! Ловлю! Так вы, должно быть, идеальная балерина, - продолжал он, - все балерины как валенки, знай себе только танцуют, а вы еще и думаете! Разговариваете! Такие балерины нам, так сказать, нужны!

- Все не так, наоборот, - сказала гостя, - это плохая похвала балерине. Это как часового похвалить: вот, мол, все часовые просто пост охраняют, а ты еще на посту и раздольные песни поешь. Во мне много такого, что мешает мне до конца быть балериной. Для успеха в балете нужно быть упертым и в чем-то действительно тупым, ограничить в себе живое. А я хочу чего-то еще. Мне мало быть такой традиционной балериной.

- Но что же плохого в том, если балерина еще и умна?

- Ум в балете не является какой-то серьезной категорией, определяющей человека. Относительно умения понять задачу или, скажем, выносливости, ум - штука тут достаточно нейтральная, с чем-то сугубо балетным мало связанная.

- Да, я заметил эту странность - балерины часто как факт просто констатируют: «мы гимназиев не кончали», «весь ум ушел в ногу» и т.д.

- Обидеть этим балерину трудно. Тут, скорее, наоборот - ей понравится прямота оценки, а если она и обидится, то больше механически, по необходимости реагировать на всякую критику.

- Вы, моя дорогая, какая-то странная балерина, - сказал Свягин, - вы какая-то нормальная балерина. Или ненормальная? Странно, что при оценке одних и тех же категорий мы должны вставить на какие-то противоположные позиции. Однако, независимо от этого, - с балетной ли точки зрения, с человеческой ли, но вы мне нравитесь, ваше общество мне приятно.

Свягин внимательно посмотрел на танцовщицу. И опять по той пустячной малости, что была понята говорящими без слов, ему на секунду, как и прежде, почудилась пробежавшая меж ними искра некой взаимности, обоюдного приятия, промельк чего-то нового и необычного. Как будто это пустячное понимание устанавливало меж ними связь, неведомую всем прочим и бывшую только их личной тайной, которая отделяет их заговорщицким образом от остальных обитателей автобуса.

А между тем этот взгляд балерину почему-то смутил, она опустила глаза и, как школьница, покраснела. Не взглянув больше на Свягина даже из вежливости, как принято у людей при всяком прощании, она, отвернувшись, сказала с сожалением, полувопросительно:

- Ну, ладно, я пойду? Спасибо вам за компанию.

Свягин оторопел, а гостя легко встала и, поправив на ходу волосы, собрав их в пучок обеими руками назад, за затылок, не спеша стала пробираться прежним манером к своему креслу. К ней тут же подошел кто-то из балетных юношей, что-то сказал, тревожно улыбаясь, - она улыбкой ему отвечала. За спиной Свягина посапывал пьяный Фанерыч, по-братски устроившийся на плече Эльвиры, тоже спящей, впереди опять видел Свягин только затылки и распластавшиеся в проходе салона тела в спортивных костюмах.

«Да что же это за загадочное племя?» - снова заклинило Свягина. - «Что это за балетные фокусы?» Он не мог постичь такой хореографии. Чувство необычности происходящего явно висело в воздухе,

но никаких сравнений с чем-нибудь похожим Свиягин отыскать не мог. Это была - не Эльвира, это был - не приход Эльвиры, тревоги на лице балетного юноши не было прежде; что это все могло значить? У них с балериной вышел какой-то ч е л о в е ч е с к и й разговор, а она сбежала, будто именно этого и испугавшись. Как держать себя с этими людьми, о чем говорить, чтобы они не уходили с полуфразы? Свиягин не просто ничего не понимал - он, сожалея об оборванной взаимности диалога, как-то агрессивно не понимал н и ч е р т а.

Так прошло полчаса. Автобус продолжал свое движение. Балерина, изредка поднимающаяся из своего кресла для разминки и, судя по ее виду, уже начисто забывшая о Свиягине, улыбалась, шепталась с очередным балетным «проходимцем» (т.е. проходящим мимо и лениво стопорящимся чуть не у каждого по счету кресла для пустых бесед), показывая ему какие-то движения руками. Все это уже не имело никакого отношения к ней той, какой она была еще меньше часа назад. Вдруг Свиягин увидел боковым зрением, что Маша на него смотрит. Он поймал ее взгляд и с удивлением обнаружил, что она смутилась, чувствуя себя пойманной. Свиягин продолжал смотреть в Машину сторону. Тогда она, помявшись и спешно растолковав что-то балетному компаньону, снова, как притянутая магнитом, стала пробираться к Свиягину.

- Вы не сердитесь на то, что я пришла? - спросила она.

Свиягин только руками развел, приглашая, недоумевая.

- Я, помнится, однажды уже не сердился.

- А-а... то, что я уходила?

- Разве я имею право это как-то оценивать? Присаживайтесь.

Другое дело, что я ничего не понимаю, но это... другое дело.

- Это хорошо, хорошо! - гостя как будто облегченно рассмеялась. - Ну, по крайней мере, в этом нет ничего плохого!

- Я ничем вас не обидел?

- Да ну, что вы! Это я, а не вы, испытывала ваше терпение. Знаете, чтоб к этому больше не возвращаться... У меня появились кое-какие сомнения на собственный счет, и я хотела м-м... вот черт, с места не сойдешь! - воскликнула она, запнувшись, - хотела себя проверить, что ли.

- ?

- Хорошо, что мне не надо доказывать вам свою непохожесть на прочих балетных, я этому очень рада. Если вы догадались, я не очень-то люблю общество балетных людей.

- Конечно, это сказано скорее от замкнутости, трудности характера ли, чем от желания общаться именно со мной? - стал наступать Свягин.

Гостья провела ладонью по лбу, отводя прядь волос, как будто раздумывала, стоит ли ей отвечать.

- Я просто хотела, чтобы вы меня сами пригласили, - сказала она, - и все, достаточно об этом. Сама начала! - добавила она недовольно, чуть по-детски.

- Вы мне все больше нравитесь, - сказал Свягин.

Гостья укоризненно на него посмотрела.

- А я думала, у нас с вами уже что-то вроде уговора.

5.

Все перемены внешности, связанные с характером актерской работы, были для балерин делом, разумеется, обычным. Суетливая полуголая лебедь, что, ежась от холода, переступала по сцене в пуантах, как в лапах, и «грелась» в кулисах, подобрав вверх пачку руками, старательно, заученно подбрасывая коленки к подбородку, - после антракта оборачивалась царицей, блистающей парчой, с царственной походкой и надменным взглядом, с несоразмерно фонарям и тряпкам величественной статью, - и было не узнать, и страшно было окликнуть, чтобы не ошибиться! Меня бесчисленное множество костюмов - пачки, платья, кринолины, накидки, юбки, шали, шляпы да вуали, - меняя цвет волос, парики и прически, меняя «боевую раскраску лица», - артисты всякий раз становились иными, и почти всегда полной противоположностью предыдущему образу. Чем-то вроде игры по ходу работы было для Свягина угадывание человека, скрывающегося под новой личиной. Образ же самого человека, его сущность никак не могли зафиксироваться за этими бесконечными трансформациями, этой перетекающей из одного в другое маскировкой подлинного лица.

Но сейчас Свягина поразило: не притронувшись ни к чему, что могло бы изменить ее внешность, гостья неведомым образом преобра-

зилась - рядом со Свягиным сидела уже совсем другая девушка. Куда-то исчез, будто и не бывало, пронизаемый, по-домашнему простой, стандартный во всеобщей автобусной расслабленности, образ. Длинные волосы, схваченные на лбу черной костяной подковкой, все так же рассыпались по плечам, но уже не по привычной обязательности, а подчеркивая, подавая всю неповторимость лица, в котором была и женственность и какая-то детскость одновременно, броский изгиб его линий, несомненность всего и без того выигрышного. Глаза - из округло-наивных сделались пристально-ироничными, по-джокондовски как бы добродушно сознающими свою необъяснимость. Красота лица заострилась, сделалась более контрастной. Гостья не могла сидеть бездвижно целую вечность, и, когда она поворачивалась, подыскивая новое удобное положение, забиралась ли в кресло с ногами, или менялась креслами со Свягиным, - то и в этой произвольности движений и кажущейся разбросанности жестов проглядывало удивительно гармоничное единство целого, соотношение всех частей тела единой пластикой, как будто бы руки и ноги безусловно помнили друг о друге и понимали друг друга лучше хозяйки, без ее вмешательства зная, где задержаться и в какое время догнать друг друга. И каждый легкий поворот головы, и разворот хрупкого корпуса, и каждая линия шеи, удлиненной стремительной артерией, каждая малость движения острых, перетекающих под кожей лопаток на открытой спине, - все стало более значительным и уместным. Сыграть красоту было невозможно. Острота образа походила на стальное оружие.

Свягин внутренне восхитился.

6.

На остановке Свягин в числе первых вышел из задней двери автобуса, подав балерине руку. Маша, подав свою, двинулась было, но вдруг испуганно замерла на миг и, быстро сменив ногу, вышла из автобуса характерным балетным движением - носок вытянув вперед, сделав падающий шаг, и на вытянутую ногу пружинисто приземлившись.

Это было томбе. Балерина проделала все это машинально, даже из автобуса выходя по канонам танцевальной гармонии с партнером. Шедшая следом заспанная Эльвира Чулкова сошла было со ступенек

сама, но в последний момент была поддержана выбежавшим из толпы, вновь подозрительно резвым, Фанерычем.

Свягин смотрел на танцовщицу, устремленную вперед, прямую, ступающую с неизменным балетным разворотом стопы, ступающую даже в летних шлепанцах так, что носок вытягивался почти в одну линию с линией ноги.

- Маша! - Свягин догнал ее, решительно окликнув.

Она обернулась, тяжело вздохнув, всем видом показывая, что ей наверняка известно намерение Свягина.

- Может быть... хотите кофе? Или мороженое? - всю решительность нашего героя вмиг, как ветром, сдуло. Вдруг оказалось, что все то легкое и хрупкое, что затеплилось было в их уединенном общении, попав в волну прежнего, вновь со всею силой накатившего коллективного быта, - рассыпалось и растворилось в этой никуда не девавшейся суматохе, в толкотне и бестолковщине. Вернулись и снова вступили в силу отмененные на время их уединения законы. Вернулось то, что только дремало, никуда деваться не собиралось, - то, частью чего Маша всегда числилась. Свягин с Годуновой без всякого на то основания находились в поле всеобщего зрения. Солнце жарило в полную силу, часть обитателей автобуса, удивленно оглядывая нелепую парочку, уже потянулась небольшими группами на разведку местности, старательно держась в тени придорожных построек («Кто в «Автогриль», сюда, к нам!» - «А мы в сортир!» - «Я с вами!»). И все это, - и нещадно палящее солнце, и волна маслянистого жара, и новое оживление от полученной передышки, и насущность и определенность планов окружающих людей, - все это как будто подразумевало и подчеркивало незначительность вещей призрачного происхождения.

- Может быть... - начал после паузы Свягин.

- Нет. Ничего быть не может, - натянуто улыбаясь, сказала балерина.

- Но это... Но ведь это потрясающе! - не находя слов, воскликнул Свягин. - Это полный вперед! Мы говорили о какой-то ерунде, о балете! - упорствовал наш герой, - к черту все это. Я хотел бы с вами говорить совсем о другом.

- Вы поэт, Сережа. У вас очень раскованная фантазия, свойственная, вероятно, всякому поэту.

- Но я не всякий. И вы не всякая.

- Вы умны и в собственном уме уверены. И это позволяет вам замечать самые простые вещи, что происходят с другими людьми. Господи, зачем только я к вам приходила? Чтобы понять ситуацию, вам нужно как минимум довести ее до абсурда, взять крайности. И поспешность ваших признаний говорит о том, что вы многое делаете так, как будто черновик пишете, откуда лишнее потом можно будет вычеркнуть. Я вам нравлюсь? Когда бы так! Но меня пугает эта поспешность черновика. Боюсь, что очень быстро я буду оттуда вычеркнута. Давайте забудем весь этот разговор. Спасибо вам.

- Вы простите меня, Маша. Но я...

- Да за что?! - воскликнула балерина, - это я - такая... привязчивая. Это ведь касается только меня одной. Это вы меня простите и - будем считать разговор случайностью.

- Считать, не считать! - чуть не взорвался Свягин, - Случайно бывшим, условно неслучайным! Что же тогда - не черновик? Кто это знает? И как это - наш разговор считать случайностью? Тем более, что случайностей вообще не бывает. Все в этом мире, хм, строго детерминировано.

Маша посмотрела на него растерянно.

- Все дальше и... все дальше! - сумбурно воскликнула она, - пусть тогда эта неслучайность будет исключением! Простите меня.

Она положила ему руки на плечи, - спохватившись, поспешно убрала их и, помахав на прощанье, быстро пошла в сторону одной из своих балетных компаний, все так же шумящих, толкающихся и уже в массовом порядке жующих какую-то, на взгляд Свягина, белиберду, «мусор» - печенья, шоколадки, чипсы.

- Ты куда сейчас топаешь? - возник из полуденного жара звукорежиссер Шура, - айда в «Автогриль», влупим по ледяному пиву! Стоянка минут сорок, пока водилы, Марио с Джузеппой, брюхи не набьют макаронами!

Он посмотрел вслед удаляющейся Маше.

- А ничего! А ноги-то, ноги! Хороши ноги! Как зовут?

- Не знаю! - злобно соврал Свягин второй раз за день, - и тебе знать незачем!

- Ути-пути, какие мы строгие! - замурлыкал Фанерыч. - Однако,

не до женщин! Женщины - это отвлекающий момент, более того, женщины - это зло! Я тут к Эльвире пытался подкатиться, да все без толку, винище только жрет, как прорва, переводит ценный продукт! Да и что проку в женщинах? Несколько минут удовольствия, и все. Иными словами, женщины, это не пиво. Итак, к пиву!

Через минуту они стояли уже в прозрачном кубе автогриля, у стойки, наслаждаясь прохладой кондиционера. Шура говорил бармену, будто декламировал:

- А отчини-ка нам, дуся, две биро, две мартаделла!

- Да у нас на переезд не осталось ни капли вина, а ты последние деньги тратишь на жратву! Имей совесть, дружище! - пытался шутить Свягин, думая о другом.

- Не бойсь насчет денег! - дурачился Шура. - Будет новый день, будут и новые деньги! Зайдем, найдем на дороге, бутылки пустые сдадим! Фонограмму мою «Лебединого озера» пропьем! У меня есть ощущение, что деньги еще будут!

- Биро пикколо? - интересовался бармен.

- Я т-те щас дам, «пикколо»! - вспоминал Шура что-то обидное. - Единственный мой! Нам - грандо!

Местность, где остановились передохнуть путешественники, представляла собой долину, окруженную со всех сторон горами, пересеченную, по цепи ближних, автобаном. Вершина горы, у подножия которой расположился стеклянный «Автогриль», терялась в белых кучевых облаках.

Но уже из-за дальних гор, с юга, по всему горизонту надвигались грозовые облака. Даль уже погрохатывала - и сквозь стекло было слышно, и отдаленные поначалу раскаты доносились все отчетливей и чаще. И ощущение становилось все тревожней, будто в этой неотвратимости приближения грозы содержалось какое-то намерение, будто проглядывала некая одушевленная осознанность цели. И движение машин уже казалось более стремительным и поспешным, и поспешность их, пудей разлетающихся по автобану в противоположных направлениях, будто была связана с опасением попасть в грозу именно тут, в этом месте, где наши путешественники бросили якорь.

- Гулять, так гулять! - волновался Шура и, обращаясь к бармену, требовал еще:

- Две биро, две коппа!

- Биро пикколо? - заученно вопрошал бармен, с неопределенным выражением лица, но с тою же общей, еле уловимой внутренней тревогой всматриваясь в надвигающуюся грозу.

- За кого ж ты меня принимаешь! - кипятился звукорежиссер. - Онли, онли грандо!

- «Полисиа страдале»! - не закрывал он рот, читая вслух дорожные транспаранты, взлохмаченный и с «уно биро» в руках. - Уж страдали, так страдали! Вы бы у нас, голуби мои, так пострадали!

Свягин смотрел в сторону толпы, собравшейся на краю ближнего ущелья, в сторону балетной братии, переобезьянивающей друг друга улюлюканьем в пропасть и неуважительным бросанием туда булыжников. Маша прохаживалась там, среди своих, кто-то ее приобнял за плечи, она хохотала.

Среди бела дня становилось темнее, и становилось еще тревожнее от того, что в охватившем все сумраке, на общем потемневшем фоне неба еще оставался на земле клочок ослепительного, залитого солнцем ближнего пространства.

И ливень ударил стеной, внезапно, - как это бывает в соседстве гор, и толпа бросилась врассыпную к ближайшим укрытиям, и молния сверкнула совсем неподалеку, рассыпавшись на миллионы огненных бусин, и гром, почти от нее не отставая, сухо рванул со всей безудержностью стихии.

И как будто все посетители бара вздохнули свободней. Скучающий без дела бармен подносил уже третью спичку к огромной декоративной газовой лампе, бывшей тут, видимо, для вечерних нужд, но теперь барахлившей, - неравномерно вырывающийся газовый поток сбивал пламя.

Горючий, легковоспламеняющийся газ не желал загораться от огня, гасил его. И лил дождь за стеклом, а огонь молнии рождался из ничего, из невидимых глазу потоков, полей, напряжений, возмущений и полярности зарядов.

Глава 3.

В ДЖУНГЛЯХ ИСКУССТВА

1.

Работа продолжалась. Все шло по-залаженному, повторяясь изо дня в день. Монтировка, репетиция, спектакль, переезд, - монтировка, репетиция... У попа была собака, *one-trick pony*, замкнутый круг в однообразной череде будней. На день-два заруливали на территорию Франции, чтобы дать спектакль там, возвращались - и вновь мелькали, как в старых наших кинофильмах, щиты и указатели с названиями итальянских городов, - городов, от которых в памяти и оставались одни эти щиты и указатели. Самым желанным был самый большой щит, с названием, без цифр километража - он означал приезд, душ и малый отдых. И еще желанней был щит, перечеркнутый красной полосой и означавший, что еще один город позади, и дом - на один город ближе.

Иногда всем колхозом въезжали на ненавистной колымаге «Сильвестри» прямо на паром и выныривали с вечерним спектаклем то на Корсике, то в «сердце сицилийской мафии» Палермо, а то, бросив трейлер на берегу, перегружали ящики с аппаратурой и тряпками на моторизованные гондолы и двигали пряником через залив в Венецию, на площадь Сан-Марко, превращаемую на одну ночь в гигантский партер с квадратиком сцены, где с наступлением темноты весь мир проваливался в преисподнюю, и гремела музыка Чайковского (невидимый Фанерыч запускал свою фонограмму), и кафе зданий, взявших партер площади в обхват, угадывалось только по цепочке горящих окон кафе, откуда посетители с бокалами в руках тоже оцепенело смотрели на танцовщиц в бегущих за ними лучах, где башенные часы били невпопад, сбивая с ритма танцующих, а там снова - погрузки под утро и суточные переезды (затылки, указатели, спортивные костюмы, затылки), и ночевки в автобусе, и тихая утренняя коллективная молитва, чтобы очередной день, едва начавшийся, скорее закончился.

Общее сознание уже перевалило некий рубеж, вышло из той области, где еще действовали законы притяжения дома, и бодрость, и

избыток энергии, со времен дома сохраняемые. Теперь же общим состоянием стало некоторое легкое отупение, охлаждение интереса к происходящему, то безвольное чувство беспросветности, где упование только на механическое истечение времени.

Но от коллектива не укрылось, что Годунова со Свягиным что-то уж очень зачастили бывать вместе.

2.

Поначалу они приятельствовали. Здоровались, встречаясь на сцене перед спектаклем, перебрасывались шутивными замечаниями и улыбались друг другу, как улыбаются некоторое время не видевшиеся знакомые. На переездах Свягин помогал иногда Маше донести ее чемодан из отеля до багажного отсека автобуса. Извиняющаяся Маша улыбка предназначалась тогда Свягину, ибо надо знать, дорогой читатель, что такое балеринские чемоданы!

- О, симпатик, ди примо картелло! - кивал на Машу, готовясь принять ее чемодан, водитель-амбал. Маша улыбалась и ему.

- Гаврило пизанский, не завались с к-хг-р-рузом! - хрипя, отдавал ему чемодан наш герой.

Некоторое время прошло, и Свягин потерял то верное ощущение смысла Машиного прихода и тех слов, что были ею сказаны. Вся их тогдашняя прозрачность потонула и затерялась в неразберихе приписываемых им новых смыслов. «Ганг, твои воды замутились».

Конечно, Свягину хотелось продолжить их так необычно начавшееся знакомство. Но целый ворох сомнений уже одолел нашего героя: необычное ли? Знакомство ли? Ибо судить простыми человеческими мерками то, что происходило у них с Машей после автобусного разговора, представлялось не только невозможным, но и абсурдным.

Всякое поведение принято судить по законам тех обстоятельств, в которых оно себя проявляет. Есть русская деревня с уютными бревенчатыми задворками, ближней рощей и гулким безлюдным пространством. И есть ревущие автобаны, палящее солнце и шумная толпа вокруг, с ее представлениями о роли любого человека в ней. Иными словами, Свягин прекрасно понимал, с какими препятствиями ему предстоит столкнуться прежде всего, и в каких обстоятельствах могло бы проходить это «продолжение их знакомства».

Знал также Свягин, по какому разряду записываются в артистических кругах пары, замеченные в стороне от сообщества с постоянством, превышающим число два. Какие чудовищные трансформации претерпевают в балетных трактовках самые невинные слова и поступки. Сказать проще: у самих артистов такие вещи, как ухаживанье, объяснение отношений и т.д., - будто начисто отсутствовали, но внезапное появление новой пары на людях уже не допускало различий. Проходные, сквозные, одноразовые связи потому и оставались вне критики и обсуждений, что не приводили к демонстративному совместному появлению в обществе. О, балетные причуды, - связь как будто была средством, а демонстрация стабильности в этом море разброда - целью! Свягин не мог не брать в расчет, что в отсутствие «бревенчатых задворков» и «пустых роц» первая же Машина реакция на свягинские потуги будет - внешней, ролевой, по невозможности им обоим прятаться, по безусловной необходимости учитывать традиционные общественные представления о новом «временно стабильном союзе».

Разумеется, это было неглавным, разумеется. Свягина заботила, конечно же, реакция Маши на это обстоятельство - внутренняя. Вопреки Шуриному обычному утверждению, что всякая женщина мечтает быть атакованной и завоеванной (что, впрочем, не помешало его собственной атаке успешно провалиться), Свягин слишком хорошо понимал, что - с м о т р я к е м мечтает быть атакована женщина.

Свягин никогда не был сердцеедом, но все его знакомства с женщинами носили характер той непосредственной, необременительной естественности, которая сама ведет навстречу друг другу. Ничего не зная о каких-то «методах обхаживания», принятых у людей, он умел слушать, что ему говорят, и принимать или не принимать то, что ему предлагают обстоятельства, - он не был наглецом или нахрапистым малым. Он и не хотел быть наглецом, - с ходу, с «треском и фейерверком», завоеванная женщина никогда не вызывала у него интереса, а «своих» всегда само собой увлекала эта свягинская ненормальность, эта парадоксальность мысли и умение вывернуть наизнанку любую ситуацию. «Сережа! Муж!» - в испуге кричала ему хозяйка чужого дома. «Не бойся, я его не трону!» - кричал Свягин,

выпрыгивая в окно и тем надолго оставаясь в «благодарной памяти современницы».

Происходящее же теперь - вызывало в нем большие сомнения, выламываясь из всего предыдущего опыта. Это было ни на что не похоже! Свягин не мог ответить себе даже на простой вопрос: «своя» ли была Маша хоть в чем-нибудь, при тех неслыханных различиях между ними, принадлежности их к разным миропорядкам. Казалось бы: и тогдашнюю ее заинтересованность, и увлеченность беседой, и неглупые Машины доводы, и некое подобие их взаимного узнавания, - так же невозможно было сыграть, как невозможно сыграть красоту, а между тем все опять погружалось в темноту неопределенности и неузнавания. Больше прочего Свягина смущало и вышибало из колеи то, что он теперь совсем не чувствовал проявлений хоть какой-нибудь взаимности с Машиной стороны, пусть бы скрываемой, но обычно угадываемой, свойственной всякой нормальной женской особи, когда б она желала дать повод к первому шагу.

Маша же в его сторону и не смотрела. Они стояли в кулисах плечом к плечу, но Маша так лихорадочно была занята обсуждением деталей предстоящего выхода с партнером, что могло показаться, будто они со Свягиным и вовсе не знакомы. Более того. Свягину мерещилось даже, что на лице балерины читалось облегчение, если при встрече с нашим героем кто-нибудь третий вклинивался между ними.

На переездах всеми любимой группой в автобусе была «Dire Straits», кассетная запись которой звучала в салоне почти беспрестанно. Отношения Свягина и Маши как нельзя более походили на манеру этой группы - гитара или клавиши начинали плавно, обещающе, тема завязывалась, крепла, музыка разгонялась, росла вширь, в объем, но тут же все обрывалось на полном ходу, напоминая окончание пьесы, чтобы опять, потихонечку, с нуля, след в след за сыгранным, начинать раскачиваться по новой. И название группы было символичным для Свягина, означающее безвыходное положение или до предела стесненные обстоятельства.

Безвыходное положение! Стесненные обстоятельства! Черт возьми, что он мог предпринять такого, чего еще не предпринимал, на какой пролом мог переть прилюдно? Стоило ему отозвать Машу на остановке, как тут же слышалось:

- Годунова, вот ты где! Я тебя обыскалась! Ты чего не идешь?

- Годунова, ты что, не слышала? Девушек зовут разводиться на второй акт, на лебедей! - звучало в театре в тот самый момент, когда Свягин решительно подходил к Маше.

Они были все время на людях - жующих, пристающих с вопросами, разминающихся, ждущих и не уходящих, смотрящих, что ты ешь и слушающих, что ты говоришь, дышащих в затылок и радостно приседающих к любому завязавшемуся разговору. И ревнивец Майданов, первым заметивший свягинские потуги, дразня Свягина, выныривал в самом неподходящем месте драмы, обнимая Машу или прося ее показать какое-то интересующее его движение.

«Я его убью!» - думал Свягин. Объятия ничего не значили для балетных, но когда Свягин однажды, пропуская Машу вперед, приобнял ее, она посмотрела на него с испугом, и нашему Казанове пришлось тут же сводить все к шутке.

Безвыходное положение! Выдерните из чужой семьи, толпой прогуливающейся, одну из девушек! Где каждый смотрит на себя глазами другого! Выдерните не для того, чтобы сказать пару маловразумительных слов на ходу, а чтобы забрать ее с собой! Стесненные обстоятельства!

Но искусство не было бы искусством, когда б артисты оставались в едином лице, а границы были четко определены: это - мы любим, а вот это - нет. Когда б привязанность просматривалась за невольным смущением, бесконтрольным, прорвавшимся вздохом или неловким, выдающим скрытое чувство, жестом. Быть таким, естественным, для артиста не означает ли: плохо уметь играть? Но что это? - вдруг ни с того ни с сего случалось как бы прямо противоположное этому предложению - Свягин ловил на себе Машин взгляд, да еще недоуменный, да еще как будто расстроенный, да еще будто чего-то от него ожидающий?!

Окрыленный тогда, он пытался тайком выудить Машу из ее номера на позднюю вечернюю прогулку, но видел лишь круглые от удивления глаза:

- Сережа, что с тобой? Помилосердствуй, переезд-то был... Завтра с утра класс, потом прогон целиком, а вечером мне соло танцевать! Ты что, не понимаешь? Мы же - балет!

«Мы же - балет!» Мы же не такие, как вы, тут всё по-другому! Тут ходят другими путями!

...Впрочем, и «учет общественного мнения», и неумное желание Маши сохранять каждую крупницу сил для работы, - все это были преграды и барьеры внешние, для Машиного «движения сердца», случись бы таковое, значения бы не имевшие. Свягин же недоумевал: почему никаких зацепок больше не происходит между ними, почему каждая встреча, оставаясь без развития, походит на предыдущую?

А между тем Свягин мог бы поклясться, что Маша даже внешне изменилась со времени их первой встречи. И это было не субъективное восприятие Свягина, выделяющего Машу из числа прочих, - наш герой отчетливо видел, что это заметили и все остальные: Маше явно в новинку было это внезапное обилие нахлынувшего на нее внимания, обращений, приглашений, предложений услуг, похвал. Чем это было вызвано? Находилось в связи - с чем? И почему все продолжало оставаться на своих местах?

...Но надобно было знать и Свягина! Надо было знать этого иезуита, этого пастуха, прячущегося от стада, этого духовного лидера подполья, о котором подполье не подозревает, этого виртуоза положений, этого маэстро выворачивания и обращения всего - в полную себе противоположность! Искусство не было бы искусством, когда бы и поэты оставались в едином лице, а границы их поступков были четко определены. Ибо надо знать, чем отвечает поэт на невнятицу, стандарт и рутину «так заведенного».

«Ах вы, волки балетные!» - взрывался, уже замышляя свой «проход», Свягин. - «Одна темнит, юлит, жует какие-то тряпки, что ей нужно выпасться перед работой, другие - стоят на подхвате с растопыренными ушами, смотрят во все глаза и «ждут новостей»! У вас принято рано ложиться спать и не принято, «времени не трата даром», просто так прогуливаться по вечерам вдвоем? Принято однозначно воспринимать подобные вещи? Одним - бормотать невнятицу, а другим - обмусоливать кости добрым людям? Так я вам покажу и традицию, и невинность, и внятность!

- Фа-а-анерыч! - гремел он в позднюю пору у открытого окна, уперев руки в бока и обращаясь к сидящему тут же, рядом, другу. - А ну-к, сынок, свяжи-ка мне три простыни жгутом, попрочней, да потуже!

- Дяденька, а на что тебе простыни? - наивно вопрошал Фанерыч-агнец, живо возникая рядом и высовываясь из окна.

- А это я сейчас балеринам знаки внимания оказывать буду! Что же мне, сынок, в меланхолию впадать, коль у них времени лишнего не бывает? Вяжи к кровати - морским... нет, японским! - Узлом!

Эти вопли раскатывались по всему пространству внутреннего гостиничного двора. Балетные люди ни с чем подобным еще не сталкивались. Это был какой-то чудовищный «римейк» Шекспира, сентенции из Островского и раннего Свиягина.

- Да ты ж, дяденька, всех балерин щас нам распугаешь! - кричал Фанерыч, возясь с узлами и с грохотом передвигая кровать к окну.

- Невинно, сынок! Я буду оказывать - невинно! - орал Свиягин, уже лежа животом на подоконнике.

- А, может, ну их, балерин, а? Может, лучше к нормальным женщинам, к нашим, так сказать, человеческим?! Женщины все-таки, а не, я извиняюсь, балерины!

- Не-е-ет, сынок! - продолжал надрываться Свиягин. - Что-п ты понимал в балеринах! Балерина, она есть настоящая женщина уже по определению! В ней уже присутствует сполна все, что в обычной женщине надо еще высматривать и выискивать, женственность я имею в виду! Обычная женщина - это балерина для бедных! - горланил Свиягин уже в запале. - Обычная женщина - это очень плохая балерина!

«Полезешь все-таки?» - шептал Шура. Свиягин спускался, отталкиваясь локтями и коленками от стены, всякая опора и твердь были бесконечно далеко внизу. К легкому холодку под сердцем примешивалась бурная тарзанья радость. «Фанерыч, подстрахуй!» - кричал он наверх. - «От подстрахуя слышу!» - столь же отчаянно-радостно отвечал верный Меркуцио во тьму. Этажом ниже, в освещенном окне, Игорь Глебович аккуратно пил чай со «Сникерсом» вприкуску. «Знаю, знаю, уже переработку срезали!» - бурчал на ходу Свиягин. - «Простыню только не срежьте...» И добавлял неслышно: «...суки!». Наконец, он оказывался у цели, напротив Машиного окна.

- Люди добрые! - заводил он. - Вы нас, пожалуйста, извините ээ... за то, что к вам обращаемся! Сами мы не местные, живем тут на вокзале уже две недели, несколько семей... С нами дедушка парализо-

ванный, ходить не может, и очень хочет есть... А мы вот тут, э-э, немножко лазим! Мы немножко это... бэтманы! Бэтманы мы, но очень такие... ненавязчивые, скромные!

- У тебя все носит характер эпатажа, абсурда! - изумлялась Маша. - Что ты делаешь?! Зачем ты это?

- Щ-щас как ухну вниз, будет и эпатаж и, я извиняюсь, абсурд! - говорил Свягин. - Черновик от меня будет, случайность!

- Хорош бы ты был театральным спец, если б боялся высоты или неправильно завязал узел!

- Ну, вот, хоть знаешь, чем я на спектаклях занимаюсь! Иди быстрее ко мне, а все определения этому - придумаем потом!

- Сережа! Ни я к тебе не пойду, ни ты сюда не войдешь. Давай все это закончим.

- Сережа, иди лучше ко мне! - раздавались девические голоса из соседних окон, - Можешь по лестнице.

- Годунова, ты что это упрямисься? Ты что, ненормальная? - раздавалось еще.

- Это он ненормальный! - растерянно восклицала Маша.

- Не-е-ет! Он-то как раз нормальный. А вот ты - дура!

...И разговоров потом - было. «Во - отношения у них! С ума сойти можно! Оба ведут себя как-то странно. Короче, я ничего не понимаю!» - говорили все.

Желание разгадать Машу стало со временем для Свягина волнующе-навязчивой идеей, неким смыслом его ежедневных выходов на работу, посадок в автобус, бесцельных, казалось бы, прохаживаний по сцене и театральным коридорам, - стало мерой наполненности всякого прошедшего дня содержанием. У него появилась если и не привязанность к самой Маше, то привязанность к ее образу, ее чертам, манерам, особенностям движения. У него появился вкус к Маше, пристальность внимания, дающая видимость острых отличий ее от всех соплеменниц. Свягин не замечал, как тем самым отрезал себе все пути к возвращению назад, отрезал себе отныне возможность «уснуть спокойно».

Чем чаще он возвращался мыслью к тому памятного автобусному разговору, тем неотвязней становилось убеждение, что для продолжения их с Машей знакомства - причин вовсе и не было, что случай

по природе своей был внелогичный и уникальный, для повторения требующий воспроизведения всех мельчайших составляющих в той же уникальной последовательности: с общим дремотным состоянием автобуса, легким налетом тайны, пейзажем и пьяным Фанерычем. Что и продолжаться это могло - только до ближайшей остановки. Что есть знакомства, по ходу дела переходящие в потери.

Его охватывало чувство бесцельности затеи, ощущение тупика, невозможности повлиять на обстоятельства. «Не желаю разгадывать эти балетные ребусы! - собирал себя Свягин в кулак умственными построениями. - «Гори все огнем, забыть обо всем тут же! Этот клубок никогда не будет распутан, они не ценят вещи, сделанные так ярко, что другими женщинами бы уже не забылись, они невоспитанны, они не отвечают на то, на что просто неловко уже как-нибудь не отвечать!»

И он продолжал тайком поглядывать на Машу.

...Ах, Свягин, гроза интеллектуалок, наивный Казанова! Кто знает, кто проследит, какая работа происходит в женском сердце от одного посеянного слова, взгляда, а иногда - вообще без всяких видимых причин! Для одних не существует ничего, что находится дальше расстояния вытянутой руки, другие могут за тысячу верст услышать твое скрытое чувство - кто проследит эти пути? Кто в этом разумеет?

Но начал замечать наш герой, что сталкивается с Машей чаще, чем прежде, до их знакомства, чаще, чем с кем-либо еще. Все перед спектаклем было движение и водоворот, но у него оставалась минута ожидания провожатого-итальянца, должного показать дорогу на водящий луч, - Свягин ждал, по обыкновению, у пульта и находил там Машу в страшной балетной растяжке, «греющуюся» на планшете. И что-нибудь, да успевал сказать Свягин вразумительного. Случайностью ли были эти незначительные «пересечения путей», но все чаще ему стало казаться, «с холодком под сердцем», и некоторое Машино в этом участие. «Бог ты мой, да что же это за обрыдлая, нелепая жизнь такая! - отчаивался он порой. - Всё на ходу, всё бегом, всё вполслова, вполбашки, и ляпнешь чего не то, занесет молодца, так и до конца следующего дня не справишь, не объяснишься!»

3.

Французские фермеры, озабоченные, что ввозимые в их страну итальянские продукты расходятся лучше по причине своей дешевизны, а французские почти совсем не расходятся, а напротив, даже гниют тоннами, не найдя сбыта, - устроили автоблокаду под Парижем, перекрыв трейлерами дороги и мигом образовав многокилометровые пробки.

И черта бы нашим героям эта блокада и этот Париж, но отечественный водитель грузового трейлера, пользуясь двухдневным отсутствием спектаклей, помчался на траке вместе со всем театральным грузом в Париж, чтобы оформить документы для следующего, намечавшегося впереди, занывания во Францию.

Машина «Совтрансавто» со всеми декорациями, аппаратурой, костюмами, обувью, гримом, репетиционными вещами артистов - оказалась намертво затертой среди сотен грузовых собратьев, растянувшихся змеей до горизонта.

Итальянец-импрессарио был в шоке. «Вы должны отработать по контракту еще столько-то спектаклей! - нес он полную ахиною. - У меня уже проданы билеты во всех городах и заплачено за все площадки!». «А мы за французских фермеров не отвечаем! - парировали наши бюрократы. - Нечего дешевые фрукты во Францию возить!». «Я должен буду заплатить колоссальную неустойку! - ужасался итальянец. - У меня нет таких денег!». «Это не наши проблемы, - отвечали ему, - заплатите коллективу за уже отработанное и хоть завтра отправляйте в Москву!». «Но чем же я заплачу? Все деньги уже вложены! Я могу заплатить только, если спектакли будут продолжаться!» - ходил он безнадежно по кругу.

4.

Казалось невероятным, проснувшись утром, лениво потянуться и позволить себе еще полчаса горизонтального блаженства, а не бегать ошалело по номеру, сваливая в сумку все свои вещи подряд, да стучать в двери соседних номеров, раздавая чужие. Утро пахло душистым мылом, крепким чаем и детством. Два вечера подряд походили на что-то забытое из школьной жизни - прогул урока, чувство, что в круговой залаженности твоих обязательств есть идущая наперекор ей минута свободы. «Сейчас бы уже второй акт «Лебедино-

го» начался!» - вместо приветствия говорили друг другу, входя вечером в номер соседа с дымящейся кастрюлей и «столовым серебром», - «но - приступим!»

...Вдруг на третий вечер дошла весть, что несколько городов, не смущаясь отсутствием костюмов и декораций, готовы смотреть спектакли в любом виде, ни в какую не согласны на отмену, а, следовательно, гастроли будут продолжаться. «Show must go on!»

Когда Свягин, узнав новость, зашел в 225 номер отеля «Ибис» к Шуру, тот, по обыкновению пьяный, сидел у зеркала над взрезанным пакетом вина и философски тянул:

- Да-а! Дела-а-а!

Фанерыч уже прознал о продолжении гастролей и даже получил задание от худрука Вениамина Петровича. Теперь он, попивая второй пакет, «сводил» на японском двухкассетнике оставшиеся у него репетиционные записи спектаклей. Кассеты были разбросаны по всему номеру.

В паузах между музыкой, через стену, из соседнего номера слышался несмолкаемый гомон, взрывы смеха и гулкое перебивчатое говорение, переходящее опять в гомон и смех. Это был Машин номер, куда по вечерам балетные девицы стекались кушать свое балеринское варено. Свягин различал порой самые высокие голоса. Там горланили, цитируя невпопад то какие-то поп-шлягеры, то частушки, колбасой катались по номеру, будто прущая из этих юных созданий энергия должна была волей-неволей находить любой, даже самый несуразный выход.

- ...как айсберг в океа-а-ане! - выл кто-то.

- В одина-а-аре! - кричала одна из сестер-близнецов, Ольга Щапова.

- В Окина-а-аве! - кричала ее сестра, Щапова Анна.

А Шура, сидящий тут, то мрачнел, то трясся от смеха:

- Гм-м! Сундуки! Спектакль, под кассетную запись? Оригина-а-ально! И чего там эти Парашаи Жемчуговы разорались? Работать не дают! - говорил он, опрокидывая очередной стакан вина.

- Вот ты, Сергей, литератор, - мутно глядя на Свягина и уже держась на стуле из последних сил, хитро говорил этот словесный террорист, - скажи мне, как литератор литератору, как индеец индейцу, «Ибис», это подлежащее или сказуемое?

- Это птица, но если ты о названии отеля, то это имя соб...

- Ни черта не знаешь. Ибис - это приказ! У них норм-м-мальной фанеры нет, а ты тут ибис! - и с этими словами лингвистический хулиган сполз со стула и рухнул на пол. Свягин подобрал его, шевелящегося и бормочущего: «Ну вот, завтра опять болеть!» и уложил на кровать, где Шура через минуту уснул в позе «подпрыгнувшегося украинца». Томясь и перематывая Шурины записи, Свягин был сражен наповал: место вариации Базиля занимала «Мисс Вандербилдт» Пола Маккарти, а «Дон Кихот» кончался грустной песней Элтона Джона «Прощай, желтая кирпичная дорога». Укрыв Шуру легкой накидкой и вытянув ему ноги, Свягин перебрался к себе номер.

Через час раздался телефонный звонок. Звонил осветитель Ухтомцев.

- Ну, ты чего не идешь, милый мой! Если я сегодня варганю, то и всех созывать должен? Борщ уже стынет, со сметаной! А что на второе, не скажу! Сдохнешь! Давай быстрее! Поторапливайся!

- Иду, иду, - отвечал Свягин.

- Фанерыч не у тебя? Он музыку писал, а сейчас его телефон молчит. Ты не в курсе?

Свягин рассказал, что к чему.

- Ладно, оставим ему. Давай быстрее.

Через секунду раздался еще один звонок от Ухтомцева.

- Опять я. Слушай, мы кетчуп тебе в сумку засунули, прихвати. И ложку посмотри, у нас не хватает. Все, давай.

Вслед за этим раздался еще один звонок.

- Девочки ушли, - сказала Маша, - чем занимаешься?

- Ничем, - сказал Свягин, - я свободен.

- Заходи?

Дверь была приоткрыта, Свягин постучал и, услышав Машиную высокую «да-а!», вошел. Номер, вероятно, разгромленный прежде девицами, носил следы тщательной свежей уборки, горка посуды еще блестела, одеяла и покрывала были безукоризненно расправлены и заправлены - на всем был характерный отпечаток женской хозяйственной педантичности - то, чего не бывает в мужских гастрольных номерах, прокуренных, вздыбленных, с липкими кругами от стаканов на полировке. В ванной комнате, где обычно у всех гастролеров происходила готовка, и где теперь находилась Маша, на сковородке

жарилась какая-то экзотическая рыба с гарниром, из горки льда торчали бутылки с минеральной водой, плевался итальянский сволочуга-кофейник.

- А я тебе ужин приготовила, - сказала Маша, - будешь? - добавила она чуть менее решительно. - Я в маркет сбежала, тут, внизу. На ужин рыба, потому, что ужинать будем вместе! - повеселела она. - Меню компромиссное. Потерпи минутку.

В «Ибисе» стол тянулся вдоль всей стены. Маша старалась, суетилась, то отбегая приглядывать за готовящейся едой, то сервируя стол и ставя два стула боком к столу, лицом друг к другу, - а Свягин стоял, как столб и испытывал удивительное чувство. Ему было тут хорошо, покой сошел на его душу. Все это было как бы воплощением свягинских мечтаний о нормальности их с Машей отношений, домашних, почти семейных, - простоте и уюте, с закатом за окном, тяжелыми шторами и торшерным светом, - о неотменимых человеческих вещах, звучащих впрямую, без разгадываний словесных ребусов и странностей поведения. Что-то уж слишком трогательное было во всем этом, загаданное, хрупко начинающее сбываться.

...В этой хрупкости и есть вся драгоценность. Выстраиваемое по наитию, без расчета на разрушение, приобретающее первые свои очертания, - когда каждый, забыв себя, очарован другим.

- Садись есть, - сказала хозяйка.

- Как это всё... как это на всё непохоже, - сказал восхищенно Свягин, - «садись есть»!

- А правда, Сережа, так бывает у нормальных людей? Приглашают... садятся, кормят! И никакой игры, ничего чужого?!

- Да.

- Садись есть! - Маша решительно сняла сковородку с одного из стульев и подвинула стул Свягину. Свягин сел машинально и тут же заревел белугой:

- Г-га-а!!!

- Что? - спросила Маша, волнуясь.

- У-у, ё-ё! Я-то не балетный, мог бы сообразить! «Садись есть»! Жарко, Машенька! Может быть тиф?

- Тиф не бывает снизу, Сережа. Это что-то другое. Даже я, миленький, это понимаю.

- Молчи, сердце мое! - сказал Свягин, - Что б я так дорожил

своим телом! Мы еще не в аду, мы еще не все спели, а нас уже на горячие сковородки сажают! Ладно, ладно, мне уже теплей.

Свягин ел рыбу, неумело приготовленную рукой балерины, и иногда, исподволь, поглядывал на Машу. Глаза их тогда встречались, они улыбались оба. Особых слов было и не нужно. А то, что говорилось, было легким и несущественным.

- Ты великолепна сама по себе, - говорил Свягин, - да еще и прекрасно готовишь! Обычно это банальность, но сегодня - все по-другому!

- Оставь комплименты своим «нормальным» женщинам! - смеялась Маша. - Я артистка. У меня отторжение фальши в силу профессии. У нас хвалят все, кому не лень, и когда не лень, но в первую очередь - когда нас не любят и когда у нас что-то не получилось!

- Боже, да что же это за беда? Как же с вами бороться? Наваждение какое-то! Причем здесь профессия? Разве честность - категория искусства? А импровизация, а кураж, - подучиться?

- А причем здесь искусство? Я - о естественности! Все то хорошо, что невольно! - серебряно смеялась Маша. - А все, что натужно, то недействительно, притворство и расчет! А я артистка, меня трудно обмануть словами. «Ты великолепна», гляньте-ка!

- Что ты, Маша. Слово-то как раз и не скоро сказывается. Да и самые простые вещи на поверку оказываются достаточно сложными.

- А что, может, они и вправду не такие простые?

- Да нет. Нам-то они легко даются. Понимаешь?

- Слава Богу, я сейчас тебя понимаю. Когда не понимаю, я места себе не нахожу. А теперь вижу, что тебе легко, - и мне легко тоже, и на душе хорошо, и вот - просто замечательно!

...Свягин, потянувшись за чашкой, наклонился вперед, и Маша совершенно невольно, в ответ на его движение, тоже чуть двинулась навстречу. Они застыли на секунду, замешкавшись, - это движение что-то подразумевало, они как будто запомнили, что нужно было им еще, - секунда ушла, Маша опустила глаза, вспыхнув, а Свягин взял свою чашку.

Но в этой заминке и было все волшебство вечера - роскошь никуда еще не торопиться, магическая возможность остановить эти неповторимые, единственные минуты, это чудо питья из чашек, гляденье друг на друга, волнения, - все самое настоящее на этом свете, но

эхом отзывающееся уже где-то и в запредельных областях, все самое трогательное и щемящее, которому бы - не прерываться никогда.

Свягин смотрел на Машу не сводя глаз. Он не мог до конца поверить, уложить в своем сознании, что в эту восхитительную оболочку, в это стремительно-линейное сочетание форм, в этом существе, казавшемся и без того цельным, завершенным, заключены еще и нежность, и внимание, и тепло к нему.

...И ничего в ней нельзя было объяснить, проговорить словами. В ней все было необъяснимым тем более, чем более неповторимым. Во всякой женщине рано или поздно начинал замечать Свягин неистребимо подобные, мозолящие глаза - черты и качества предшественниц, могущие иного сделать циником.

А тут: по-особому плавно, с какой-то отмашкой и легкой, замирающей задержкой в движении, летела ее рука. По-особому удивлялись глаза и смеялись губы. Даже одежда служила ей не так, как другим, а по-особому! Мягкий белый свитер, удерживаемый как бы только плечами и спадающий водопадом складок, следил за каждым ее движением, повторяя и подчеркивая их плавность, и даже брючина по-особому, единственно и неповторимо, чуть-чуть не доходила до узкой щиколотки.

Во что бы ни наряжалась Маша, все удивительно шло ей, шло в какой-то особой, превосходной степени перед прочими «гражданскими» наряжальщицами. И не по причине контраста со сценической балеринской «униформой», и даже не в силу особой Машиной легкости и стройности, а именно - по заряду хранимой в теле взрывной энергии, по вложенности несчитанного, безумного труда, по сдерживающей самое себя силе сжатой пружины.

(Окончание следует)

ЛЕОНИД ИОФФЕ

Стихотворения

Иов, Иов, забрезжит ли подмога?
Ты был, Иов, несбыточно спасен;
Иов, но не вступилась милость Бога
за деточек безгрешных миллион.

На деточек был спущен этот эпос,
как зверь с цепи, на деток спущен был,
а где Иов, чтоб вышел против неба,
и сущее мудрец благословил.

И каждый гад пускает кровь во имя
того, что правдой кажется ему, -
о, страшный эпос, о, непостижимый,
ты как проклятье сущему всему.

Я совершать бы мог по чести и добру
ту виноградарей прозрачную работу
по сбору гроздьев, над которыми восходы
с росой сплачивают солнце поутру.

По локоть почвой окружалась бы рука,
и час, подверженный рачительному сдвигу,
тяжелым зноем отражался б от виска
для размещения в плодах осуществимых.

Там этих прелестей пристанище и храм,
предрасположенность там к перечню благому, -
а что же и куда же деться нам,
из омота кидающимся в омут.

Я захотел вернуться, хоть по памяти,
к тому себе, которым прежде был, -
я эпос «Что такое математика»
лет через двадцать пять опять открыл...

Вот по Новоарбатскому мосту
и над плескучею мозаикой
воды в Москва-реке я, как лечу, иду
в читальный зал библиотеки, за реку.

Там ожидает моего прихода
пространств и чисел эпос и сокровищница, -
кирпич издания сорок седьмого года
пера и Куранта, и Роббинса.

Над ним и потрудившись, и устав,
уже соображая еле-еле,
берешь для отдыха Измайлова листать
или Шенгели.

Перед пародией Измайлова
строфа стояла пародируемая,
и я глотаю Леду Бальмонта,
и пьян Толедо и Мадридом я.

И мимо здания-машины
гостиницы высотной «Украины»,
до шпиля и герба подсвеченной,
лечу обратно поздним вечером,

как со свидания, восторженный, усталый,
на крыльях Логоса и Бальмонт в голове,
и мироздание сакральным представало
в бескрайнем холоде, пустынном вдаль и вверх...

Готов рассказ, хотя и не окончен,
обрывочен и темен, как и память, -
к себе какому ты вернуться хочешь,
вздыхая о коньках, задачах, марте?

Ты погублена, я обездолен.
Мы от слякоти в сердце умрем.
Так дошьем наше платье неволи
из материи жизни вдвоем.

Мы условимся: не торопиться -
виноград умирает в вино -
сдавим сердце, как творог в тряпице,
пока мертвым не станет оно.

Каждый выберет саван по нраву,
мы домашнее иго дошьем

и подыдем бокалы с отравой
за шикарную гибель живьем.

Ты задела безветрие платьем
и овеяла встречей меня, -
ведь бывает, что ладят со счастьем,
день и вечер за плечи обняв,

Ведь бывают счастливые пары, -
мы б легко возвращались домой
после зноя, залившего старый
город, плавающий под жарой.

Мы бы дома открыли все окна,
подружились бы с южной судьбой
и сошлись бы, как створки, бок о бок,
и вплотную бы жили с тобой,

и по станциям дней без опаски
и без тягости плыл бы наш дом
по течению жизни и ласки
рейсом полного счастья вдвоем.

Мой идеал, узнай в Париже,
что я люблю тебя давно,
но ты все дальше, ты не ближе,
чем сам Париж в мое окно.

Тебя любя в Ерусалиме,
и красным солнцем утомлен,
я, хоть и стар, - никак не щиник,
среди весомых - охламон.

И я люблю твой стиль московский
и твой московский разговор,
лица фасон, ты - сон подростка,
а для меня - и до сих пор.

Семеен и благоустроен,
я благодарен Богу дней
за то, что погодил со мною,
и за жену, и за детей.

Но нету в том противоречья,
ты - женщина моей мечты,
как для ребят Замоскворечья
была мечтою детства ты.

Как неправильно это,
что весь горизонт окольцован
перстнем бывшего солнца,
которое запад унес, -
сохранялась всего лишь
полоска закатной подковы,
а с востока на небо
вечерний ложился начес.

И казалось, что если
посмотришь на дым золотистый,
на опал драгоценный,
на полуовал, полунимб, -
то из дальнего света
каким-то манером лучистым
заблистает надежда,
которая снится больным.

Мы б тогда перестали
слоняться, как сбитые с толку,

и при этом гадая,
а свыше ли так суждено:
забывать, как и прежде,
о сладости братства и долга, -
не живя, а дрейфуя
на смысле, забытом давно.

И казалось, что если
зажить умудренно и зорко,
то и бедному слову
хоть капля достанется в рот, -
«время действия - сумрак,
а место - Французская Горка,*
на востоке вечерний
уже проступает налет...»

---

*Французская Горка - жилой район на севере Иерусалима

АНДРЕЙ АНПИЛОВ

ОПЕРА

За окном — последний день декабря. Строевой плац, крыши казарм и особенно штаб завалены снегом.

Смеркается.

Слепяще мельтеша, сворачиваясь водоворотами, снежинки сплошь несутся с неба и невысоко над землей мешаются с торжественной музыкой, льющейся из репродукторов.

Сегодня — Вебер, «Волшебный рог Оберона».

В чайной уютно мерцает походная елочка, слышен звон хрустальных бокалов, преждевременный девичий смех и невнятные новогодние пожелания, но мы заглянем в другое местечко.

Здесь, в пустом гарнизонном клубе, куда сейчас нет хода посторонним, непосредственно у рояля за кулисами, протекает негромкая интеллигентная вечеринка.

Рядовой Харсон, безмятежно кочегаря папиросой в углу усатого рта, наигрывает арию Алеко. Глаза его полуприкрыты, он задумался.

Разжалованный за удалство в младшие лейтенанты Белов, философствуя от нечего делать, распоясался и расстегнул ворот:

— Вы, Леша и Боря, всегда говорите, что студентом быть приятнее, чем военным. (Харсон удивленно приподнимает бровь — никто ничего подобного еще не говорил). — Не спорю, но — как же чувство корпоративной солидарности? Дух взаимной ответственности? Случись настоящая, справедливая война, я бы обязательно защитил родину и всех ее учащихся! Я считаю, что со стороны студентов неблагородно попрекать офицерский состав малокультурностью и слабостью в духовном отношении. Ведь все мы, в сущности, люди, подневольные долгу и обреченные на подвиг.

— Начштаба Калязин вчера цинично пошутил на построении, — меланхолично вставился развалившийся на табурете и подпиливающий ногти ефрейтор Смирнов. — Зачем, говорит, у нас все прапорщики такие толстые? А это, отвечает, чтоб в трудный час в узком месте было кем родину загородить — опасный авангард отечества...

В накуренном воздухе повисла нелегкая пауза. Всем стало отчего-то жалко этих нелепых прапорщиков и неловко за калязинскую бестактность...

— Мамедова вчера баба вареной курицей побила, — желая разрядить как-то напряжение, пробурчал киномеханик.

И, подумав, зубами откусил нитку. Белов невольно загляделся — подворотничок был пришит так, что любо-дорого.

— Боря, помнишь дуэт из «Жалобной мельничихи»? — лейтенант подходит к фортепиано и, театрально облокотившись о черную крышку, напевает с подлинным драматизмом:

*Горчит очаг мой бедный,
Огонь так слаб и мал,
И снег сухой и бледный
Засыпал перевал...*

Харсон, аккомпанируя, впадает в глубочайшую мечтательность. Ефрейтор Смирнов, взволнованно поправив очки, смущенно хмыкает и тайком оглядывает присутствующих — он что-то задумал.

*Пьянит бокал последний,
Поет ручей в гробу.
Свивайся, дым победный,
И вылетай в трубу...*

— Насчет корпоративной солидарности, — якобы ненароком роняет ефрейтор, — если бы в столице начались студенческие волнения, вот ты бы, Саня, ты — лично... — (Пилка чирк-чирк), — ...лично ты — стал бы участвовать в подавлении сидячей демонстрации, если бы получил соответствующий приказ? Подчинился ли бы тогда младший лейтенант Белов формальной инструкции?

Киномеханик в свежем подворотничке ухмыльнулся и потрепал пятерней свой роскошный казачий чуб:

— А я б их усих нахайкой по сусалам...

Белов, застегнув и одернув китель, стройно выпрямляется и цедит надменно:

— Зарубите на носу, ефрейтор Смирнов, — я не жандарм! Все, что есть мыслящего в армии, никогда не станет мараться в полицейшине! А ты! — Повернулся он к механику. — Ты, Серж — охотнорядец и недалекий конформист, если, конечно, не пошутил!

— Я пошутил, — пожимает плечами охотнорядец и, грустно взглянув в окно, прислушивается к вьюге и думает про себя:

«Шли бы вы к черту со своей корпоративностью. Давно бы уже клуб запер и пошел в баню одеколон пить. Что за напасть, интеллигенции в полку развелось, как тараканов...»

Мечтатель Харсон, внимательно следуя за узором мелодии, перебежал пальцами по клавиатуре, словно по зимнему дощатому мостику, и постучался в полузаметенную дверь таинственной мельницы...

«Как она воздушна и жалобна, эта чудная, чудная мельничиха! Да, это она — все та же вечно желанная и вечно недоступная барышня-библиотекарь! Те же пушистые ресницы, рюмочка талии, сумасбродные бедра... и грудь, и ее бесконечная грудь — дерзкая и беззащитная! Пускай чокаешься ты ныне своей рюмочкой в пошлой чайной с хохочущими солдафонами в сверкающих и пахнущих коникой? погонах, — пускай! Снежная душа твоя, — романтическая мельничиха, — всегда передо мною! Вот ты склонилась к роялю и опустила круглый подбородочек на пленительно изогнутую ладошку. Так зовуще вздрагивают твои ледяные, но припухло-теплые уста и в складках зеленой накидки igraют отблески потрескивающего из очага пламени...»

Белов нервно расхаживает по скрипящим половицам сцены и бросает в Смирнова решительные фразы, короткие, как обвинения:

— Вопрос шире и принципиальнее, чем на первый взгляд кажется! Недовольство студенчества — это всего лишь периферия проблемы. Выступления колхозников, массовые забастовки и, разумеется, анархия в университетах — несомненно вызовут брожение в войсках и — более того! Именно человек военной косточки, волевой, авторитетный — примет на себя всю ношу организации бунтующего населения в железный дисциплинированный кулак!

— Ты, что ли? — растерянно мямлит Смирнов. Хотя ноздри

его вынюхивающего носа все еще по-охотничьи раздуты, в близоруких бесцветных глазах — страх и ошарашенность.

Изнывающий от безделья киномеханик тупо крутит кудрявой головой на одного-другого и скучно предлагает:

— Хлопцы, давайте я, шо ль, за спиртом в баню сбегаю?

Слышно, как подвывает ветер над крышей, явственно внятен шорох метели, обнимающей всю землю с военным городком. Музицирующий Харсон грезит с полуоткрытыми глазами:

*Конь летит во мраке обветшалом,
С неба льется озеро живое,
Зигфрид, улыбаясь под забралом,
На ветвях качается совою...*

Манит, манит мельничиха своими русалочьими, прикрывает жеманные ямочки капюшоном, беззвучно журчит переливчатым соблазном:

«Пойдем, пойдем в сад, Харсон... Накинь плащ, одень шпагу, зажги фонарь и пойдешь в сад со мною...»

«Зачем же в сад? — недоумевает Харсон. — Драгоценная мельничиха, зачем нам в сад? Ведь теперь зима, очень холодно! Останемся здесь, на мельнице... у рояля...»

Лукавая барышня машет на Харсона, как на маленького, и рассыпается колокольчиками:

«В саду не холодно, Харсон... В саду — всегда весна... Но боязливому не найти дороги... Верь своему сердцу, Харсон, и иди за мной... Иди за мной...»

— Сиди на месте и не ходи куда, сержант, — отклоняет Белов предложение механика. — Ну-у, сразу уж — я-я... — продолжает он распространяться в смировский адрес. — Этого не знает никто! Но вот что доподлинно известно, так это то, что звездный час этого пока неизвестного гражданина — станет и вашим звездным часом!

В испуганных глазах ефрейтора — полное оупение, сквозь которое начинает робко прорастать догадка:

— К-кабинет? — выдавливает он из себя дрожащий вопрос.

Лейтенант значительно усмеяется и поддевает носком крышку сундука с реквизитом. Поверхностно порывшись, он вынимает оттуда нестерпимо сверкающую брандмайорскую каску и кидает ее киномеханику:

— Министр транспорта и путей сообщения.

Сержант вздрогнул и, выронив тяжелый шлем, отдал ногу.

— Ты чего — счастью своему не веришь? Нэ журысь, парень, одевай!

Наконец-то взявший себя в руки очкарик Смирнов вновь уже сделал стойку и раздул ноздри:

— Что, Борис?

— А что Борис... — Белов прислушивается к улетающим модуляциям в миноре и лирически вздыхает. — Борьку назначу министром культуры и образования. Государственный гимн сочинит, правительственный герб...

— Саня, не безумствуй, — народ этого не поймет!

— Чего?

— Сам знаешь. Что подумает русский человек, прочитав в утренней газете, — «Борис Харсон сочинил гимн обновленной России?» Народ подумает — опять чеснок из грядки высунулся!

— Это ты так подумаешь, а не народ! А впрочем... Как Харсона скалькировать?

Полиглот Смирнов, покопавшись в памяти, быстренько выуживает:

— Это, стало быть — идиш, то есть, в сущности — немецкий. Значит, так: хар или, что точнее — хаар — волосы, сон — может быть просто суффикс, в таком случае получается — Волосатый. Или сон — это сын, тогда выходит — Волосатов, или, к примеру — Волоса-оглы. Или соон — солнце, и следует произносить — Воло-сосолнцец или Солнцеволосов.

Лейтенант в задумчивости теребит пушок над губой:

— Волосатый пролетает... Европа возмутится — скифы, министр культуры Волосатый! Геродот... песьеголовцы... Нет — это дико!

Волосатов — хорош для какого-нибудь волжского купца-старообрядца. Волосатов и сыновья — лес, пенька, скобяные изделия. Но министр образования? Отпадает... Чего осталось?

— Волоса-оглы.

— Нонсенс! Заигрывание с кавказским национализмом.

— А Гарольд Регистан?

Белов иронически присвистывает:

— Не придуривайся — тут все всё понимают! Гарольд — для ширмы, вроде первого секретаря, а всю идеологию шустрит свой человек, этот — Мойдодыр!

— Михалков.

— Ну. — Помолчав, лейтенант с надеждой смотрит на бренд-майора:

— Вот скажи нам, ты — русский, — какая фамилия идет министру культуры?

Сержант, по уши погруженный в блестящий шлем, из-под которого, тем не менее, лихо высунулся прямо на глаз кубанский зубчик, деликатно сплевывает в ладошку и криво выцеживает:

— Соц... Сов... Тьфу, черт! С-солнцеволосов, что ли?

Белов удрученно роняет голову на грудь:

— Чушь. Декадентство. Это уже Бальмонт и Лебедев-Кумач. Ну, доволен, ефрейтор? Будешь сам гимн слагать!

У Смирнова аж очки на лоб полезли:

— Что ты, что ты! Я же — не артист, скорее — ученый, кабинетная крыса...

— Тогда не суйся к народу с советами! Народу что ценно в искусстве? Красота, художественная проникновенность и метафизическая глубина. И если Смирнов-Белов так не умеют, то народ проголосует за мастера, даже и за Харсона, если он, народ — не дурак. — Лейтенант кинул вызывающий взгляд на механика. — Эй, русский, — народ наш дурак?

Прислонясь медным котлом к ледяному стеклу, министр путей сообщения прощально глядел на метельный плац и, затягиваясь сигаретой, размышлял:

«Накрылась баня... Да и одеколон выдохся — Мамедов разве подождет?.. Портфели делают, бонапарты... Голова от ругани трещит... Один Борька — молодец. Чувствительное чего-то играет и не нахальное... Ти-инь... То-онь... Те-ен-н-нь...»

...Те-ен-нь... Те-ен-нь... То-он-н-нь... Ту-у-у-ю-ю-л-л-ль...

«Так это и есть твой сад, прекрасная? О-о-о! Ласкает усталые ноги шелковая трава, ручьи змейками крадутся между розовых кустарников и осыпают натруженное раздумьями чело вишневые лепестки! Взгляни в тот уголок тенистый — приляжем мирно на скамью под сенью абрикосов! Где рюмочка, где лядвии? твои, Пленира?»

Чарующе изливается ускользящий смех отовсюду — из трав, из склоненных до земли густых ветвей, из розария:

«Не торопись, мой рыцарь, не спеши отдыхать, Харсон... Ты был верен и не боязлив, но умоляю — не торопись... Не все преграды рухнули меж нами...»

—Что слышу я? Какие преграды? Вот шпага и фонарь, они способны проложить нам путь к зовущим кущам! Что беспокоить смеет Вас — покойный муж? Дракон? Ревнивый гном-волшебник? А может — обещанье жениху?»

Харсон воинственно полюбужает клинок и сердито топорщит усы.

Милая! Облачком подплывает она и успокоительно гладит тыльной стороной ладони по надутой небритой щеке:

«Увы, мой рыцарь — тут такое дело: ты должен сам найти свой подвиг... Я знаю только, что бесстрашный когда-нибудь обрящет ключ и, повернув его три раза в скрипучей скважине, — и сад мой расколдует, и меня, и всех моих подружек... Но что за ключ? Забыло замороженное сердце... Быть может, ключ — цветок? А может — слово? Лесная птичка? Угловая башня? Кто знает — драгоценное кольцо? Я помню лишь, что скважина — скрипуча...»

Иди, дерзай, защитник слабых! А благодарность, дурачок солнцеволосый, — не залежится! Не-е за-але-ежи-и-ится-я-я...» — улетает вдаль, сжимаясь в точку, напутственный голос, трава и розы морщатся, сереют, и хладный вихрь вишневых лепестков рвет плащ и треплет пламя в фонаре; уже не лепестки — сухие звездочки и иглы колют, щиплют, метель бросает волны снегопада на грудь, на плечи.

Харсон поглубже надвигает шляпу, закутывается в шерстяной плащ и, проваливаясь в сугробах, бредет к проезжему тракту.

Темно и страшно. С неба драматично звучат скрипки, из-под сугробов — виолончели. За крутящейся пеленой трубит далекий рожок почтовой кареты, олицетворяя для Харсона ободряющий голос надежды. Гулко, вполмира гулко бьется отважное сердце музыки...

Играя вслепую, Борис почти падает с табурета. Словно у засыпающего на допросе, торс его до предела откачивается то вправо, то влево, но в самую последнюю секунду, когда, кажется — и костей не собрать, — восстанавливается статус кво.

Сергей давно уже с любопытством ждет шумной развязки и

— За намерения не судят, но выпороть можно.

— Ответ римлянина! — восхитился Белов. — Прямо в корень! Ну-у, допрыгался! — брови нахмурились. — Скидывай порты, лягай на лавку.

Бледный, как смерть, Смирнов весь словно окостенел. Медленно отступая назад и с ужасом взирая, как Белов и министр транспорта вытягивают брючные ремни, он прижимается к стене и тихо, но твердо предупреждает:

— Конституцию тогда сочиняйте сами.

Лейтенант, словно споткнувшись, нерешительно топчется на месте, потом, не зная, куда руки с ремнем девать, садится на табурет и подпирает лоб кулаком.

Длится пауза.

Бледный ефрейтор прижимается к стенке, блестящий сержант нелепо переминается, Харсон раскачивается, Белов сидит и размышляет.

Бьют часы. Харсон падает.

— Ого, одиннадцать! — наконец встряхивается лейтенант. — Значит так, — сперва конституция, потом экзекуция. Можешь приступить.

Борис лежит на полу, как в тумане переводя взгляд с золотого шлема на серую мантию. Ему кажется, что он еще спит. Подумав, он закуривает.

Брандмайор расстроено вставляет в брюки ремень. Он пропустил-таки самое интересное и теперь сердит на Харсона — зачем тот поторопился?

— Ну, чего остолбенел? Пиши! — подбадривает Смирнова лейтенант.

Сыплется за окнами бесконечный снег, течет сухая молочная река. То-оненьким голоском затянул домовой песенку в трубе, словно оплакивая, отывая невозвратную свою юность, когда был он еще резвым, полным надежд, шаловливым домовенком, как убежал он на рассвете в весеннюю рощу и затемно возвращался, перемазанный росой, весь пропахший листвой и грибными оврагами, а ныне... ныне — какой он стал до противного старый, облезлый, беспомощный, обреченный мыкаться по крысиным казармам, и не унимается ревматизм, и ничего, ничего, никогда уже не вернуть —

гостиную неотвратно вливался приторный дух ликера, шоколада и «Шанели». Голова кружилась.

— Ну, вот, Алексей... — отец жалко потер большие белые ладони. — Вот, значит, такое дело... Извольте видеть, Алла Эдуардовна — мой отпрыск! Фантазер и отличник! Вот, Леша... Стало быть, так... Познакомься... Это Алла Эдуардовна, сотрудник аппарата, дорогой мне человек и теперь... твоя мачеха... Ну... — потный отец вытащил из нагрудного кармана платок, — вот и все...

Дама усмехнулась и, протянув вперед прямую руку с красными ногтями, решительной походкой пошла на Алексея.

— Бонжур, моряк! Мы должны дружить! — странным басом клокотала она, губы мясисто шевелились и страшные, лживые зрачки расплывались в озерах туши.

Леша попятился.

— Иди ко мне, дурачок! Дружить! Мы должны дружить!

Он вдруг понял, что с этой дамой ему никогда, никогда не подружиться — она была совершенно невменяема, пьяна безобразно.

Закрыв очки ладонями, Алеша развернулся, сломя голову кинулся в детскую, заперся на ключ и спрятался под кровать.

Действительно, новогодний подарок был грандиозен. И ему было горько и непонятно — чем же он его заслужил?

Тихо и темно в клубе. В углу шуршит мышка.

Ребята расселись вокруг сундука и пишут пулю. Сергей — в золотой каске, Борис — в разбойничьей шляпе с пером, на голове у Сани — наполеоновская треуголка. Горит канделябр.

— Сталинград, — заявляет лейтенант.

— Семь червей, — отвечает Харсон.

— Восемь вторых, — торгуется киномеханик.

— Пас.

— Тоже пас.

— Играю.

— Пас.

— Пас.

— Я подниму, пожалуй.

Борис веером раскладывает карты и заходит под свою руку.

— Без одной, думаю, — роняет Белов, вчуже наблюдая.

— Не говори «гоп», — огрызается сержант.

Харсон сосредоточен:

— А мы тебя — в пичку...

Тени от канделябра бродят по лейтенантскому лицу и треуголке, придавая обстановке дух нездоровой ирреальности.

— Серж, ты куда после дембеля?

Сержант кидает быстрый взгляд на Белова, но не отвечает. Взятки одна за другой перемещаются в его угол.

— А?

Сергей смущенно поводит могучими плечами и цыкает зубом:

— На... Ладно уж...

— Да что ж там у тебя такое?

— Ничего... в табор уйду...

— Ого! Что так?

— А-а... черт — без одной... Накаркал, Кутузов... Баба у меня в таборе — поэл? И... эти... кони хорошие...

Белов во все глаза таращится на киномеханика, как будто в первый раз:

— Боря... С кем мы сидим?! Как-кие люди!!! Сержант, да ты, блин, романтик? Кавказский пленник!

Цыгане шумною толпою,

по Бессарабии кочуя, —

Толкали пузом паровоз!

И дальше чего? Кино у костров крутить будешь? Цветок в пыли?

Сергей, тасуя колоду, рассудительно возражает:

— Почему обязательно кино? Кузнечить буду, коней воровать... Я, в натуре, — много чего умею...

— Ой, мама! Держите меня, иду в монастырь — коней воровать! Ответь лучше — на фиг ты по части с лопатой таскаешься? Зачем киномеханику лопата, что ты копать собрался?

— Шесть червей, — бросает Харсон и сочувственно подъезжает к сержанту. — А что за баба-то? Ничего? Как зовут?

Шлемоносец, глядя в карты, произносит замкнутым голосом:

— Ничего баба, все в нормалек — Варей звать... Так... Семь первых... Насчет лопаты — объясню для... — Сергей саркастично косится на Белова, — ...больных! Мне в чайную, в столовую, в ма-

газин ходить надо? Надо. А что главное для начальства? Бойца припахать. Ты думаешь — дежурный с похмелья помнит, кто в полку киномеханик? Он видит, что несет боец лопату, значит, при деле, значит, можно его не трогать, он и так уже службе не рад. Ну? Ферштейн?

Белов чешет затылок:

— М-да... Чисто солдатская психология — мне бы и в голову не пришло... Но расчет, надо признать, безукоризненный! Э-э-э... Пас... У нас в училище тоже ленивый хохол был... так он...

Шуршит в углу серенькая мышь, готовит праздничный стол. Скрипит перышком Смирнов. Разложив на коленях лист бумаги, он то подслеповато щурится, то возводит очи горе — сочиняет... Может, конституцию, может, еще чего похуже...

...Рожок не обманул — из-за сугробов, переваливаясь, показался дилижанс. Харсон, перекрестив фонарем воздух, посигналил кучеру. Колымага остановилась, Борис сунул кондуктору в рукавицу пару талеров — такса до Мюнхена, и, подобрав полы плаща и придерживая шпагу, забрался внутрь. Примостившись с краю на скамье, он подкрутил фитилек, сказал «бр-р-р!» и, отогреваясь, стал осторожно осматриваться.

Немногочисленные пассажиры дремали, покачиваясь и стучаясь головами от толчков экипажа. Лишь напротив, упираясь в харсоновские коленки, бодрствовал безобразный, но симпатичный господин. Субтильного сложения, в крылатке и цилиндре, с густыми черными бакенбардами, он уткнулся шевелящимся носом в клетчатый шарф и буравчиками глаз из-под клочков бровей грустно сверлил проплывающие мимо окон дебри Шварцвальда.

Харсон узнал его мгновенно и решил, воспользовавшись счастливым случаем, посоветоваться:

— Хм, хм... Собачья погодка под праздничек, не находите? Хм, хм... Позвольте вопрос, маэстро? Энтшульдигэн зи, разумеется... Я по поводу проницаемости реальности для художественных эманаций... В смысле — способно ли некое произведение таким образом наэлектризовать и сориентировать чувственно-интеллектуальное пространство, чтобы сосуществующая действительность поневоле восприняла приданные художником формы, подобно жидкости в сосуде? И, если да, то не является ли

художник — новым алхимиком со всеми вытекающими из этого факта рискованными последствиями?

Буравчики маэстро еще более погрузтели:

— Вы, как я понимаю, — музыкант?

Харсон смутился:

— Дилетант... так... любитель... Немного философ... поэт...

— Но, хотя бы — магистр?

— Бакалавр... пока...

Субтильный понимающе ухмыльнулся:

— Из университета вас, надо полагать, отчислили за академическую задолженность... Так?

— Т-так...

— А после того, как хозяйка застала вас с дочерью, которой вместо латыни вы науки нежные внушали, — вытолкали из города с позором?

— Н-натурально... Из Иены...

— А-а... Это вам Ромберг античную философию читал... Значит так, студиозус — запоминайте. Художник — не соблазнитель.

Борис непонимающе поморгал:

— И это — все?

— Для Вас — достаточно.

— И что же мне теперь делать?

Маэстро помахал в полутьме пальцами. С неподражаемым артистизмом.

— А что угодно. Что Вы в Иене делали? Эй, уважаемый! — приоткрыв дверцу, обратился он к кучеру. — Почему мы не двигаемся?

Откуда-то сверху и спереди донесся унылый голос:

— Чепуха какая-то, барин. Лошади нет — цыгане, видать, украли.

Маэстро обескураженно взглянул на Харсона:

— Что он сказал?

Борис пожал плечами:

— Цыгане лошадь увели.

— Абсурд! Какие еще цыгане? Романтический бред!

У Харсона брови поползли под шляпу:

— И это ВЫ говорите?! ВЫ??!! Цыгане ведь очень ловкие,

разве вы не помните? Так разденут, что и не почувешь!

Господин недовольно завернулся в шарф и сухо заметил:

— Разумеется, герр философ. — И, пошевелив носом, добавил. — Я бы за такой контрапункт кое-кому голову открутил.

— Кому? — изумился Харсон.

— Те-ебе!!! — взревел Белов. — Спятил, что ли, при одиноком короле семерку на даме проносить?! Да ты нарочно, я гляжу?? Да за это... за такое... за это... — лейтенант зашарил вокруг глазами, — ...кандельябр-ром по мордасам!!!

И, подхватив канделябр за стебель, Белов замахнулся на Харсона, но тот был уже не близко.

Бежит Харсон в развевающемся плаще, словно бабочка, петляя, а за ним лейтенант в треуголке бьет подковами по половицам и в вытянутой руке у него — пятисвечник. Гулким и протяжным эхом разносятся вопли в пустом огромном помещении, летят, пляшут извилистые тени по потолку. Заторможенно медленно падает снег за окнами, медленно, медленно, как будто разговаривает, журчит тихими словами кто-то невидимый в небесах, объясняет что-то бесконечное на бесшумном снежном языке, так долго уже, что и не ждет более ответа, не надеется на согласие или возражение...

Бежит лейтенант, не отставая, размахивает канделябром. Брови нахмурены, взгляд целеустремлен, желваки перекатываются на скулах. В мужественно бьющемся сердце — меланхолия, в горячей голове — картина:

...Взвился тяжелый пурпур занавеса! В Большом — светопредставление! Клака? беснуется, студенты на галерке сходят с ума. Даже генсек в правительственной ложе благосклонно делает два-три паралитических хлопка.

Из глубины декораций, изящно семеня на цыпочках, выпархивает на поклон Жизель. Навстречу ей по центральному проходу, печатая церемониальный шаг, неторопливо чешет Белов с целым садом багряных роз. Балерина, вытягивая одну ножку, приседает, выгибает сухопарную спину, кивает головкой по очереди — балкону, ложам, партеру. Лейтенант, словно каппелевец в разгаре психической атаки, — убийственно равнодушен. Нарочито подробно стягивает он на ходу шелковую белоснежную перчатку и, не поворачивая

головы, — небрежно швыряет ее в правительственную ложу — точнехонько в удивленные брови!

Ломаются, вразной похрустывая, аплодисменты, стихают, вывернутые с корнем ураганом испуга, — оваии. В вакууме четко, как часы, звучат одинокие и безразличные шаги храбреца. Вот он уже у цели — сразив холодным взглядом народную артистку (ах-ах, — трепещут, опущенные ниц, тенистые реснички), роскошным жестом осыпает ее ниагарой цветов. В лебединых крылах ее — выпавшая записка: «От курсантов Рязанского общевоинского училища. Жди в 23.17. Верный поклонник таланта.»

Партёр, шевеля губами, мучительно вчитывается в детский почерк. Дипломаты затаили дыхание. Наконец актриса, кротко улыбнувшись, прижимает к сердцу несколько роз, как бы пропитывая их симпатией и восхищением, и непринужденно посылает багряную стайку на грудь лейтенанта. Прыжок! — серия феерических па, воздушный поцелуй — видение растворяется за кулисами!

Что творится в театре, — не описать! Безумие, скандал, слезы облегчения и массовый обморок!

Генеральный секретарь принимает от услужливого топтуна скомканную перчатку, угрожающе чмокает и жестко-внимательно пронизывает дерзкого офицера из-под легендарных бровей. Белов, надменно насвистывая, уплывает к выходу на руках студенчества.

Перед рассветом лейтенант лениво дотягивает последний бокал шампанского, целует в полуоткрытые губы Жизель, утомленно уснувшую от любви и предчувствий на ковре розовых лепестков, прощально косится в трюмо и, приосанившись, — выходит вон.

В низком сереньком небе над Нескучным садом — вороний грай. Секунданты протаптывают тропинки, отмеряют расстояние, втыкая сабли, обозначают барьер. Крошками ссыпается тусклый снежок с черных ветвей. Белов, отвернувшись, курит последнюю папиросу и провожает взглядом облака. Перед внутренними глазами стоит вся его короткая, но нестерпимо яркая жизнь: ясли, детский сад, средняя школа, Рязань, Большой театр и вот он — Нескучный, красивый восклицательный знак! Да, — все было правильно, жизнь удалась.

Лейтенант щелчком отправляет окурочек в Москва-реку, сбрасывает, двинув широкими плечами, шинель и, не глядя, вынимает из

поданного футляра дуэльный пистолет. По отмашке секундантов противники начинают роковое сближение.

Подняв глаза и прицельно прищурившись, Белов наблюдает, как бровастого провожают к барьеру трое: двое держат под руки, один толкает сзади. Старичок, видимо, еще не совсем проснулся и, слабо ориентируясь, немного капризничает. Белову становится не по себе.

С детства до боли знакомая физиономия, всегда воплощавшая для Александра всю злобную двусмысленность и марзматичность обозримой реальности, теперь растерянно булькала и беспомощно моргала. Лейтенант усилием воли попытался освежить в сердце чувство возмущения, но ничего не получилось. Старичок, как ни глупо, напоминал дедушку, Белова-гроссфатера — героя гражданской войны и инвалида первой группы. Дедушку можно было кормить бульоном с ложечки, пичкать лекарствами, читать ему перед сном idiotские передовицы, но мучить его неуютным декабрьским рассветом было невообразимо. Любого, покусившегося на дедушку, Саня удавил бы собственными руками!

Белов тоскливо озирается. Секунданты ждут. В небе каркает стая. Все вокруг тычет в лейтенанта ветвями и пальцами — ну? чего, мол? начинай, что ли?

Белов вздыхает, шатается, лунатично поднимает пистолет и стреляет вверх. Старичок вздрагивает от неожиданности, потом, что-то начиная соображать, фокусирует взгляд на неизвестном мальчишке и, скривив губами застенчивую благодарность, тоже падает в воздух. И тут же обрушивается на снег.

Саня дико заглядывает в свой, еще дымящийся ствол. К упавшему со всех ног бегут врачи и секунданты с примочками — тому на голову грохнулась застреленная лейтенантом грузная ворона.

Александр виновато разводит руками и вдруг чувствует страшный удар по макушке. С глазами, залепленными кровью, помехом и перьями, он валится на спину и теряет недоуменное сознание.

Дедушка, бывалый охотник, — тоже оказался не промах...

*...Приголубь меня, голубка.
Пляшет вьюга безучастная.
Словно бедная скорлупка,
Голова болит несчастная —*

негромко перебирая гитарные струны, напевает Харсон.

Забинтованный лейтенант лежит на сундуке и с неизъяснимым сочувствием прислушивается к простым словам романса.

Снегопад за окнами. Маленькими мерцающими ангелами кружатся в черном воздухе снежинки, пересмеиваются друг с другом тихими колокольчиками, поздравляют с наступающим праздником, с удачным приземлением.

Потрескивает огонь в переносном камине. По-домашнему пахнет солеными огурцами и печеной картошкой.

В углу скрипит перышком мышка-ефрейтор. Ф-rrrrr, ф-rrrrr — разлетаются чернильные брызги. Вдохновение, настоящее вдохновение нарисовано в сверкающих очках и взмокшем белобрысом чубчике!

Растворяются в темноте, словно раздвинутые вдаль, стены и потолок. Аспидно поблескивает бок рояля.

*...Постели мне, дорогая,
Колыбель в груди воздушную...*

— Как, значит, нагрянули они в станицу — никому проходу не стало, — обжигаясь и пачкаясь золой, Сергей вынимает картофелины из печеных мундиров и раздумчиво продолжает. — Топаю с мужиками с последнего сеанса, а тут одна — хватъ за рукав, чего-то по-своему щебечет, зубами золотыми дразнит. Ребята хохочут, семечки плюют — валяй, мол, водила, волокы под яблоню! И такое зло, такая тоска меня взяла — духота, псы заливаются, улица пыльная, красные рожи все надоели — а, ну и хрен с вами, думаю! «Пошли! — говорю. — Побалакаем.» Что далее было, подробно не скажу, а короче — всю жизнь мою она мне разъяснила, все черточки-складочки растолковала, — сержант внимательно и удивленно вглядывается в перемазанную копотью ладонь. — И пошло так, поехало — что ни вечер, то одна стезя — ворожба-гадание. Про всех позабыл — и про мамку, и про трактор, и про танцы. Выберусь в сумерки на обрыв, а за рекой шатры мерещатся, дымком да конским духом тянет...

*...Как улыбку, раздвигая
Занавеску равнодушную —*

уплывает под потолок гитарный перебор, бродит по углам туманом...

— Ле-еш, — доносится слабый голос Белова. — Накатал, что ли? Иди сюда, двенадцать скоро...

— Сейчас, сейчас, — бормочет ефрейтор, яростно строча и даже дырявя бумагу. — Сейчас, начинайте без меня! Новогодний сюрприз!

Сергей вытирает руки газетой и осторожно разливает по эмалированным кружкам самогон:

— Сань, а знаешь, как у нас ворон называют?

Белов притрагивается к повязке на затылке и болезненно морщится:

— Как?

— Солдатские чайки. — Сержант усмехается и берет бокал. — Ты скоро, Глазунов? Мы уже все, поехали.

— Ско-оро... — торопится Алексей. — Езжайте, я догоню! Оперу писать закончу и догоню...

Летит под откос занимательная сминовская повесть! И название — сильное и убедительное, словно песня:

«ДОНОС

Спешу доложить первые результаты оперативной разработки: Младший лейтенант Белов в приватной беседе подтвердил свои твердые намерения. Например — .....

Нельзя в этой связи не упомянуть также сиониста рядового Харсона, который .....

И, наконец, по поводу конспиративной лопаты сержанта .....

Остальные соображения мечтал бы доложить при личном контакте. Прошу разрешения на продолжение операции.

Подпись: Валютчик

31 декабря 1981 года»

— Ну вот, ребята дорогие, — приподнимается с сундука лейтенант. — Худо-бедно, но год закончился. Не будем ни хвалить, ни проклинать его, а выпьем — каждый за свое, загадаем заветное желание и шлепнем, чтобы оно сбылось в новом, 1982 году. Будь мо!

Громоздятся за окном сугробы, величественные, как хребты Гиндукуша. Мелькают на скалах папахи, дымком вспыхивают выстрелы. Ползет капитан Белов во главе взвода, окруженного горцами,

отплювывается из гранатомета, сжимает челюсти. В глазах — бешеная радость, в груди — пушечные вагнеровские раскаты.

Капитан — счастлив.

— Серы-ый, — входная дверь со скрипом приоткрывается и в щель всовывается сладкая восточная физиономия, пахнущая веником и баннным полотенцем. — Серы-ый, гостинчик! Я тебе одеколончику притетехал...

Харсон лихо вскакивает на сундук и поднимает руки.

Воцаряется немота, снежинки неподвижно застывают в воздухе. Сержант давится на полуглотке, не успев оторваться от кружки. Глаза выпучиваются, рты не закрываются. Пламя свечей — стекленеет.

Борис зажмуривается и — ревуший вал обрушивается в небо из оркестровой ямы!

Мечутся над землей листки, вырванные из кармана ефрейтора, взвиваются к облакам клубы снега, несется, кувыркаясь, назад в баню сладкий Мамедов со своим одеколончиком, крутятся в обратную сторону стрелки часов — в то давнее время, когда Алла Эдуардовна и не мечтала о квартире на Кутузовском проспекте, а в мыле зарабатывала свои восемьдесят медсестрой.

Вглядывается Харсон в обезумевшее, насквозь пронизанное гобоями и валторнами, звуковое пространство, и вдруг видит, как из дилижанса выползает строгий пальчик его дорожного знакомца и укоризненно грозит.

Совестно становится Боре, не знает он, куда глаза девать, и, застенчиво нашарив на рояле самогон, по совету Белова загадывает свое скромное заветное.

Донос возвращается в мышинный карман.

Неторопливо переговариваясь, покачиваются прекрасные снежинки.

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-х-а-а-а! — злорадствует на плацу глухой Бетховен.

— Серы-ый, — скрипит входная дверь. — Ну, так что насчет одеколончику?..

28 декабря 1995 г.

Москва

МАРИНА КРАВЦОВА

Стихотворения

Сколько их - домов
Позади меня,
Жалюзей, замков,
Дыма без огня.
Из разбитых плит,
От чужих сигар
Слово д о м болит.
Словно древний мавр,
Душит ревность в нем.
Пусть хоть в три угла
Только свой бы дом.
Посредине льдин,
Где поземкой мгла
Некуда идти,
Значит я пришла.

23.04.95 Кёльн

Это стелится дымок
Легкокрылый и атласный,
Как вечерний мотылек
Беззаботный, быстрый, праздный.

Это пламя над свечой
Вдруг сломается, чтоб чудом
Из овала стать струной
Или формой сосуда.

Это небо обожгло
Нервным факелом заката.
Там, где ангела крыло
Между облаком распятым.

Это все, что есть во мне,
Это все, чем я не стану.
И Россию, хоть в огне,
Звать землей обетованной.

31.12.95 Кёльн

Нет не Венеция, не Рим,
А полусон и полутьня, и полутьма.
Весь Кёльн из сказок братьев Гримм,
Где разноцветные, как пряники, дома.

В объятьях узких улиц свет
Затмила низкая луна.
А вдруг России вовсе нет,
И лишь во мне одной она?

Ее тоска, надрыв и хмель,
Разброд, отчаянье и смута.
Вдоль резких красок вдруг пастель.
Я, как она, живу минутой.

С нее я слепок или сплав
Дыханья, духа, вдохновенья, крика.

А может быть, одна из глав -
Россия - недописанная книга.

Нет, не Венеция, не Рим.
Но вековая пыль собора...
В течение Рейна голубым
Реликтом проплывает город.

07.12.95 Кёльн

Что вы ищете в моем дому?
Лучше попросите -
Свет слепому, а провидцу тьму,
И поэту час наитий.

Ну, просите же еще
До испарины, до дрожи,
И мне лягут на плечо
Ваша боль и ваша ноша.

07.03.96

Вечер первый и последний,
Завернувшись в плащ сырой,
Робко топчется в передней
Между мною и тобой,

Между завтра и сегодня,
Между вместе или врозь
Вечер, вечер, точно сводня
В нашу ночь с тобою врос.

То вдруг бабочкой белесой, -
Сплавом черного с седым
Между пламенем и воском
Проскользнет, роняя дым,

То дождем забарабанит,
Перейдя со мной на „ты“,
То качается в стакане
Отражением звезды.

Между нами тенью ляжет,
Взглянет отсветом витрин,
Искажит черты и смажет
Первый прочерк из морщин.

Нет тебя, а только вечер,
Как последний, первый - наш!
Сыростью окутав плечи,
Мне оставил старый плащ.

13.03.96

✧ ✧ ✧

День изможденный вялый,
Трепещущий листвою,
Как старый добрый мальй,
Беседовал со мной.

Впервые осязаем
Стал поцелуй в плечо.
С закрытыми глазами
Ждала - еще, еще

Дождя, каскада капель,
Объятий от и до.

И ветер тучи грабил
И небо заодно.

А я кричала - мало!
Усилиям дождя.
И небо уплывало
В блаженстве забывтья.

17.03.96 Кёльн

МИР В ОДНОМ ЛИЦЕ

Ты прескверный гость.
С.Есенин

О звуки мартовского утра
Вновь разбивался хрупкий сон.
И гулкий колокольный звон
Рождал в душе тоску и смуту.

А мир свистел, вздыхал, мяукал,
Вдруг рассыпаясь и дробясь
На всплески эха в переулках
И грома огненную страсть.

Он стал реален, слишком близок
И оттого так страшен мне
Весь этот мир. как черный список.
Мелькал и морщился в окне.

И я шагнула к темным окнам
Наощупь. точно рядом дно.
Чтоб мир рукой, как тряпку скомкав,
Безмолвно выбросить в окно.

Но в глубину зеркальной глади
Неистребимый профиль врос -
И морок ужаса во взгляде,
И дрожь невыплаканных слез.

Гримасу за гримасой корчил,
Рот искривив в двурогий шрам,
И каждый зуб, казалось, сточен,
А вместо глаз - лишь пара ям.

Непредсказуем почерк страха.
И я сама не знаю, как
В тот профиль кулаком с размаха,
Но боль разжала мой кулак.

Стекло посыпалось слюдою,
А вместо черного лица -
Мое окно полупустое -
Три окровавленных зуба.

18.03.96

Что мне еще любить осталось,
Саму себя похоронив
В гонящих жертвенность и жалость
Неоднозначен мой курсив.

Я уступаю плоть и платье
И привилегии больной,
Я уступаю вам и счастье
В несчастье быть самим собой.

15.02.95 Кёльн

Из цикла „МОЕЙ РОССИИ“

Щитом бы хищное „не дам“!
Когда в моей бы власти, -
Ты не пошла бы по рукам,
Терзаемой на части,

Не поднялся бы крест на крест
В неуголимой злобе,
И чья-то кровь, предсмертный жест
Мне не казались крышам вровень.

Агония огня и бред
Листвы в дыму прогорклом,
Когда меня самой как нет
Среди живых и мертвых.

10.03.96 Кёльн

Все больше не имеют смысла
Ни праздники, ни музыка витрин,
Ни времени походка лисья,
Ни новые дорожки из морщин.

И ни к чему уже усилъя
Стараться выплыть или утонуть.
И я жду, как вдалеке Россия
Куда-нибудь и как-нибудь.

30.12.95 Кёльн

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Тебе пишу я только в мыслях:
Нет больше месяцев и чисел,

Как сокровенных наших дат,
Мой исповедник, друг и брат.

Здесь летом град, зимой трава,
Что толку знать, что жизнь права.

Зачем я здесь? - ложусь с вопросом,
Когда на пашне град, как просо.

Встаю я вопрошая тоже,
Когда лист в почке еще сложен.

Но глядя в небо звездной ночью,
Я вижу жизни многоточье.

08.12.95 *Кёльн*

Всего хотела с жадностью -
Конкретного и смутного,
Меж праздником и праздностью
Не братства и не равенства,
Как ветерка попутного,
Ждала я силы таинства...

А нынче в одиночестве
Мне ничего не хочется -

Ни чуда, ни пророчества,
Ни завтрашнего дня,
Ни имени, ни отчества,
Ни собственного я.

06.03.96 Кёльн

Из цикла „ВНЕ РОССИИ“

Насилье смехом, звуком, словом,
Насилье пейзажем,
Насилье чужого крова
И тем, что мне не скажут.

02.12.95 Кёльн

Я разучилась улыбаться
И со слезами не избыть
Дрожанье рук, дрожанье пальцев,
Которым нечего дарить.
Живу, захлебываюсь ветром -
Наискосок, наискосок
Летит душа или планета,
Как чей-то брошенный платок...

10.02.96 Кёльн

Кто Вы такие, кто Вы,
Посмевающие судить меня.
Пусть камнем ударяет слово,
Сжигает с жадностью огня.

Шагну в шершавые объятия елей,
Под первый поцелуй дождя.
И облака, как серые шинели,
Сомкнут неровные края.

Я обойду насмешек тени,
Как обходить привыкла спесь.
Есть очертанья у сомнений
И профили у страха есть.

Я не услышу слова в пику
Из Ваших одичалых уст.
Во мне самой - палач двуликий -
Бессонница и грусть.

01.11.95 Кёльн

ВЯЧЕСЛАВ ШПРИНГЕР

Рассказы

ПАПАНЯ

Сырым осенним вечером, когда не поймешь снег ли, дождь ли сыплется из невидимых туч, Анатолий Васильевич Куликов, прикрывшись большим черным зонтом, торопливо шагал по Тверской. Прохожих было мало и он шел прямо по центру тротуара, разбрызгивая лужи импортными, чешскими сапожками. Уличные фонари размытыми желтыми пятнами наплывали на него, вспыхивая молочным светом и пропадая за плечом. Часто и весело перемигивались красные и оранжевые фонари автомашин, и все это вместе вселяло в душу Анатолия Васильевича слабое волнение, впрочем, настолько слабое, что он едва замечал его.

Миновав театр, Анатолий Васильевич свернул направо, нырнул в темный проходной дворик и, очутившись перед грязно-серым трехэтажным особняком, вошел в слабо освещенный подъезд. Видимо, особняк этот строился еще до революции, и строил его человек состоятельный, не поскупившийся на крученые лестницы из голубого мрамора, замысловатые лепные украшения и прочие архитектурные штуки, которые позже наименовали «архитектурными излишествами». Анатолий Васильевич бойко ступил на голубую лестницу, на ходу сложив и отряхнув зонт, и так же бойко, не переводя дух, поднялся на третий этаж. Если два первых были с высокими потолками, просторными лестничными площадками, густо покрыты выщербленными лепными цветочками, то третий этаж некогда явно предназначался для прислуги: низкие потолки, узкие двери и так часто пробитые по обе стороны

коридора, что сразу можно было представить тесные и неудобные комнаты, куда они вели. У одной из таких дверей Анатолий Васильевич остановился, как-то странно усмехнулся и долго позвонил. Никто не ответил и он позвонил еще раз, потом еще и еще. Наконец из-за двери послышался слабый, словно бы придушенный голос:

- Да-а, входи...

Анатолий Васильевич опять усмехнулся и неторопливо вошел.

- Здорово, папаня, - в его голосе прозвучала плохо скрываемая насмешка. - Не помер еще?

Тот, к кому он обращался, папаня, лежал на кровати с панцирной сеткой, украшенной четырьмя металлическими шарами по углам и нещадно скрипевшей даже при самом малом движении. Впрочем, в этой узкой и низкой комнате со сводчатым потолком, казалось, все должно было скрипеть и постанывать: маленький круглый стол, венский стул с облупившейся черной краской, настенный шкафчик и часы в деревянном футляре.

Анатолий Васильевич снял и повесил на гвоздь кожаный плащ, войлочную шляпу, развернул и поставил в угол зонт и неожиданно коротко хохотнул:

- Так жив, говоришь, папаня? - он прошел и сел в изголовье старика на скрипнувший стул. - А я звоню, звоню и уже беспокоиться начал: взял, думаю, мой папаня и помер.

Старик, лежавший на спине под серым солдатским одеялом, не выразил ни удивления, ни возмущения на слова Анатолия Васильевича. Казалось, он даже и не слышал их, пристально и неотрывно глядя в низкий сводчатый потолок голубыми от старости глазами.

Как же ты тут, без меня-то? - продолжал Анатолий Васильевич. - Неделя не виделась. А это, по нашим перестроечным временам, - вечность. Или тебе не до перестройки? Ты же газеты не читаешь, радио не слушаешь, а зря! Там такое творится, что тебе и во сне не увидеть: бастуют, кричат на каждом перекрестке, - Куликов поморщился, - да еще как кричат-то... А, может, ты обо мне соскучился? Или не до меня было - грехи замаливал... Что молчишь-то?

Анатолий Васильевич низко склонился над лицом старика, пытаясь перехватить его взгляд, но старик прикрыл глаза желтоватыми веками и глубоко вздохнул.

- Вот, не желаем даже и смотреть. А почему не желаем? - Кули-

ков покривился. - Не кто-нибудь ведь пришел, сын приемный. Или не узнаешь? Да и как признать, если и раньше в упор не видел... Эх, папаня, папаня, а ведь я о тебе забочусь, хоть раз в неделю, да прихожу. А ты-то, вспомни, в детдом меня сдал и три года не заглядывал. Это как называется? А я вот не обижаюсь, сердца на тебя не держу. - Анатолий Васильевич встал и взволнованно прошелся по комнате. - Нет, не держу. Я ведь понимаю, что иначе ты не мог. Не до меня было. Как же, рестораны, суфле-пюре, шампанское, женщины... Эх, папаня, пожил же ты, пока я в детдоме перловкой давился... Пожил. А теперь вот обиды какие-то, претензии. Ну, скажи, скажи ты мне на милость, - повысил голос Куликов, останавливаясь над стариком, - как еще я должен к тебе относиться? В плешь целовать? А может, и к ручке приложиться? Ведь я учен, помню, как это делается. А ты-то помнишь? «Эй, сучонок, поди сюда, - меняя голос, срываясь на фальцет, прокричал Анатолий Васильевич. - Кому сказано: поди сюда! А ну, тварь паршивая, целуй руку! Кто тебя кормит, стер-рва? Я кормлю! Давно бы подох, да сердце у меня мягкое. Пошел вон, скотина!»

Анатолий Васильевич разволновался, на его круглых щеках проступили красные пятна, губы задрожали и он устало опустил на стул, не в силах говорить дальше.

А старик по-прежнему лежал на спине и голубыми глазами смотрел в низкий сводчатый потолок. Густая серая щетина покрывала его впалые щеки и дряблую шею, на которой, ближе к правому предплечью, часто пульсировала вздувшаяся темно-синяя вена.

- Это кто к тебе приходил? - смилив волнение, спросил Куликов, разглядывая пачку печенья и два пакета молока на столе. - Аннушка? Носят ее еще ноги? Хотя, что же не носить-то? Она лет на двадцать моложе тебя. Ты ведь молоденьких любил, чистеньких. Эдаких, - пощелкал пальцами Куликов, - «чтобы духу тесно в груди было». Твои слова, я запомнил. Матушка, конечно, для тебя старовата была, всего-то лет на десять моложе. Ну, да тут особое дело: квартира. Хоть и плохонький, да угол, за который тебе в Москве зацепиться можно было. Вот ты и зацепился, как репей за штанину. Матушку через три года в могилу свел, меня - в детдом, и остался здесь - хозяин-барин. - Теперь Анатолий Васильевич говорил ровно, с оттенком грусти, словно бы вспоминал все это для одного себя. - Аннушку ты быстро

бросил: не тот форс. Даром, что вместе матушку травили, а и она тебя не раскусила. Надеюсь, женишься ты на ней, а ты ей - фигу в масле. Так ей и надо, дуре раскосой...

Старик дернулся и тяжело повернул голову к стене. Анатолий Васильевич, привскочив на стуле, склонился над ним. Глаза его заблестели.

- Что, папаня, что, родненький? - заботливо и почти нежно спросил он. - Не хочется слушать? Тяжело тебе, беденькому? Мучаю я тебя? Ах, изверг-то я какой! А маманю за косу и по комнатам из угла в угол, и пинками под ребра, это как? Это как?! - вскрикнул Анатолий Васильевич и грубо рванул старика за плечо. - Я тебя спрашиваю, папаня, это как?! Сапожищами сорок четвертого размера женщину по ребрам, а-а? Ногу-то не зашиб, а-а! Что молчишь-то? Сказать нечего?

- Пусти плечо, - попросил старик, - больно...

Анатолий Васильевич опомнился и отскочил от папани. В комнате стало тихо, лишь маятник со скрипом отсчитывал секунды. Анатолий Васильевич, сцепив руки за спиной, молча стоял у окна, по которому густо струились дождевые капли, и нервно пощелкивал пальцами. Его коротко стриженный затылок, на который теперь смотрел старик, был тверд и упрям, и папаня вздохнул и подумал о том, что Куликов похож на мать. Не чертами лица и не манерами, а именно вот этим упрямым затылком.

- Я новую квартиру получаю, трехкомнатную, - не оборачиваясь, сообщил Анатолий Васильевич. - Рядом с метро... Меня на работе ценят. И сейчас, по новым временам, я далеко могу пойти... Квартиры у нас просто так не дают...

- Скоро и эту можешь забрать, - тускло ответил старик.

Анатолий Васильевич удивленно оглянулся и сощурился на папаню.

- Вот как! Спасибо... Опять благодетельствуешь? - было заметно, что Куликов старается говорить спокойно. - А где ты, дорогой папаня, раньше был? Когда я по всей Москве углы снимал? Когда с женой и дочкой в подвале у дворничихи жил? Может быть, ты об этом не знал?

Куликов вновь заходил по комнате, вздрагивая узковатыми плечами и болезненно морщась.

- Вот ты сколько прожил на свете? - остановился он перед ста-

риком. - Ты ведь до-олго пожил и не как-нибудь, а в свое удовольствие. От фронта отвертелся, трудармию обошел, голода не знал... Как же ты все это так сумел? Другие и воевали, и от голода пухли, а с тебя все, как с гуся вода. Да и работать-то ты никогда по-настоящему не работал. Все больше возле торговых складов вертелся. То пряники грузил, то водку экспедировал. Не-ет, папаня, душонка у тебя темная, если в ней покопаться, да как следует покопаться, ой-е-ей! И вот с такой-то душонкой ты более семидесяти лет прожил, а маманю в тридцать лет ухайдакал. Это как называется? Это справедливо?

- Болела она, - прошептал старик, - ты же знаешь...

- Болела! - взвился Куликов, - а как же ей не болеть?! Сколько раз она зимою в подворотнях ночевала? А на чердаке? Ты мне брось про ее болезнь говорить. Думаешь, я не помню, как ты однажды после дня рождения пришел? По-омню, и очень даже хорошо мне этот день рождения запомнился... «Лизка! Сними сапоги, - опять перешел на фальцет Анатолий Васильевич, - живет! Ты что, лярва, ходить разучилась, так я сейчас научу... А теперь ноги целуй... Ну!». Ты, может, и забыл, а я помню, как мы от тебя в тот вечер убежали и за мусорным ящиком прятались. Забыл? Не помнишь? - Куликов схватил стул, с силой поставил его напротив кровати и сел. - А я помню. Дело-то в ноябре было, в самом конце, с неба мокрый снег валил, а мы часа три за тем ящиком просидели. Мать в ситцевом платье и тапочках. Я - в вельветовой курточке и босой. Как же ей было не заболеть, воспаление легких не подхватить? Ты и у меня лет двадцать отнял. Слышишь! - Куликов вновь дернул старика за плечо. - Лет двадцать! Ты вот после семидесяти околеваешь, а я и пятьдесят не проживу... Это как называется? Ка-ак?!

Старик раскашлялся, хватаясь рукой за горло, солдатское одеяло сползло на пол, открыв длинную и очень худую фигуру в заношенном сером белье со штопками на локтях. Кашлял он долго, надсадно, вдавливаясь спиной в матрац и поджимая сухие ноги. Когда кашель отпустил его и папаня пришел в себя, Куликов, внимательно наблюдая за ним, злорадно спросил:

- Что, вспомнил, папаня?

- Воды, - хрипло попросил старик.

- Нет, подожди, - поднял палец Куликов, - ты вначале скажи, вспомнил или нет?

- Воды-ы, - вдруг всхлипнул старик, - дай попить...

- Попи-ить, - передразнил Анатолий Васильевич, - на том свете смолой напоят.

Однако же он пошел в угол, зачерпнул из эмалированного ведра кружку воды и подал папане.

Старик пил трудно, захлебываясь и проливая на одеяло. Сесть он не мог, а лишь приподнял голову, уперев ее в металлические прутья кровати. Напившись, поставил кружку на грудь, не смея попросить Анатолия Васильевича забрать ее. И опять было тихо в пустой комнате со сводчатым потолком, и опять текли секунды, равномерно падая с круглого желтого маятника.

- Все ты переворачиваешь, - неожиданно заговорил старик, - все! Этак любого человека в изверги можно записать. И тогда, с именин... Я ведь ноги не просил целовать... Ты это сам придумал, - старик говорил медленно, с паузами, не глядя на Анатолия Васильевича и вроде бы даже не обращаясь к нему. - Ты за квартиру мне мстишь, вот что, а не за мать. За квартиру... А что мне было делать? На улицу идти? А тебя, значит, в квартиру пустить... Ведь вместе ты не хотел. Злой ты, Толька, злой... Всегда был злой...

- Ага, заговорил, - обрадовался Анатолий Васильевич, - запел песенку. Полегчало? Отпустило? Может, и еще с годочек поживешь? Поживи, поживи, я не возражаю. Но про мое зло - это ты брось. Лучше не трогай, - напрягся голосом Куликов, - а то ведь я... Это ты вспомнил, как я тебя за руку укусил? Благодетеля-то, посмел! Да была бы у меня в ту пору сила, я тебе ее начисто отхватил бы. Хам, и нет у тебя руки, и мать за волосы нечем таскать. Бла-го-де-тель...

- Ты вот дочку растишь, бьешь, наверное? - тихо спросил старик.

- Если заслужит, то и выплю, - вспыльчиво ответил Анатолий Васильевич.

- Вот, бьешь, значит... А ты мне чужой был... И всякие пакости строил. Укус в суп наливал... Спичечные головки в махорку крошил... Это как надо было понимать? А матушка... Матушка твоя упрямством и попреками меня доняла... Чуть что - вон из моего дома... Ну, и не выдерживал я, случалось, бивал, не без этого...

- Ишь ты, как заговорил, - удивился Анатолий Васильевич, - ишь, куда увел разговор-то. И я, значит, плохой, и мать виновата, а ты ни при чем? - Куликов сел на стул и в самом деле изумленно выта-

рашившись на старика. - Арти-ист, ничего не скажешь. И это ты помирать собрался? Да тебя еще и палкой не убьешь... Ишь ведь как ловко повернул. А я тебе вот что на это скажу: убил ты ее и не только сапогами, специально убил. Она в больнице лежала, ты хоть раз к ней сходил? Она няньку двадцать пять раз за тобой присылала, молила тебя прийти. Ты пошел? Ты с Аннушкой водку жрал и на этой вот самой кровати увеселялся. Ее смерть на твоей совести, папаян, ты это лучше меня знаешь...

Старик вновь закашлялся. Кружка, опрокинувшись, полетела на пол. Куликов, вскочив со стула, склонился над ним, заложив руки за спину.

- Ишь, как тебя выкручивает. Давай, давай, разыгрывай представление. Мне это оч-чень интересно.

- У-у-у, - промычал сквозь кашель старик, загоразиваясь от Куликова рукой.

- Вот так, еще давай! - уже кричал Анатолий Васильевич. - Поддай жару! Только запомни: мать на твоей совести. На твоей! Ты ее убил! Убийца!.. Век бы тебе так кашлять и не прокашляться...

Анатолий Васильевич стремительно прошел к двери, снял с гвоздя плащ, надел и аккуратно застегнулся на все пуговицы. Потом так же стремительно взял зонт и вновь склонился над стариком.

- Всего хорошего, папаян, - с удовлетворенным спокойствием сказал Куликов. - До новой встречи.

Перешагнув порог, Анатолий Васильевич еще некоторое время послушал, как хрипит и задыхается от кашля старик, потом крепко прихлопнул дверь, поправил шляпу и быстро зашагал вниз по голубой лестнице. У выхода из подъезда он вежливо посторонился, пропуская женщину с авоськой.

А на дворе, под низким осенним небом, шумела и набирала силу очередная компания демонстрантов, требующая не то большей свободы для себя, не то меньшей свободы для президента. Анатолий Васильевич послушал, послушал крикливые голоса, полюбовался из-под зонтика на нестройные ряды демонстрантов, и удовлетворенно сказал непонятно кому:

- А ничего, мы свое еще возьмем... Подождите, мы еще и не так грохнем - страну поднимем на дыбы...

Сеялся мелкий дождь. С деревьев падали тяжелые капли и вдребезги разбивались о темный асфальт.

ПОКЕР ПО-МОСКОВСКИ

Ю.И. Лукину - посвящая

I

Пуржило. Но не очень. Словно лишь для того, чтобы в «Тойёте» еще уютнее себя чувствовать. Еще надежнее. Вот, мол, там метет, там так подвывает, что аж чертям тошно, а здесь - Ташкент. Здесь - музыка. Молчаливое, предупредительное внимание водителя. И мягкий, стелющийся шелест колес, с иностранным аппетитом пожирающих обледенелые километры Чуйского тракта.

- В аэропорт? - тихо спросил Володька уже ввиду ажурного моста через Обь.

Юрий Петрович внимательно взглянул на автомобильные электронные часы, сверился с наручными электронными...

- В аэропорт, - ответил односложно.

II

Летели тоже неплохо. Пару раз трягнуло на воздушных ухабах - не без того, но зато курицу аэрофлотовскую на «легкий ужин» принесли. А эта курица еще со студенческой поры, еще из юности, когда каждый полет на самолете - праздник, была и, кажется, осталась вершиной этого праздника. Печеные, перченые, толченые и моченые деликатесы,

которых вволю попробовался в последние годы Юрий Петрович, ни в какое сравнение не шли с каким-то там, казалось бы, аэрофлотовским куриным крылышком. Чай, конечно, муть голубая, ополоски, но хребтина Лузгину досталась - будь здоров.

III

Москва, она, конечно, Москва и есть - Дурдом общесоюзный, если по правде сказать. Долго ждали трап, еще дольше мерзли на промозглом московском ветерке в ожидании автобуса, наконец - попали в здание аэропорта Домодедово. Здесь-то, казалось бы, дух перевести, обогреться, да где уж там. Грязь неимоверная, вонь и духота, а главное - люди. Много людей. Но неудобство и растерянность не от

множества людей, нет, а от их харь (по другому и не скажешь), отовсюду прущих на тебя. Просто Харяндия какая-то, а не Белокаменная столица одной шестой части суши...

Поэтому зал столичного аэропорта Домодедово (а вернее было бы сказать - международной ночлежки тридцать седьмого разряда) Юрий Петрович постарался проскочить как можно быстрее, напрочь игнорируя вкрадчивых водителей-завывал, шпалерой тянувшихся от входа и до выхода. Шел первый час ночи и Юрий Петрович, как опытный гость Харяндии, напрямик направился к остановке «Икарусов», регулярно курсирующих между аэропортом и городом.

IV

И вот стоит Юрий Петрович Лузгин у остановки, импортным кейсом покачивает, на сгуртовавшихся в сторонке автобусы посматривает. Конечно, он мог бы позволить себе «снять» частника (внутренний карман пиджака приятно оттягивала кругленькая сумма в шестьдесят тысяч, да и так по карманам кое-что было порастолкано - на мелкие расходы), но Лузгин прекрасно понимал, сколь опасен и непредсказуем может быть такой вояж по всесоюзному Дурдому.

Стоит Юрий Петрович, нога о ногу постукивает. В сторонке синий «Жигуленок» припаркован и возле него тоже какой-то бедолага с кейсом мается: то за одно ухо хватится, то за другое. Юрий Петрович повнимательнее присмотрелся - вроде как на артиста похож, разведчика нашего в старом фильме играл, но каком именно - вспомнить не мог. А тут его кто-то осторожно за локоток тронул, Лузгин оглянулся и рядом с собой Парнишонку обнаружил: щупленький на вид, в облезлой кроличьей шапке и изрядно повитертой куртчонке.

- Извините, - чуть ли не зубами от холода стучит Парнишонка, - вы с нами в Москву не поедете? - И кивает на синий «Жигуленок». - Я недорого, всего по тысяче прошу...

Юрий Петрович смотрит на Парнишонку, смотрит на «Жигули», приплясывающего возле них Артиста, и соглашается.

V

Артист, как первоочередной пассажир, плюхнулся на первое сиденье, Юрий Петрович - на заднее. Парнишонка, снова извинившись, пошел искать еще двух пассажиров.

- Морозно, - говорит Артист, - черт бы его побрал...

- Кого? - вежливо интересуется Юрий Петрович.

- Да водителя этого... Я ему две тысячи давал - мало. Ему, видите ли, обязательно четыре надо урвать.

Так вот и разговорились. Давно известно, что быстрее всех знакомятся и дружбу заводят командированные.

О чем нынче все говорят - известно. Поговорили об этом и они. Потом Артист на женщин повернул - Лузгин тему не поддержал. Не любил он эти хвастливые разговоры, да и посторонними женщинами никогда особенно не увлекался. Артист это сразу же почувствовал и на карты перешел.

- Нынче в столице наимоднейшая игра - покер, как бы удивляясь, сказал он. - Все словно свихнулись на нем. А по мне - глупейшая игра. На дураков рассчитана...

Юрий Петрович Лузгин толк в картах знал. Как-то так сложилось, что все детство играл он дома с матерью и младшей сестрой то в подкидного, то в двадцать одно на спички, а то и просто в дурака. Знал он и покер, а потому слегка обиделся за благородную игру.

- Я бы не сказал, что покер - глупая игра, - брюзгливо заметил он.

- Так это вы, наверное, про обычный покер говорите? - оживился Артист. - А я вам про новый, московский...

- Разве есть такой?

- В том-то и дело...

- Интересно, что же это за покер такой? - недоверчиво протянул Лузгин и из глубины сиденья к Артисту посунулся.

- Да ничего особенного, уверяю вас, - отмахнулся Артист. - Там весь фокус в том, что главная карта - дама. У нее, как и у туза, одиннадцать очков... На словах это трудно рассказать...

- Почему же - дама? - удивился Юрий Петрович.

- Стоп! - вдруг хлопнул себя по лбу Артист, - кажется, я забыл дома выложить карты из кейса... Минуточку. Если это так, я вам все мигом покажу: как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Правильно?

VI

Ровно через десять минут Лузгин, кажется, знал о новой игре решительно все. Секрет там заключался в том, чтобы исхитриться получить на руки две дамы - беспрюигрышный вариант получался именно

в этой комбинации. Разве только у твоего напарника тоже две дамы на руках и он держит банк, а поэтому имеет право на прикуп - только тогда твои две дамы будут биты. Но такое совпадение, все равно что угадать шесть номеров в лотто «Миллион». Во всех же остальных случаях выигрывает тот, у кого больше очков.

- А что, интересно, - заметил Юрий Петрович.

- Хотите закрепить? На чисто символические ставки, пока этот жлоб попутчиков ищет...

- Можно, почему нет, - потер руки Юрий Петрович.

Артист быстро сдал карты, порылся в карманах и неуверенно извлек сторублевую купюру.

- Простите, это не много для вас? Дело в том, что мельче у меня сейчас просто нет...

Лузгин усмехнулся и достал свою сторублевку.

Первую партию он проиграл.

- Право, мне как-то неудобно, - замылся Артист. - Может, вы свою соточку заберете? Мы ведь как бы шутя...

- Ну нет, - возразил Юрий Петрович, - я привык отыгрываться, - и бросил на кон две соточки, как выразился Артист.

На этот раз повезло Юрию Петровичу и ответным желанием отыграться загорелся Артист. В общем, минут через пятнадцать-двадцать банк уже насчитывал несколько «штуков».

VII

- Во, мужики, вы тут даете! - неожиданно возник Парнишонка, приведший таки двух желанных пассажиров.

Лузгин хотел было выйти из машины и пропустить новых пассажиров, но один из них остановил его:

- Да вы не беспокойтесь. Нам рядом, на окраине Москвы.

И Юрий Петрович подвинулся за спину водителя, к самой дверце - место это он почему-то не любил.

- А вы тут в карты играете? - удивился второй, крепко прихлопывая дверцу. - Да еще, кажется, и на деньги...

- Московский покер, - скромно пояснил Артист. - Не желаете к нам присоединиться?

- Желаем, - дружно ответили два амбала, - если, конечно, вы не очень крупно играете. А то у нас денег мало...

И в первый раз Юрий Петрович Лузгин ощутил неприятный холодок между лопаток.

- Так я поехал? - спросил Парнишонка.

- Давай, командир, гони, чего время тянуть... С картами мы и на ходу справимся. Правильно? - весело спросил Первый Амбал.

VIII

Играть Юрию Петровичу уже не хотелось.

Машина с места взяла хорошую скорость, пронеслась по площади и быстро втянулась в пустынную автостраду, с двух сторон подпертую мрачными стенами голого зимнего леса.

- Получите карты, - тем временем невозмутимо говорил Артист, ловко управляясь с колодой. - В банке семь тысяч... Ваши ставки?

Юрий Петрович внутренне ахнул: как, уже семь тысяч?!

- Что же, - довольно хмыкнул Первый Амбал, разглядывая свои карты, - пожалуй, я ваш банк сорву...

- В банке четырнадцать тысяч, кто больше? - быстренько спросил Артист.

- Я - пас, - неуверенно пробасил Второй Амбал. - У меня таких денег никогда не бывало.

- А вы? - Артист выжидающе взглянул на Лузгина.

- Я? - растерялся Юрий Петрович, забывший посмотреть свои карты. - Я сейчас...

Он мельком взглянул и - обомлел: у него на руках были две дамы. Юрий Петрович медленно сложил карты и потом еще медленнее, по миллиметру, вновь развел их - сомнений не оставалось: дама трефи и дама черви с лукавым одобрением смотрели на него.

В машине стало жарко и Лузгин рванул верхние пуговицы дубленки. Азарт и жажда выигрыша полностью овладели им.

- На все, - хрипло прошептал он.

- В банке двадцать восемь штук, - Артист свое дело знал.

Первый Амбал замялся, еще раз заглянул в свои карты и - спасовал. Пора было и Артисту пасовать, но он что-то мялся, щупал карманы и, наконец, объявил, что продолжает игру.

Теперь в банке было пятьдесят шесть тысяч и - шутки в сторону! Это Лузгин хорошо понимал. Но делать еще одну ставку он уже не мог - не хватило бы денег.

- Пас, - наконец сказал он и зачем-то пояснил: - У меня больше денег нет.

- А дубленка? - засмеялся Первый Амбал. - Она как раз на весь кон потянет - бога-атая...

Юрий Петрович понимал, что попался, что влип, попробовал нащупать локтем рычажок открывания двери - его не было. И ручки для подъема и опускания стекла - тоже не было.

А за окном - ночь. Жуткая. Русская. И лес тоже русский - армию можно спрятать и - с концами...

- Ну так что, играем? - нетерпеливо спросил возбужденный Артист.

- Играем, - тяжело вздохнул Лузгин.

- Все путем, - одобрил его решение Второй Амбал и следом за тем в машине наступила гнетущая тишина.

IX

Следом за дубленкой пошло обручальное кольцо, встреченное одобрительным мычанием Амбалов, но тут все время молчавший Парнишонка неожиданно властно сказал:

- Хватит... Заканчивайте, в Москву уже въехали.

А и правда, катили по какой-то улице: мелькали дома и пустыри, редкие автобусные остановки. И ни единой души вокруг, словно повымерли все.

Открыли карты. У Артиста, разумеется, тоже две дамы на руках - пиковая и бубновая, да плюс прикуп к ним... Пришлось Юрию Петровичу доставать заветную пачку из внутреннего кармана, дубленку иранскую снимать, а вот кольца обручального было жаль - обручальное же, по наследству от матери доставшееся... Но тут такая нехорошая тишина в машине образовалась, такая многозначительная пауза, что кольцо само собой с пальца соскочило, хотя дома Юрий Петрович и с мылом его не каждый раз снимал.

X

Машина резко притормозила. Парнишонка вышел и открыл дверцу со стороны Лузгина. Тот молча выбрался из салона.

- Деньги-то на такси у тебя есть? - вроде как жалеючи спросил Парнишонка.

- Имеются, - сквозь зубы ответил Юрий Петрович.

- Тогда счастливо, - Парнишонка взялся было за свою дверцу и вдруг вспомнил: - Подожди, а за проезд ты заплатил?

- За проезд? - поразился Лузгин, зябко ежась на морозе.

- А как же! - нахмурился Парнишонка. - Вы тут в карты забавлялись, а я тем временем работал, вел, и ты мне, как договаривались, проезд оплати.

Юрий Петрович добыл из заначки штуку, отдал: действительно, проезд надо было оплачивать - тут он прав...

Довольный Парнишонка хлопнул дверцей и синие «Жигули» укатили, оставив где-то на окраине Харяндии полуголого человека с модным кейсом в посиневшей руке.

На номер машины Юрий Петрович даже не взглянул.

Фрайбург

БАРХАТИЗАЦИЯ

I

За окном привычно и муторно пошумливала московская кольцевая автомагистраль. За стеной, в туалете, монотонно и почти родственно уже протекала вода. Всесоюзное радио с неизбежной последовательностью вкручивало в мозги никому не нужную утреннюю гимнастику. И серенькое утро, хлипкий рассветик такой, занимался над вымученной последними годами землей.

«Разве это жизнь? - грустно и безысходно думал Александр Алексеевич Бархатный, редактор небольшой молодой газетенки, а в прошлом - благополучный чиновник одной благополучной творческой организации. - Нет, это не жизнь, это черт знает что - от полочки до полочки...»

Жена словно бы прочитала его мысли и тут же появилась из ванной комнаты с высоким тюрбаном из полотенца на голове.

- Денег в доме нет, - деловито сказала она и вызывающе поставила пустую сковородку на газовую плиту. - Все как-то выкручивают-

ся и только у нас - не пойми чего. Двухкомнатная квартира на окраине Москвы, старая мебель...

- Зато у нас хорошие книги, - не очень уверенно парировал Саша Бархатный.

- Кому они нужны, твои книги? - саркастически усмехнулась жена.

- У нас машина, - напомнил Саша.

- Этот зелененький кузнечик? - оскорбительно усмехнулась Наташа по поводу Ижевского «Москвича». - Не надо меня смешить... Ты посмотри вокруг, ты посмотри на людей... Все уже как-то перестроились и гребут деньги лопатой, один ты ничего не хочешь делать.

- Наташа, дорогая, - взмолился Бархатный, - а что я могу сделать? Аренда и цены на бумагу подскочили, дотаций нам не дают...

- Слишком много вас там, в газете, - скуластенькое лицо Наташи порозовело, - можно бы и подсократиться, не те времена, чтобы дармоедов содержать...

II

- Не те времена сейчас, чтобы лишних людей содержать, - пригласив в свой огромный кабинет замов, говорил Александр Алексеевич Бархатный. - Надо посмотреть, без кого мы сегодня можем обойтись.

Иванна Валентиновна, старый газетный волк, внимательно посмотрела на шефа.

- Цены растут и на наши мизерные оклады уже не прожить, - продолжал Бархатный.

- Сашенька, дорогой, - поглаживая серебряный медальон на груди, с энтузиазмом сказала Иванна Валентиновна, - вы правы, ну просто абсолютно - правы!

III

Уволили двух сотрудниц-старушек, вялого и несимпатичного корреспондента из отдела новостей и одного корректора. Оклады поделили. Прикинули-подсчитали - неплохо получилось. По этому поводу вечером собрались и - по маленькой. Бархатный удачно шутил, много говорили и строили планы на будущее. Среди этих планов как-то незаметно и естественно прорезалась вроде бы нечаянная идея Иванны Валентиновны.

- Сашенька, дорогой, - родственно говорила она, - нам бы чуть-чуть ужаться и пару комнат в аренду сдать... Посмотрите, как просторно мы живем: отдел рекламы - в своем кабинете, отдел снабжения - в своем... Не слишком ли роскошно?..

IV

- Роскошно и - слишком! - живо подтвердила дома Наташа. - Я давно хотела тебе об этом сказать. Газету сейчас можно и в одной комнате делать...

- Ну уж! - взбурлил Бархатный. - Думай, что говоришь.

- Послушай, Сашенька, - жена села напротив и пристально посмотрела мужу в глаза. - У тебя двое разнополых детей в одной комнате живут. Ты об этом думаешь или нет?

- У многих разнополые дети в одной комнате вместе с родителями живут, - резонно возразил Александр Алексеевич.

- Аренда сегодня - золотое дно, - оставила без внимания глупое замечание мужа Наташа. - Можно вообще ничего не делать и все иметь... Понимаешь? Ваша редакция в центре, на берегу реки, в престижном районе...

- Ты, очевидно, забыла, - Саша Бархатный нахмурился, - что мы сами арендуем помещение?

- Но существует еще и субаренда.

V

- Саша, дорогой, - Иванна Валентиновна все гладила медальон на груди, - и не думайте, и не сомневайтесь... У нас просто нет другого выхода. Сейчас все газеты и журналы этим занимаются. Вы посмотрите на «Вымпел», «Авангард», «Москву» и «Знамя»...

- А как коллектив? - все-таки сомневался Александр Алексеевич.

- Коллектив я беру на себя - пусть это вас не беспокоит.

- Да? - Бархатный покачивался в кресле и задумчиво смотрел на зама, и что-то такое начало прорезаться в его сознании, что-то заманчивое и почти несбыточное... Щеки у Бархатного покраснелись, глаза заблестели - он был чертовски хорош в эти минуты. Иванна Валентиновна откровенно залюбовалась своим шефом.

- Ну же, Сашенька, ну! - приободрила она его. - Поверьте - дело стоящее.

Александр Алексеевич посмотрел за окно. Шли прохожие. Время шло. Опасное. Неповторимое. Бездарное и Гениальное. Это как и кто его к себе приспособит.

- Но ведь сдавать надо будет богатой коммерческой структуре, - сделал еще одну попытку возразить Бархатный.

- Ну и что?

- А это - совсем другие налоги. У нас, как учреждения культуры, налоговые льготы...

- Это вас смущает, Сашенька? - удивилась Иванна Валентиновна. - Да нет ничего проще: надо всего-навсего создать фиктивную совместную культурную структуру - только и делов... Разработать Устав, договор о совместной деятельности, и никаких проблем. Думаете, нас кто-то проверять будет?

Успокойтесь... Никому мы сегодня не нужны. Как и наша культура...

VI

Вскоре появились арендаторы, заняли четыре лучшие комнаты и щедро уплатили за квартал вперед. Этих денег хватило на новую зарплату, бумагу и частично на погашение долга за аренду. Арендаторов звали «Интерхап». Занимались они оптовой торговлей забугорными машинами. Договор на совместную культурную деятельность подписали с удовольствием и даже пообещали для полного реноме помочь в будущем издать газетенку на английском языке.

Бархатному намекнули на личные заслуги. Просили не стесняться. Но он все же постеснялся. Правда, через пару дней одумался и вскоре Наташа Бархатная числилась сотрудницей фирмы «Интерхап».

VII

А тут старушка-сотрудница (бывшая) к нему зачастила. Сядет в уголочке на краешек стула и сидит. Ей помощь выписали. Денежную. Через неделю опять пришла.

- Ну нет, - решительно сказала Иванна Валентиновна, - мы не благотворительная организация. Другие на пенсию живут, пусть и она живет. Конечно, трудно с сыном-инвалидом, а кому сегодня легко?

К тому времени сама Иванна Валентиновна уже около двадцати тысяч получала. Это если вместе с пенсией. А вареная колбаса пока еще стоила четыреста рублей. Жить можно было.

Александр Александрович перед старушкой стыдно было. Он глаза отводил. Искусственно похотывал, поминая недобрим словом демократов. Старушка даже не улыбалась.

VIII

- Послушай, зачем тебе такой огромный кабинет? - спросила дома жена и Бархатный уже не удивился ее вопросу. - Это же хоккейная площадка, а не кабинет... Саша, это не современно. Слишком расщепительно.

- Что ты предлагаешь? - не без интереса спросил Александр Александрович.

- Надо искать еще одного арендатора, но...

- Но? - затаил дыхание Бархатный.

- На этот раз - валютного... Понимаешь?

- Нет...

- Рубль - уже не деньги. Завтра будет еще хуже. Надо найти такого арендатора, чтобы он вам в твердой валюте платил.

Хорошая это была мысль, просто замечательная. Но беда в том, что в последние дни в редакцию вдруг зачастил домоуправ Свистунчук. Устав он просмотрел, договор - тоже, но как-то так странно усмехнулся. Иномарки, говорит, у вашего подъезда стоят. Значит, хорошо живете. А хорошо живете - надо платить.

- А ты заплати, - жестко сказала Наташа.

- Как - заплати? - опешил Бархатный.

- Поговори с Ивановой Валентиновной - она объяснит.

IX

Свистунчику заплатили. Десять тысяч наличными отдали. В конверте. Из рук в руки. А перед этим выпили и закусили в новом редакторском кабинете. В старом же, на хоккейную площадку похотим, во всю шел ремонт: убрали перегородки, красили и белили, вагонкой стены обшивали. Клиент попался - будь здоров: оптовыми французскими винами собирался торговать. Одно наименование чего стоит - «Генерал».

Свистунчук ушел. Десять тысяч домой понес. Правда, колбаса уже почти шестьсот рублей стоила, но все одно деньги...

- Так дело не пойдет, - Иванна Валентиновна поглаживала медальон. - Надо нам свое помещение приватизировать. Он теперь не отстанет.

- А как? - вздохнул Александр Алесеевич.

- Думать надо, Сашенька, думать... Тут еще и в коллективе зароптали, спрашивать начали, сколько мы по субаренде получаем и куда деньги идут? Но это я беру на себя. Не беспокойтесь. Вам приватизацией надо заниматься... Кажется, у вас кто-то в Верховном Совете есть?

- Да есть там один, - неохотно откликнулся Бархатный.

- Сашенька, милый, идите к нему... Надо идти, поверьте мне.

Кстати, вы вчера с немцами, нашими новыми арендаторами разговаривали... Что они нам обещают?

- Двадцать тысяч долларов в год.

X

- И ты ей это сказал? - Наташа хмуро смотрела на мужа.

- Конечно... А в чем дело? - насторожился Александр Алексеевич.

- В том, что ты дурак... В кубе, по определению Салтыкова-Щедрина.

- Не понял?

- Ты с немцами вел переговоры один?

- Да, как ты и советовала...

- Вы бумаги какие-то подписывали?

- Нет...

- Так зачем же ты про всю сумму-то говоришь? Кто тебя за язык тянет, извини...

Бархатный понял, прозрел и покаялся:

- Прости, Натусик, до меня не дошло...

- А должно доходить. У тебя разнополые дети в одной комнате живут, бачок в туалете протекает, мебель вот-вот развалится и вообще...

XI

С немцами пришлось клуб содействия культуре организовать. Опять же Устав, договор на совместную деятельность, двадцать тысяч Свистунчуку (колбаса уже под восемьсот рубчиков тянула), информации в газетах. И не только - на презентацию замахнулись, телевидение пригласили. А чего стесняться. Дело знакомое, с «Интерпахом» апробированное. Сослуживцы помалкивают, потому как все на контрактную основу переведены. Несколько человек, в том числе и главбух, чересчур арендой заинтересовавшиеся, в газете уже давно не работали.

На очереди еще два претендента. Но этих предварительно нейтрализовать надо (много знают), а потом и спровадить подобру-поздорову. По этой части Иванна Валентиновна - непревзойденный мастер. Можно сказать, прирожденный актер и режиссер в одном лице...

А старуха-сотрудница все ходит и в приемной в уголочке сидит. Бархатного от одного ее вида - с души воротит. Прозрачная такая старушка, усохшая, в черном берете и с черным редикюльчиком. Нафталином от нее пахнет, вчерашним днем, пережитками застойными... Но приходится терпеть.

XII

- Но как же, Сашенька, пятнадцать? - удивилась Иванна Валентиновна. - Вы же про двадцать тысяч долларов говорили...

- Мы не смогли выполнить все их условия, - раздраженно ответил Бархатный, поправляя новомодный широкий галстук.

- Какие условия, Сашенька? Помещение мы им предоставили, документы оформили...

- Но мы ограничиваем их в рекламе. Они считают, что из-за этого несут большие убытки.

- Даже так, - задумалась Иванна Валентиновна.

- Именно... Кстати, - оживился Александр Алексеевич, - помните, я как-то почти случайно акции приобрел? Еще в прошлом году... Так вот. Вдруг выясняется, что я богатый человек - выиграл довольно приличные дивиденды по этим акциям...

- Поздравляю, - упавшим голосом сказала Иванна Валентиновна. - Вы делаете успехи.

«Конечно, - грустно думала она в это время, - пяти тысяч не вернуть, но за оставшиеся пятнадцать надо побороться».

XIII

Осенью Бархатные новоселье отметили - въехали в хорошенькую трехкомнатную квартиру. Новую мебель купили. Приоделись сами и деток упаковали. На новогодние каникулы в Дом творчества отдохнуть всей семьей съездили, отвалив за это удовольствие без малого полста тысяч, и попотчевав коллектив во главе с Ивановой Валентиновной очередной байкой о случайном выигрыше. Так вот жизнь и покатилась - от выигрыша до выигрыша.

Самого Александра Алексеевича частенько стали встречать в валютных барах и на престижных презентациях - у богатых, говорят, свои причуды. Что-то там начала выигрывать и Иванна Валентиновна: не так крупно, конечно, но все-таки. Свистунчук с банальной вареной колбасы перешел на сырокопченую и баночное пиво.

В коллективе потихоньку роптали, но так, в нос, скорее для себя, для собственного удовольствия. В таких случаях Александр Алексеевич лично обходил всех тружеников газеты и со всеми по очереди говорил о том, как тяжело живет газета и каких усилий ему стоит сохранять ее выпуск для благодарных потомков. Что удивительно - ему все еще верят, а одна сотрудница чуть ли не со слезами на глазах благодарила его, как отца-благодетеля. Но что еще удивительнее - Бархатный ей тоже поверил.

Старушка, царство ей небесное, тихо-мирно померла. Два строптивых кадра наконец были полностью нейтрализованы и уволены.

«Интерпах» и немецкая фирма «Генерал» неизбежно процветают, наращивают темпы товарооборотов, резонно опасаясь за исход демократии...

Кстати, газета совсем неплохая. И делают ее люди, ничего не смыслящие в приватизации.

БУХОВА ГОРОД ЗНАЕТ

I

Разваливая небо надвое, проваливаясь в его глубину, полоснуло по глазам жутковатым светом, а следом так рвануло - в ключья: у Бухова даже дух перехватило, словно бы кто ему поддых дал, в самые салазки засветил. А потом неимоверная тишина, сквозь которую не сразу прорезался изыбший стук дождевых капель о раскисшую землю. Еще немного погода из темноты вышелушился приглушенный разговор листьев: потянул утренний свежачок, сминая дрему деревьев, приглаживая космы состарившихся трав, напрочь расталкивая рваные ключья тумана по-над рекой. И Бухов понял - пора...

Свалив себя со скрипучей раскладушки, Петр Иванович неловко посунулся к бочке с водой и сладко взмыкнул, ожегшись ее стынью.

- Однако, - недовольно проворчал Бухов и озадаченно заглянул в самое нутро колодца, - скоро, пожалуй, и зазимок упадет. Пора бы и шланги сматывать, а то поморозить можно. Запросто.

Затем он пошел в дом, включил газ и поставил чайник. Пока брился, поспела и яичница. По радио привычно трепались о перестройке - Бухов внимательно слушал. Где-то на задах протягивала Ириска. Сосед Варфоломеевич еще спал, забыв с вечера выключить на веранде свет.

- Наматает, - одобрительно хмыкнул Бухов, пряча в дипломат бутылку самогона, три яблока и пачку сигарет. - Так ему и надо, - еще добавил он, выгоняя из-под навеса темно-коричневый «Москвич».

Дачный поселок еще спал. Встряхиваясь и зевая, оскальзываясь на мокро блестящей тропинке, прибрела Ириска и молча смотрела, как Бухов запирает ворота.

- Ну, собака, как дела? - усаживаясь в машину, бодро спросил Петр Иванович. - Скоро, однако, мерзнуть начнем?

Ириска лениво вильнула хвостом и молча потрусилась дальше.

II

После развода весь наличный состав вневедомственной охраны собрался на политинформацию. Бухов, звонивший из дежурки по телефону, смотрел на уныло плачущие стекла, поглаживал чисто выбритый подбородок, односложно отвечая своему абоненту.

- Иваныч, - заглянул в дежурку сержант, - все собрались, ждут...

- Понял, - кивнул ему Бухов.

- Уже пятнадцать минут сидим, - глянул на ручные часы сержант.

Бухов опустил трубку на рычаг.

- Перестройка и новое мышление, - бодро начал политинформацию Петр Иванович, - буквально пронизали все наше общество. Идет интенсивная подвижка умов и мы, служащие вневедомственной охраны, зорко стерегущие социалистическую собственность...

- Пенсию прибавят, Иваныч?

- А как же! - бодро откликнулся Бухов. - Пересматриваются сроки выслуги лет.

- А льготы будут? - не без смущения поинтересовался совсем юный ефрейтор. - В том смысле, что... В общем, как насчет квартир?

- Молодой еще, послужи! - раздраженно ответили ему.

- Так перестройка же? - тихо удивился ефрейтор, у которого верхняя губа накрывала нижнюю. - Я думал...

- Служить надо, а не думать, - перебил его Газнов и ефрейтор печально вздохнул, служить ему предстояло долго.

- Иваныч, ты сам-то на пенсию когда идешь?

- Хоть сейчас могу, - с удовольствием ответил Бухов. - Имею право...

- Когда мы окончательно перестроимся? - продолжали спрашивать его.

- Когда рак на горе свистнет, - ответил Газнов. - А рак свистнет, когда мясо в магазине по старым госценам будет лежать.

- В самом деле, Иваныч, десять лет уже перестраиваемся, а за дешевой колбасой все одно в Москву приходится ездить, - Пантихин выдул на Бухова блеклые пузыри глаз. - И за сыром, и за маслом сливочным...

- К конфетам не подступись, - сладко и грустно выдохнул ефрейтор.

- Прежде чем требовать, надо и самим слегка отдавать, - сразу на все вопросы твердо ответил Бухов. - А то в нас дух иждивенчества, однако, со времен Ивана Грозного сидит: дай, дай, дай! А ты вот сначала отдай, а потом - «дай» говори... Что вам перестройка, колхоз какой-нибудь, чтобы ее по частям растаскивать?

- Товарищ Бухов, - заглянул в двери дежурный, - там звонят уже в пятый раз.

- Кто? - одернул форменный китель Бухов.

- Да все разные кто-то...

- Бухова город знает, - серьезно сказал Газнов и все добродушно заулыбались, словно бы впервые разглядывая невысокого, ладно сбитого замполита, на небольшом лице которого особенно выделялся хитрый прищур маленьких, необычайно подвижных глаз.

- Сейчас буду, - коротко пообещал Бухов дежурному и вновь повернулся к личному составу. - Перестройка и демократия, вот главные рычаги нашего движения вперед. Как было отмечено в Указе Президента...

- Я помню, - часто помигал Пантихин, - коммунизм в середине восьмидесятых нам уже обещали... А теперь-то что говорят? Снова - вперед и выше! Это хорошо, конечно, да вот только спальный гарнитур моя жинка двадцать лет купить никак не может...

- Перестраиваться надо, Пантихин, а не ворчать, - подытожил Бухов, - активно перестраиваться, с огоньком...

III

- Ой, Витя приехал, - обрадовалась Бухову заправщица Тоня. - А я тебя вчера ждала.

- Вчера занят был... Ну, как вы тут?

- Нормально. Наше дело телячье - знай, заправляй автотранспорт.

- Понятно.

- Ты мне конфеты привез?

- Все по-уму: «Птичье молоко».

- Ну! - широкое, плоскватое лицо Тони расплылось в довольной улыбке. - Я на такое и не надеялась...

- К тебе сегодня мой человек подъедет, заправишь?

- Какой разговор, Витя! Только пусть попозже заглянет, к концу смены.

- Я знаю.

Своим чередом на заправку подходили машины. Тоня принимала талоны, накручивала диск и в широкие горловины грузового транспорта из емкостей переливалось горючее. Бухов внимательно наблюдал за ее работой. Вдруг оживился:

- Тонь, а ты не слишком?

- Чи-иво? - удивилась Тоня, грузно поворачиваясь к нему.- Ты же его на десять литров наказала, - Бухов кивнул на тощего белобрысого паренька, бегущего от будки заправщицы к своему грузовику.

- Дак он сразу триста берет, - небрежно отмахнулась Тоня. - Ему десять-то литров, что слону дробина.

Минут через пять Петр Иванович засобирился ехать.

- Накатишь? - коротко спросила Тоня.

- А как же! - так же коротко ответил Бухов.

Тоня достала из тумбочки початую бутылку «Перцовой» и два граненых стакана. Плеснув себе на два пальца, Бухову налила ровно

половину и вопросительно уставилась на него.

- Достаточно, - утвердил порцию Бухов.

- А что, Петь, - тяжело отдыхаясь, заговорила Тоня, - ты правда, что ли, на пенсию выходишь?

- Кто сказал? - от выпитого глаза Бухова смеялись, как бы съезжились, затем слегка выкатились из орбит и увлажненно заблестели.

- Спрашиваешь, - даже обиделась Тоня. - Бухова город знает...

IV

К обеду дорогу обветрило, тучи порасшибало на разные стороны и проглянуло хилое, сплющенное солнце, неторопко слизывающее влагу с покатых крыш овощехранилища. Вороны, черными наростами облепившие толстые ветви могучих тополей, пристально следили за тем, как два некорыстных мужика в серых от дождя телогрейках выкатывают металлический контейнер на колесиках с ворохом гнилой картошки. Мужики оставили контейнер, распрямились и в охотку смачно выматерились. Внимательно слушавшие вороны одобрительно каркнули, снялись на крыло и полетели к дальним тополям.

Расплескивая лужи, сияя отмытым под дождиком лобовым стеклом, подлетел темно-коричневый «Москвич». Мужики выжидательно-вопросительно-настороженно уставились на него.

- Привет! - бодро выскочил из «Москвичонка» Бухов.

- Здорово, если не шутишь, - ответил, видимо, старшой.

- А чего шутить-то? Картошка нужна...

- Вона, - кивнул за спину старшой, - полное хранилище.

- Мне лично нужно ей еще быть, - старшой ожесточенно а, - объяснил Бухов.

- А-а, другое дело... Там вон три мешка стоят, с утра еще на продажу отобрали - забирай.

Быстро загрузив мешки в багажник, выпили по большому стакану портвейна. Бухов достал из кармана карамельки.

- Маша у себя? - спросил Петр Иванович.

- Где прожевывал конфетку.

Бухов уже пошел к машине и вдруг вспомнил:

- А Василий-то где? Заболел?

- Ага, Иваныч, отболелся он...

- То есть? - Бухов задержал шаг.

- Помер Василий.

- Как?! - опешил Бухов. - Мы ведь полмесяца назад вместе выпивали...

- А он уже неделю, как там лежит... Отпил свое, бедолага. Жаль, конечно, хороший был мужик.

- Мы с ним в школе вместе учились, - сказал Бухов.

- Понятно, Иваныч, тебя весь город знает... Знает и уважает.

- Само собой, - твердо ответил Бухов, легко впрыгнул в автомобиль и покатил к следующему хранилищу под вывеской «Фрукты».

V

- Маш, это я.

- Вижу, что ты, а не Ванька с водокачки... Принес, что ли?

- А как же...

- Долларов за двадцать? - Маша, высокая, костлявая, без определенного возраста, подозрительно смотрела на Бухова.

- Обижаешь, Маша, - с достоинством ответил Бухов. Тридцать семь не хочешь?

- Да ну! - Маша оживилась, машинально бросив на счета тридцать семь рублей. - Импортные, что ли?

- Точно так, румынские... Вчера за ними в центральном давились часа полтора перед открытием.

- Покажь...

Бухов достал босоножки из дипломата. Маша мельком взглянула на них и тут же убрала в стол.

- Ну, и как?

- Чего спрашиваешь - годится... Апельсины будешь брать? Есть еще мандарины, но наши. Венгерские яблоки еще...

Когда фрукты ссыпали в большую коробку и перевязали, Маша спросила:

- Принимать будешь?

- Обязательно, - Бухов бодренько стоял перед Машей.

- У меня горлодер, - предупредила женщина.

- Годится...

Бухов «накатил» и хрумкнул яблоком. Маша выпила из того же стакана, аккуратно заткнула бутылку пробкой и придвинула накладные документы.

VI

- Меня в городе уважают, - говорил дома Бухов, за обе щеки уплетая гречку со свиными шкварками. - Я пятьдесят лет здесь прожил - меня все знают...

- Слышала уже, хватит, - равнодушно ответила жена Бухова, Нина Петровна, перемывая в раковине посуду. - Ты бы лучше землю в саду перекопал, на веранде прибрался... Холодильник дачный надо домой привезти.

- Будет сделано, - Бухов отвалился от стола и на мгновение крепко зажмурился. Было видно, что какая-то страшного напряжения мысль работает сейчас в его черепушке, кажется, не очень-то привычной к подобным усилиям. - Слышь, Нина, а ведь Васька Чемоданов отшагнул в сторону, - наконец сообщил он жене.

- Как отшагнул? - ничего не поняла Нина Петровна, за которой этот самый Васька долго и безуспешно ухаживал в молодости.

- А так - вперед ногами... Слышь, Нин, - Бухов засмеялся, от чего все его лицо сморщилось и покрылось частой сетью мелких морщин, - а ведь если бы не я, ты сейчас вдовой осталась бы.

- Ну, чего мелешь! - рассердилась Нина Петровна. - Налил-то шары опять, ничего не соображаешь: у тебя товарищ умер, а ты... Целыми днями пьешь, где-то болтаешься, смотри, как бы она, с косой, и до тебя не добралась раньше времени.

- Обижаешь, Нина, - нахмурился Бухов и выпятил грудь. - Я - государственный человек. Понимать надо.

- Это какой же ты государственный человек? - искренне удивилась жена.

- Я исполняю то, что не успевает делать государство - перераспределяю товары широкого потребления.

- Что, что? - опешила Нина Петровна.

- Задачу школьную помнишь? Из пункта А в пункт Б и так далее, - заметно оживился Бухов. - Вот и представь, что в пункте А навалом лежат, например, американские джинсы, а в пункте Б - китайский фарфор. Моя задача привезти джинсы из пункта А в пункт Б и наоборот...

- Довозишься, - неуверенно сказала Нина Петровна.

- Нет! - отрезал Бухов и встал из-за стола. - Все законно. Я все беру и отдаю по своей цене, по государственной... Спроси любого - тебе скажут.

- Петь, а зачем тебе это? Тебе своей работы не хватает?

- Здесь я всем нужен, без меня не обойтись... А замполит, Нина, это еще хуже, чем поп без прихода. Это такой нарост, который никому не нужен...

- Пе-е-тя, - вкрадчиво перебила Нина Петровна, - а у Сеньки совсем туфли прохудились. Ты бы посмотрел где, а?

- Требуется накатить, - холодно сказал Бухов.

- А без этого прям нельзя? - проворчала жена, однако, отпирая дверки холодильника и неосторожно звякая бутылкой «Столичной» по бутылке «Кетчупа».

- Ага, - заулыбался Бухов, - никак невозможно.

VII

- Вот нынче погоды какие стали, - ворчал сторож Самсонович в старом брезентовом дождевике с капюшоном и в резиновых сапогах, отпирая ворота дачного кооператива. - Ноне утром как трамбабахнет, думал, прямо скажу, опять какая авария, а то и того хуже... Давай, прокатывайся, - махнул он Бухову. - На дворе конец октября и, на тебе, - гром среди ясного неба. Отродясь такого не было... А они все рвут и рвут - то в Казахстане, то на островах где-то, вот и сорвалось все с законного места, стронулось к едрене бабушке... Да ты, мил человек, никак опять на автопилоте? - догадался наконец Самсоныч, видя, что «Москвич» не трогается с места. - Иваныч! - он постучал ржавым пальцем по стеклу. - Проезжай, говорю, мне тут мокнуть под дождем тоже не резон.

Петр Иванович мотнул головой, бессмысленно уставился на сторожа, громко икнул и вдруг вполне определенно поманил его пальцем к себе. Самсоныч склонился к приоткрытому окну и терпеливо подождал, пока Бухов собрался с силами сказать:

- Ты... Самсоныч... свечи... мотоциклу... просил?..

- Было дело, - покивал сторож, - унук мне теми свечами все уши прожужжал. Говорит, попроси у Бухова, он достанет, потому как Бухова усе в городе знают.

- Вот, - Бухов с усилием поднял палец. - Пятьдесят лет... на одном месте... Возьми... Самсоныч... Три тысячи... гони...

- Обязательно, Иваныч, всенепременно, - обрадовался сторож, забирая свечи. - Только вот оказия какая - денег при себе никогда не

имею. У старухи они все. Но завтра, Иваныч...

- Хорошо, - перебил Бухов, роняя голову на грудь. - Нальешь?

- Ты выпить желашь? - удивился сторож.

- А как же! - гордо икнул Бухов и даже не запнулся на этот раз.

- Побойся бога, Иваныч, ты ведь и так в свои ворота не въедешь.

- Это... мое... дело...

- Ну, изволь, - сторож пошел к себе в будку и вскоре вынес полный стакан мутной браги.

- Самсоныч... Бухова...город...знает...

Петр Иванович с усилием выставился в окно и Самсоныч не без труда влил в него бражку.

- Три...тысячи... с тебя...

«Москвич» взревел на высоких оборотах, сорвался с места и покотил, окутав Самсоныча синим облаком выхлопных газов.

- Ну и ну, - удивленно покачал головой сторож. - А вдруг автопилот откажет? Долго ли до беды...

VIII

Слякотно на земле, неуютно. Бесконечно длинны и одиноки российские ночи в октябре. Холодные дождевые капли плющатся о землю и вязкий этот звук еще усиливает непроглядность и сиротство ночи, у истоков которой, кажется, умерло все живое, кроме этого, тихо крадущегося на мягких, кошачьих лапах, мелкого и частого дождя. Но иногда на несколько мгновений стихает и он и тогда торжествующая, всепобедная тишина становится похожей на крик или стон тяжело и безнадежно больного человека. И как спасение, как пробуждение от кошмарного сна, - удар первой капли из водосточной трубы. А там уже вновь замозжило из небесных хлябей, и густой шорох пошел гулять по земле, тяжело и насадно прикорнувшей до мглистого рассвета...

Спит Бухов. Спит Самсонович. Белеют на столе две свечки к мотоциклу «Урал»...

БРОКЕРЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ. . .

I

Первая информация пришла глубокой ночью. Толик Ковров долго выбирался к звонку из-под ватного одеяла сна, а когда выбрался - охренел.

Гольй. В тапочках. На пырлах. Прошлепал он на кухню, подпиная ногой скручивающийся шнур телефона.

Лилька, кажется, не проснулась.

Губы, конечно, пересохли и потрескались, давление подскочило, но Толик пока держался на стуле.

- Давайте, - прохрипел он в трубку, - пишу.

- Значит так, - далеко, сонно и однообразно заговорила Галина Васильевна. - Один миллион пачек «Мальборо», как я вам уже сказала, пять тысяч тонн сахара, три миллиона банок говяжьей тушенки... Вы пишете?

- Пишу, пишу, - прошептал Толик, - а «Мальборо» почему?

- Сто двадцать рэ.

- Дороговато...

- Ищите дешевле.

- Понятно... Дальше?

- Спирт голландский, китайская ветчина, два вагона шоколада...

Толик писал уже без интереса: ему как встряло в голову это «Мальборо», так уже и не выходило.

Потом пошли цены, условия контрактов - в общем, обыкновенные брокерские детали. Толик все старательно записал.

- Галина Васильевна, - приступил он к главному разговору, - а партия сигарет живая?

- Живее не бывает, - обиженно ответила брокерша.

- Сто двадцать, это уже с вашим интересом?

- Да, мой сюда заложен.

- Самовывоз?

- Да.

- Посредников много?

- Мы с вами и еще один, Ахмедхан... Работать будете с ним.

- Понятно.

- Вы сигареты решили брать?

- Хочу попробовать, - осторожно ответил Толик.

- Там условия такие: семьдесят процентов можно безналом, тридцать рублей один нал и двадцать рублей второй. Заключаются два боковых договора по налу и только потом - основной... Партия берет-ся вся сразу...

- Значит, половину нельзя? - на всякий случай канючит Толик.

- Нет... Дробить партию никто не будет.

- Спасибо большое Галина Васильевна.

- Не за что. Найдете купца - звоните. Я вас выведу на Ахмедхана... Спокойной ночи.

II

Какая уж там ночь! Какой покой! Толик, словно оглушенный сидел за кухонным столом, а перед глазами так и прыгали красные пачки «Мальборо», прыгали и превращались в рубли.

«Значит так, - думал Толик. - Общая сумма - сто двадцать лимонов. Солидно. Вчера в киосках пачка стоила от ста пятидесяти до ста восьмидесяти деревянными. Конечно, для такого опта большой накрутки делать нельзя, но свою пятерку вполне можно набросить. И так - сто двадцать пять миллионов за всю партию... Сто двадцать пять лимонов!»

И тут Толик охренел вторично, потому как понял, что пять миллионов перепадает ему. Было от чего, честное слово. Раньше-то он миллионы только с космическим пространством связывал, да с Онасисами так всякими, а тут вдруг в крохатной кухоньке на Шаболовке вылепилось и необыкновенно раздулось что-то невероятно огромное и яркое, как солнце сразу после полудня на даче в Беливо.

Толик затаил дыхание и прислушался - Лилька спала. Хотелось тут же разбудить ее, поделиться негаданно-нежданно свалившимся на них богатством, но он вовремя одумался (жене рано утром на работу, аж на другой конец Белокаменной) и взялся за карандаш.

III

Нечего и говорить о том, что брокером Толик был начинающим. Всего месяц назад он сидел в проектном институте и жизнью своей был доволен. Худо-бедно оклад шел, с левых проектов чего-то там ка-

пало, Лилька машинописью подрабатывала, в общем, вполне хватало на пропитание, сигареты, кино и бутылку вина в воскресенье после бани. До девяносто первого года имелись кое-какие виды и на машину, а потом эта забота отпала сама собой... Правда, по телику все чаще стали показывать зажиточных людей, а то и вообще миллионеров, которые всякий раз неприятно удивляли Толика своей молодостью. Но был он человек незавидущий и потому у него это быстро проходило. Однако же, как выяснилось позже, след в душе все-таки оставляло...

Однажды к ним в гости приехал одноклассник с женой. Как водится, посидели за столом и повспоминали. Одноклассник как бы ненароком обмолвился, что занялся брокерским делом. Но - скромненько так, односложно: они и внимания-то на это не обратили. А пошли гостей провожать и видят, что одноклассник с женой садится в новенький «Форд» и пылит по двору так, что просто никакого шума.

Разинув рты, стояли они у своего подъезда, потом Лилька как бы самой себе сказала:

- А хуже его в школе только Вовка Притычкин учился, который сейчас в группе «Демократическая Россия» через день по телевизору выступает.

Это был приговор, поскольку сам Толик школу закончил с золотой медалью.

Одноклассник оказался щедрым другом: дал Толику наколки (адреса) верных и деловых людей, которые в течении месяца морочили ему голову то детским питанием, то сгущенным молоком. И вот, наконец-то, первый настоящий куш сам-собою вплывал в его руки.

Но самое замечательное все же было в том, что не далее как вчера к нему поступил заказ именно на сигареты «Мальборо».

IV

Толик сидел с карандашом на кухне, курил, предварительно распахнув форточку, и делил миллионы. Один у него сразу и бесповоротно уходил на машину и не какие-нибудь там «Жигули» или банальный «Москвич», а именно на «Форд». Как говорится - знай наших. За вторым миллионом маячило морское побережье, какой-то теплоход и острова с пальмами, а вместо родного и милого Лилькиного лица очень часто почему-то проскальзывали, как рекламные ролики в кино, чьи-то чрезвычайно соблазнительные смуглые мордуленции. Это - второй

миллион. За третьим миллионом угадывалась не то большая квартира, не то отдельный особняк - трудно было разглядеть. Что же касается четвертого и пятого - полный мрак. Хоть умри, а некуда было их девать - не на сберкнижку же нести, в самом деле. Так с карандашом в руке и миллионами в распухшей от забот голове Толик Ковров и заснул прямо за столом.

Проснувшись по будильнику в шесть часов утра Лилька, обнаружив на кухне голого мужа, пришла в некоторое замешательство, но поскольку время подпирало, очень быстро справилась с ним и отвела взмыкивающего со сна мужа в теплую постельку.

V

Утром Толик не без гордости позвонил покупателю.

- Виктор Васильевич? Доброе утро. Вас, кажется, «Мальборо» интересовало? - Толик полулежал на диване, босые ноги на журнальном столике между чашкой чая и пачкой сигарет «Прима». - Да, я могу вас порадовать - есть большая партия. Очень большая... Сколько? - Толик от счастья сбился на фальцет. - Миллион, дорогой Виктор Васильевич. Полный миллиончик у нас с вами в кармане.

- Да разве ж это большая партия? - прогудел в ответ Виктор Васильевич. - Я бы и три взял.

«Во живут! - внутренне ахнул Толик. - Для него что же, полмиллиарда рублей - раз плюнуть?»

- Какая цена? - между тем деловито спрашивал полумиллиардный Виктор Васильевич.

- Сто двадцать пять рублей пачка. Стопроцентная предоплата: семьдесят рублей безнала и три боковика, - на одном дыхании выпалил Толик и затаил дыхание от страха за собственные слова.

- Ну что же, - хмыкнул в трубку Виктор Васильевич, - не дешево и понакручено там у вас изрядно... Однако, поработать можно...

И в комнате запели соловьи, раздвинулись серые панельные стены и за ними ласково зарокотали волны, а полуголые нимфы колоннамы стали выходить из пены морской.

- Узнайте, Анатолий, на какую сумму они смогут дать мне накладные. Разумеется, чем больше - тем лучше. И какой у них самовывоз: разовый или можно в несколько приемов?

- Будет сделано! - радостно откликнулся Толик и, бросив трубку

на аппарат, минут пять бегал по комнате и кухне, не в силах остановиться от возбуждения.

А утро было ласковое такое, с поглядом солнца из-за штор и тихим скрежетом голубиных коготков по жестяным оконным сливам.

VI

- Ты вот что, дорогой, - с небольшим акцентом напористо говорил Ахмедхан по телефону, - ты там сразу скажи, чтобы они приезжали с боковиками. Пока не будет боковиков - товар им никто не покажет. Один боковик - тридцать рублей, второй - десять и третий - двадцать. Третий, это и наш с тобой.

Но Галина Васильевна говорила, что пачка стоит сто двадцать рублей?

- Это было вчера! - жестко оборвал Ахмедхан, - а сегодня сто тридцать и цены все время растут. Так что пусть потарапливаются.

- Хор-рошо...

Пять миллионов покачнулись и вместе с ними Толик: если третий боковик делить, то на сколько человек и что от него достанется лично Толику.

Ковров слегка увял, но что было делать? В конце концов пара лимонов должны ему выгореть. По крайней мере - машина у него в кармане. Другое дело, как на новую цену отреагирует Виктор Васильевич...

- Они что там, спекулянты долбаные, обожраться решили? - отреагировал Виктор Васильевич. - Полста лимонов боковых им мало показалось? Ну так и вообще без купца останутся.

- Я тут ни при чем, - робко вякнул Толик.

- Тут вообще никто ни при чем, а вся страна в спекулянтах ходит. Правительство - налогами спекулирует, предприниматели - недрами, купчишки новоявленные на продуктах наживаются, а мы с тобой - на сигаретах. Так что при чем и ни при чем - это ты оставь, - усмехнулся Виктор Васильевич. - Давай так, дорогой Анатолий: сто тридцать я даю, но вначале хочу посмотреть партию... Договорились?

VII

- Тут, понимаешь, такое дело получилось, - в ответ на согласие покупателя брать сигареты на новых условиях, заговорил Ахмедхан, - та партия сигарет уже ушла...

- Как - ушла?! - ахнул Толик и внутри у него все оборвалось. - Как она могла уйти, если мы договаривались...

- Что делать, Толик, что делать... Но мне должны сейчас позвонить по поводу другой партии. Правда, на нее нужен богатый купец, потому что там три миллиона пачек.

- Три миллиона! - ахнул Толик. - Но мой купец как раз и просит три миллиона.

- У него есть триста шестьдесят лимонов? - насторожился Ахмедхан.

- Раз просит... А что, эти сигареты дешевле?

- Разумеется: чем больше партия, тем она дешевле. Тут старая цена - сто двадцать деревянными. Но надо все уточнять. Жди моего звонка.

VIII

Примерно через час Виктор Васильевич позвонил сам:

- Анатолий, дорогой мой, ты где пропал? Мой шеф беспокоится, а ты молчишь.

- Я и сам жду звонка, - начал оправдываться Толик. - Дело в том, что та партия ушла, но на подходе новая, три миллиона пачек, как вы и просили. И цена подешевле - сто двадцать два рубля...

Толик вновь затаил дыхание в ожидании ответа и шесть лимонов собственной накрутки тревожно стучали в его грудную клетку.

- Значит, три миллиона? - задумчиво переспросил Виктор Васильевич. - Ну что же, надо переговорить с хозяином... Послушай, а ты хорошо знаешь этих продавцов?

Ахмедхана знал Толик с сегодняшнего дня, но не говорить же об этом.

- Конечно хорошо... Деловые, надежные ребята. У них вся Москва в кармане.

- Ну-ну, - прозвучало в ответ и связь кончилась, а минут через пятнадцать, которые Толик перемучал, а не прожил, Виктор Васильевич сказал: - Годится, мой юный друг. Какие у тебя там условия?

IX

- Условия? - переспросил Ахмедхан.

- Да...

- Ну, во-первых, стопроцентная предоплата, - как-то неуверенно начал объяснять Ахмедхан. - Но тут такое дело - всю сумму просят наליком.

- Как - наליком! Ведь это вагон денег, - опешил Толик.

- В том-то и дело... Правда, на подходе еще одна партия, поменьше, но там восемьдесят процентов безнала по перечислению...

Шесть миллионов поплыли и закачались в синем от дешевого курева воздухе. Толик убрал ноги с журнального столика и ощутил неприятную сухость во рту.

X

- Они просят стопроцентную предоплату наличными, - едва выговорил он в трубку Виктору Васильевичу. - Но у них есть другая партия.

- Послушай, Анатолий, - занервничал Виктор Васильевич, - а они не гоняют у тебя воздух?

- Как это?

- Ну нет у них ни хрена! Хочется, а не может. Кто-то обещает, а не дает. Другие - ближе. Такое бывает.

- Ну что вы, - вяло взбурлил Толик. - Мой школьный товарищ с ними работал и уже на «Форде» разъезжает.

- И что там за новая партия? - тяжело вздохнул Виктор Васильевич.

- Значит, условия у них такие...

XI

- Послушай, Толян! - кричала в трубку жена. - К тебе невозможно дозвониться. Ты слышишь меня?

- Да, слышу, - тупо ответил Толик.

- Я премию получила, - похвалилась Лиля, - купила кило вырезки и для тебя небольшой сюрприз... Ты что, не рад?

- Рад, конечно.

- Вечером отбивные сделаем и допьем ту бутылку, - слегка увяла голосом Лиля. - Только ты почисть мне картошки, хорошо?

- Хорошо, - ответил Толик, мучительно размышляя над тем, какую накрутку сделать в последней партии.

- До встречи, милый, жди меня.

- Ага, буду ждать, - Толик опустил трубку и тут же снова поднял ее - звонил Ахмедхан.

- Значит, записывай, - решительно заговорил он и Толик встряхнулся. - Полтора миллиона пачек. Семьдесят процентов безнала...

- Но ты говорил.

- Все меняется постоянно, до-ро-гой. Семьдесят процентов безнала, это сто пять лимонов, плюс двадцать лимонов один боковик, двадцать - второй, и два боковика по пять лимонов. Один из этих мы делим с тобой.

- Это сколько же народа выстроилось к сигаретам? - ахнул Толик.

- А ты как думал... Главное, чтобы сделка состоялась - всем хватит. Да, чуть не забыл, на этих сигаретах русскими буквами написано предупреждение Минздрава: «Курить - здоровью вредить». Имей это в виду.

- Хорошо.

- Ну, действуй. Я жду твоего звонка.

XII

«В конце концов пять лимонов на двоих - тоже неплохо, - думал Толик, накручивая номер телефона Виктора Васильевича. - Это и машина, и квартира, а отдыхать будем потом...»

- Хорошо, эту партию мы берем. Где и когда? - сухо вато спросил Виктор Васильевич.

- Все боковики должны быть упакованы в отдельные пачки, - начал объяснять Толик и в комнате снова запели соловьи. - Встречаемся через час у гостиницы «Москва» и едем по Хорошевскому шоссе. Там вы смотрите товар и отдаете боковики. После этого едем заключать договор.

- Понятно... Со мною будут свои люди - охрана.

- Конечно, - Толик почувствовал холодок между лопатками, впервые начиная понимать, что имеет дело с реальными миллионами. - А много их?

- На двух машинах... Люди, естественно, хорошо вооружены. Это я так, на всякий случай. Значит, встречаемся через час?

- Да... У гостиницы «Москва». Фу, черт! Чуть было не забыл - руки у Толика тряслись, - на сигаретах предупреждение Минздрава...

Виктор Васильевич подозрительно долго молчал.

- Мелкими буквами...

- Знаешь, засунь их себе в задницу вместе с буквами, - холодно сказал Виктор Васильевич и бросил трубку.

XIII

Вечером Толик лежал на диване и голову его остужал холодный компресс. Он тупо смотрел в телевизор, где шла очередная презентация очередного акционерного общества и мальчики с тугими щеками самодовольно смотрели прямо в глаза телезрителей. Они были удивительно спокойны, эти мальчики, спокойны и уверены в себе. Каждый из них, видимо, уже ездил на «Форде» и счета лимонам просто не знал.

С кухни наносило приятными запахами жареных отбивных, кухонного тепла и уюта.

- Вначале они эту премию хотели замылить, - громко рассказывала Лиля, - но мы подняли такой хай, что они не решились. В общем, получила я эти четыреста рублей и думаю: дай хоть раз в жизни шика-ну. Купила за двести пятьдесят рублей кило вырезки, а за сто пятьдесят...

В фартуке, с шестимесячной завивкой, в комнате появляется Лиля и радостно улыбается, глядя на распростертого мужа.

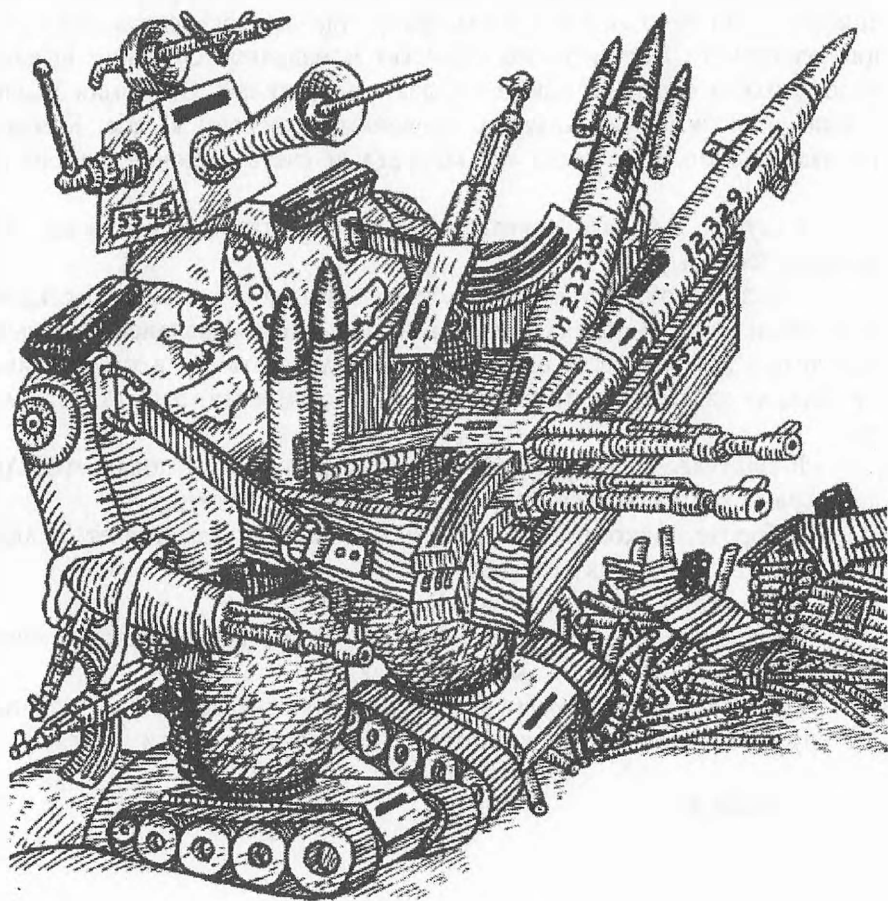
- Короче, шикавать, так шикавать! - и она протягивает Толику на вытянутой руке пачку сигарет.

- Что это? - едва разлепляет губы Толян.

- Как что - сигареты, - смеется Лилька и подсаживается у мужа на диван. - «Мальборо». Слышал про такие?

Она замирает и смотрит на мужа широко распахнутыми глазами: две крупные светлые слезинки катятся по запавшим щекам Толяна.

г. Фрайбург

ВЛАДИМИР ТУЧКОВ

ПЕСНЯ

Когда острожников с отрезанными языками после пятой начинает душить песня, зовут Степана. Тот, особенно не заламывая цену и сговорившись на двух стаканах, берет под мышку баян и, поскрипывая дощатым тротуаром, идет милосердным посланником.

Идти недалеко и недолго, но они уже красные от неизбывной натуги, почти уже готовые перерезать себе горло, чтобы вышло - хоть и без слов и мелодии - разрывающее изнутри раздолье. Степан входит, садится в центре комнаты на табурет, расстегивает на баяне кнопку, разводит меха, обводит взглядом застолье и:

- Из-за острова на стрежень... - вполтину пока еще свежего голоса и чувства, отдавая увечных живительным ветерком, как бы впрягаясь в баян поудобней и трогая с расчетом на дальнюю дорогу, - На простор речной волны, - долго прокатывая, словно бурливый речной порог, два «эр», сошедшихся в середине строки.

Немые, уже успокоившиеся, отошедшие от суетливого ужаса предсмертья, сидят, покачиваясь в такт мелодии, чуть слышно мычат, не сводя глаз с ловких пальцев, с вибрирующего во рту языка, с которым они, люди злые и безмерно отчаянные, не то что не обойдутся, как в свое время обошлись с их собственными, но и каждый из них умрет за него, если это вдруг потребуетя...

- Позади он слышит ропот, - все громче, все нарастая в чувстве, все больше вращая в то время, в те обычаи, все сильнее ощущая славу тех лет, доблесть и беспримерную душевную щедрость.

А немые острожники уже единой волной - головы, присобаченные прямо к плечам, поросшие шерстью плечи, туловища, обрешанные неструганым столом, - заходили. И мычание уже лишь на треть слабее степанова голоса. А к концу песни до воя дошло - низкого, морозного...

- ...на помин ее души. - И оборвалось, и перешло в топот, в удары кулаков по столу. Степан выпил первый стакан.

Отдышались и опять вбуравились в него сквозными глазами.

- Степь да степь кругом, путь далек лежит, - уже более высоким баритоном, от которого к щекам приливает бледность и сразу же хочется плакать по себе. Увечные сразу же вступили тихим подвыванием, из которого грозно торчали заиндевшие клинки несломленности. При словах «передай поклон родной матушке» один из них глухо ударился головой о стол, и из рассеченной брови потекла кровь.

Закончили и про степь. И тоже на пределе человеческих возможностей. Степан выпил второй стакан. И еще некоторое время наблюдал, как они постепенно заканчивали плакать, обниматься и бить друг друга по спинам огромными кулачищами. Все снова настроились. Но было ясно, что третью такую же они не сдюжат, что их сердца разорвут сами себя в клочья. Поэтому, подмигнув, начал разухабистые куплеты с припевом: «Опа, опа, жареные раки, приходи ко мне, чувак, я живу в бараке!»

Из холостых глоток вырвалось одобрительное: «Ы-Ы-Ы!» Повскакивали из-за стола, уже изрядно пьяные, затопали ногами, распетушились. Один попробовал вприсядку, тут же свалился, вскочил довольный и снова заколотил сапогами в пол. Пока еще не блевали, поэтому в общую радость включились сразу же, сломя голову...

Степан, как бы давая простор топочущему веселью, все ближе и ближе передвигался на табурете к выходу, чтобы, когда у них, как обычно, начнется поножовщина и ложемужство, выскочить вон и бежать со скоростью, максимально возможной для сорокалетнего человека, выпившего два стакана водки.

ОТРЯД

Когда отряд особого назначения проходит через село, поднимая множеством слаженных сапог июльскую пыль, взрослые глядят ему вслед почтительно-настороженно - вот и Санька-Петька-Колька

наш, небось, такой же подтянутый и серьезный. Девки красятся, а дети то побегут рядом, то смешно затопают сзади босыми ногами.

Да, отряд особого назначения выглядит впечатляюще. На марше он, словно проводимый перед трибунами статный рысак, - лишь глазом косит и прокатывает под лоснящейся шкурой мелкую пляжную рябь, весело искрящуюся под беззаботным солнцем. Но ударит колокол, и пойдет работать машина, рассекая свистящий воздух.

Вот и отряд особого назначения такой же. Пока не взлетят в воздух одна красная и две зеленых ракеты, - статично-монументальный с красивой латунной табличкой: «Мощность 500 000 киловатт».

Идет он по центральной дороге села - весь в шнурованных сапогах, в пятнистой форме. И все, что не тело человеческое (поджарое, рельефное, квадратно-гнездовое, хорошо смазанное и отриходованное), - все остальное металл, щетинящийся клинками, дулами, стволами, антеннами, лопастями, перископами, взрывателями и стрингерами, дредноутами и локаторами, кингстонами и ПТУРСами, НУРСами и ПВД, РАС и КДФ, ВПП и ТРД... Отряд особого назначения весь состоит из металла. И только приклады у них деревянные, чтобы память была о родной избе и о первом поцелуе, прижавшись к березе...

Отряд особого назначения идет основательно по азимуту и склону. Молча, но медные угадываются, ощущаются в плотном воздухе. Даже когда пасмурно, - все равно, - сверкая на солнце, проходит отряд особого назначения! Именно таким его вспомнят дети, вспомнят взрослые. Вспомнят и подумают: как там наш отряд особого назначения? Вспомнят именно в ту минуту, когда он уже будет в деле. И в конечном итоге израсходует половину металла.

А потом, когда трупы высохнут, отряд особого назначения сгребет их граблями и сметает высокий стог. И будет до самого вечера беззаботно плескаться в речке. Потом - каша, чай из котелка, вечерняя переключка. Сладок сон в июльском душистом стогу, когда над головой полное небо звезд. Кажется, протянешь руку и достанешь любую.

***Во время вьетнамской войны «Дейли Ньюс» описала необычайный эксцентричный способ самоубийства, к которому прибегнул один

американский десантник. Спрыгнув в составе отряда с транспортного самолета, он продел голову в заранее приготовленную и прикрепленную к парашюту петлю. После чего раскрыл парашют.

РЕКА

Одно дело, когда ее подают прямо к подъезду.

И совсем другое - долго ехать на поезде, сойти ночью, набум сорвав стоп-кран. И беспокойно вслушиваться: каких-нибудь крыльев или, может, кто тонуть начнет. И так до утра, то есть до часа, когда птичий крик и рев оленей из лесу не заткнет уши. И тогда уже идти к людям. «Где здесь у вас?» - с деланным негнушимися пальцами спокойствием, чтобы слишком не заломили. - «Тебе Сосьву что ль? Или Чую?» - «Да мне слова абсолютно безразличны! Где-то же хоть что-то есть?» - «Да на кой тебе? Если б знали, так чего ж утаивать». «Старики - те знали. Да все уже утопли...» «Нет, есть один - Митрич...» И это постепенно перерастает в целый день, в «Зинка, открой холера, знаем, что вчера всё не допили», в какие-то абсолютно бесполезные народные мудрости, в солнце, укоризненно клонящееся к закату, в придорожную охапку сена с поводом ночью слушать ухом направление подземных токов. А утром опять идти к другим, в другие места, с другими названиями, все в том же бесконечном безводном пространстве...

Так постепенно создается впечатление, что Реке не нужны люди, что им вполне достаточно водить пальцем по стеклу, прижиматься к нему разгоряченным лбом, в жаркий день любоваться рябью нагретых поверхностей... В конце концов есть таинство колодезного причащения... Простому смертному нельзя видеть Реку. Невозможно! Для его же блага! Ибо ослепнут глаза смертного от ее величия, от ее неизъяснимости, оглохнут уши смертного от ее молчания, отсохнет язык смертного от тщетности сказать что-нибудь о ее облике, или - какой день сказать, спросить, мутнея рассудком от нее, - когда еще ползали ящеры, она была, когда их еще не было, она была. Всегда была (что и требовалось доказать). И будет всегда (что является уже избыточным высказыванием, рассчитанным на совсем уж дебилов, которые рождаются

от испивших из Реки, разжижающей их рассудок вечностью. Но в них ничего не втекает, ничего не вытекает. Так и ходят зловонно-печальными болотцами, пересекая магнитные линии Земли, что порой наводит в них ток, которому некуда течь). Первое следствие всегда снимает самые пенки. (В пещере сумрачного черепа капнет капля - далеко слышно, как она и так, и этак, и о дно, и вспорхнет, и рикошетом от рикошета, пока не всхлипнет напоследок - день закончился. И это бы еще ничего, а то ведь бывает, что мужики в резиновых сапогах помпой откачивают мать-перемать где ключ двенадцать на семнадцать здесь был не брезгуй сука наклонись и по дну пошарь хомут подтекает...)

И мне абсолютно непонятно, как она еще может течь, после стольких крещений, набухшая человеческим первородным грехом. Но течет, все равно течет, перенасыщенная всем этим, взвалив все это на себя. Течет, мучаясь ночными кошмарами. Течет, боясь человека, сворачивая и уходя прочь, почуяв его приближение. И нет для тебя Реки.

Больше нет!

ВЕТРЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ С ВОДОЛАЗОМ

Ветер какой-то странный - волнами, словно у них там началась бескомпромиссная борьба добра и зла. То выворотит дуб с корнем, то опять на место поставит. Деревушку за рекой раз восемнадцать то разваливало по бревнышку, то снова в окнах загорались разноцветные огоньки телевизоров. Все это, конечно, крайне интересно, однако совершенно непонятно, за кем будет последний ход.

Но те, которые живут за рекой, судя по индифферентности, сей максимализм проявления к себе любви и ненависти, по-видимому, считают нормой жизни. Ибо, по их мнению, отклонением следует считать размытость этических критериев, недостаточную артикуляцию отношения к кому-то или чему-то, отчего возникает пагубная для души невнятица.

Поэтому те, которые живут за рекой, чуть что - за ружье либо за топор. Но для кореша последнюю рубаху снимут, подвернись им под руку в минуту любвиизъявления. Непременно уйдешь без рубахи.

Однако и те, которые живут здесь, примечательны в своем роде, который восходит явно не от приматов. И хоть на каждой руке по пять пальцев, а на ногах большой не противопоставлен четырем остальным, но праздничная их песнь располагает зажечь костер побольше и тыкать головешкой в обступающую темноту.

Истина, как всегда, находится посередине, где из речной пучины всплывают пузырьки от работающего водолаза, - то ли навинчивает гайку на болт, то ли рубит зубилом что-то железное. Его движения, по-видимому, медлительны от осознания себя на фоне вечности, а близость не опасна. Его дом - подводная лодка, а пища бесхитростна, как война.

Птицы шьют осеннюю стаю, гады, стукаясь о борта, ищут лунку, те, которые за рекой, видят все прямо, те, которые здесь, шепчутся по углам. И постепенно разрозненные буквы сливаются в: «О, Водолаз! Весной мы топили тебе юных дев. Летом топили тебе жарких жен. Осенью топим тебе увядших пенсионерок. Зимой будем тебе топить дряхлых старух. Не губи наш скот, не топчи посевы. Пошли плодородия и достатка. Сохрани от засухи и огня небесного! Не введи во искушение питейное!»

И всё. Других слов они не знают и знать не хотят. И стоит этот малый народец на берегу и трясется, как осиновый лист. На другом берегу стоит другой народец, отражает в глазах проплывающую мимо листву и шепчет свое: «То дождик постылый, // То птиц перелетных помет // В простертую длань небосвод // Роняет. Рожденный кобылой, // Не будешь уже кобелем. // Взойдешь над могилой, // Взойдешь ковылем».

И настолько все это понимает до слез случайного путника, к коему мы все и относимся, что дождь - в одну сторону, река - в другую, птицы - в третью, люди... Ну, а люди, точнее, из людей, как всегда, вышибается дробь высунувшейся из кареты шашкой.

ЛАРИСА ВАНЕЕВА

Два рассказа

Уловка концепции

«Иониды и Артемиды. Так называли(ют) тех женщин, орбиты которых вращались(ются) вокруг батюшек (в свое время вокруг св. Иоанна Кронштадтского, а теперь ныне здравствующего батюшки в Москве, часто выступающего по телевиденью)»... недавно прочла Филофеева А.Н. у кого-то, где-то в православном журнале, ради интереса выписала, занесла в карточку на букву «И».

...И тут вдруг свой полон! Филофеева А.Н. сидела на высоком табурете возле кухонной мойки, мирно играл транзистор, чистила овощи для салата и вдруг оказалась охвачена полем любви. Что это так чудесно все? Что это такое, отчего хочется плакать грешными слезами? Что так сладко в груди? И почему образ батюшки витает вокруг? Неужели он считает, что любить так небезопасно для здоровья?

На ближайшей службе прихожанка Филофеева старательно соединяла батюшку в поле любви с его матушкой и молилась, чтобы между всеми ними троими присутствовал Образ. По крайней мере мы бы Его (!) не забывали... молилась Филофеева. Батюшка говорил о пастве как о семье.

На следующей службе прихожанка Филофеева уже стояла насупленно как угрюмый и дерзкий подросток, который ответит грубостью, если к нему подойдут с ласкою. Она не подняла глаз на батюшку на елепомазании, когда батюшка коснулся ее лба ласковой кисточкой. Она не приложилась к его кроткой руке. Она сердито отошла от него, ощущая недозволенное разгорячение в сердце. Стук сердца достигал до висков. Батюшка как-будто тоже слегка пал духом... Отчего? Лицо его после службы было опустошенно-печальное. Тени бросились в лицо его, наложили усталый отпечаток на облик его... Отчего? Неужели, правда, Филофеева А.Н. ничего не придумывает, и то, что спустилось, когда она сидела на табурете... облако, поле... то, чем ее окутало... то, во что она окунулась... Короче, называемое любовью, напустил на нее действительно батюшка!

Иначе с чего бы ему так огорчаться, видя, как Филофеева А.Н. ему откровенно дерзит. «Я буду разговаривать с ним как сапожник», - думала прихожанка. Но к концу службы прихожанка Филофеева, видя батюшкино огорчение, слегка смягчилась к нему, еще более рассердясь на себя... И думала, что эти батюшкины шутки могут зайти в недозволенные области. Батюшка же стал беспокоен. «Возможно, он учит меня любви?» - тоже тревожно стала думать Филофеева. «А я не поддаюсь...»

На литургии батюшка говорил о любви среди паствы.

«Нет, это наваждение. Потому что если куда-нибудь уехать, сразу же о нем и забудешь! Матушка беспокойна, но она прелесть, о чем бы ей беспокоиться, жаль только, батюшка ведет себя как ребенок. Он и действительно бывает как дитя. Легко ему играть с любовью. Должно быть, она у него не опускается, причащается на каждой литургии, Господь держит его на плаву. А его прихожанок терзают искушения. А ладно бы действительно любила!» - думала Филофеева, опять сидя на высоком табурете у кухонной мойки за чисткой овощей. Нет, это какое-то внушение. Так и есть. Любовь, покуда она сидела у мойки на табуретке, возникла откуда-то без ее участия, а Филофеева А.Н. попалась! Батюшка, должно быть, и ведать не ведает... батюшка, должно

быть, думает ее таким образом раскатать... чтобы она знала, что есть любовь... И она не должна теперь допускать небрежения. Духом должна быть над плотью. Чтобы, как чистая и истинная христианка, шла бы по воде в молитве ко Господину и не опускалась на дно.

«А я тону, потому что у меня тщеславное воображение, - вынесла себе приговор Филофеева. - Оно поставляет мне сразу же всяческие иронические сюжеты. Оно у меня так приучено, меня так научил тот, кого я раньше любила. Смотреть на все с веселым презрением. Предполагаю, что должна заболеть.»

Лучше и не описывать неприятных симптомов болезни! Описывать страдания или жизнь животных - чуждо моему перу.

И поделом! Кстати, накануне прихожанка Филофеева набегалась по холодной воде на побережье - бегала по щиколотки, чтобы устать, столь приятной гладкости песок на почти пустом пляже, нашла защищенную от ветра скамейку, разлеглась, думая, что у нее тут юг, жарко на солнце... одновременно, будучи редактором издательства, правила чью-то рукопись, лежа на животе. Мимо пробегали. На морском побережье в такую погоду купаются чудачки-моржи, прогуливают собак и бегут бегуны, удивляющиеся себе и воздуху широкою и обнаженною грудью.

«Вообще лучше присутствовать в себе в районе груди. Здесь наше «я», вовсе не в голове», - ленивым взглядом провожала бегущих Филофеева, пытаюсь отредактировать местонахождение своего «я».

На пляже она еще немного покачалась на качелях, откинувши голову, чтобы видеть небо и слышать шум волн, залезла на перекладину, поподтягиваясь в меру своих возможностей, повисела на шведской стенке вниз головой, почувствовала, что и старушкой будет забывать, что не девочка, и отправилась, отдохнувши, домой, забросив рукопись, пересыпанную крупинками кварца, на заднее сиденье, доехав до дома на темно-синем подержанном BMW за семь минут, ни разу не вспомнив о батюшке. Нарочно напрочь его забыв.

Батюшка обвинял прихожан, не желающих участвовать в общей жизни одной семьи прихода, в эгоизме. Прихожанка

Филофеева внимательно слушала, повинно опустив голову. «Я боюсь слишком долго на него смотреть, когда он проповедует, потому что кажется, что прихожане могут заметить, что я как-то не так на него смотрю. Глупо, я ничего к нему не чувствую, - думала Филофеева, внимая. - Откровенно говоря, уже разонравился. Даже надоел его голос, что так чарующе лился поначалу. Вот что, - не сделала ли я глупость, когда беспечно говорила себе и другим, что у нас замечательный батюшка, у него прекрасная интеллигентная внешность, мягчайший голос, он может говорить великолепно. Не надо было замечать батюшку сразу же - вот что!.. в церковь ходим ко Господу, а не к батюшкам. И потому то, что раньше нравилось, теперь приходится наоборот... Не нравился бы раньше, не оценивала бы, не было бы и сейчас!»

Батюшка, знай, твердит свое. Теперь кто не любит, значит эгоист. Семья, настоящая духовная семья, с точки зрения батюшки, такой же подвиг, как монашество. Понятное дело, батюшка служит через Бога целой пастве, он слуга своей пастве, он взял на себя тяготы своей паствы, пытаюсь приблизить ее к Богу, и он перед Ним за нее в ответе. Тяжело ему, когда некоторые члены его семьи находятся в разброде и постоянной борьбе с собой.

Больше всего Анне Неофитовне нравится теперь сидеть в одной из комнат на диване под пледом (а еще лучше лежать) и творить молитву. Когда что-то получается, то есть когда любовь возникает в ее холодной пустой груди, а муж ее не отвлекает своими бесконечными разговорами, то потом на следующий день, когда опять нет, она уже не хочет вообще ничего делать - ни сидеть за столом и редактировать чужие рукописи, пользуясь многочисленными словарями, энциклопедиями и прочим справочным материалом, ни рисовать для удовольствия и небольшого денежного вознаграждения, ни хлопотать по хозяйству, ни встречать гостей, ни ходить в церковь, потому что там получается теперь хуже из-за влюбленности в батюшку. Совершенно невозможно идти к нему на исповедь и говорить, что впала в блудные ощущения, потому что это будет только полуправдой, потому что часть этих ощущений составляет любовь, пущенная или пришедшая неизвестно откуда. К

тому же, как знать, не навредит ли прихожанка Филофеева на исповеди самому батюшке, если он догадается, из-за кого. А если не догадается, то огорчится. Батюшка как дитя.

Но детям не дают спичек. Странно, что прихожанка Филофеева чувствует себя старше батюшки, хотя они ровесники и он ее умней.

Единственное, что Филофеева А.Н. делает не без охоты, это сидит на кухонном табурете и закармливает мужа салатами из овощей. Муж доволен.

Оттого, что Филофеева не идет на исповедь, причащается она совсем редко. И ей все трудней.

Совсем никаких шансов, если взять межличностные отношения. Тот же батюшка женат на матушке, и если разведется, лишится сана, если лишится сана, уж и не знает прихожанка Филофеева, чего хуже этого ей еще выдумать. К тому же она совершенно не хочет замуж за батюшку. Я вообще тут ни при чем, размышляет Филофеева ночами. Что-то происходит помимо меня и моей воли. И это прискорбно. И одновременно интересно, конечно. Жаль менять приход. Все-таки, действительно, вторая семья. И она любит батюшку именно как посредника между ними и Господом, а не просто как какого-то там человека без сана.

Зачем ходить в церковь? Лучше сидеть дома, творить молитву. Но без причащения не спастись. Значит, так надо умудриться и постараться любить батюшку, как частицу христианской семьи, и в то же время его не любить. При этом любить его как всю паству, не выделяя. Но ко всей пастве прихожанка Филофеева А.Н. равнодушна...

Прихожанка Филофеева выбирает уединенный угол за массивной колонной, чтобы стоять там носом к стенке.

Батюшку видит только тогда, когда он обходит храм с каждением. Это ничего, это терпимо. Быстрые шаги, на которые Филофеева не поднимает глаз, пользуясь смиренностью поклона. Прихожанка Филофеева как бы слепа и глуха, кланяясь. Что подумает о ней батюшка - его дело. Зато запах ладана она вдыхает

в полноту легких, стараясь удержать его в себе. Он к бабушке не имеет отношения. Бабушка несет его как олимпийский огонь, ладаном вытесняя из нее нечто, отчего становится свободнее, будто напряженно она подходит к реке, а потом быстро, освобожденно плывет в плотной среде, берущей тяжесть ее тела. Прихожанка Филофеева видит, как в ее сторону от свечей переступает на больных ногах больная Анна. Несколько саженей ее движения она видит по-новому, будто в несказанно чудесной глубине, откуда чужая старуха плывет самым любимым и близким человеком. Стоя на месте, прихожанка Филофеева всей душой рвется родному человеку навстречу, изумленная «глубинам Божиим», в которых только и можно по-настоящему встретить друг друга и любить.

В зале ожидания

Ночная электричка грохочет, проскакивает станции, вагоны расшатанно болтаются. Народ в ней усталый, позевывающий, с ведрами и корзинами, с набитыми дачно-огородной продукцией сумками-тележками, с кустами саженцев для затрашного городского рынка и роскошными букетами, свисающими с решетчатых полок над окнами, за которыми темь, перламутровые бледные губы фонарей, россыпь огней большого города, в нутро которого въезжает пригородный поезд вот уже тридцать минут, если считать от мелькнувшей над головами окружной кольцевой.

Уже давно припомнились и рассказали все несчастные случаи и трагические гибели нынешнего сезона, за разговором и не заметили, как отмахали от Абрамцева до Мытищ. Соседи по дачному поселку г-жа Крупнова и г-н Пусиков примолкли и посидели молча.

- Я как-то тоже так возвращался в два часа ночи электричкой,

- припомнил г-н Пусиков, - а меня собаки покусали. Обступили шавки. Сорок дней потом на больничном был.

Г-жа Крупнова обрадовалась прервать затянувшееся молчание найденной темой:

- Меня в детстве тоже кусали собаки... - И долго распространялась, пока г-н Пусиков подгмыкивал, и пока тема не иссякла.

Опять замолчали. Теперь пришел черед обсудить телевизионные сериалы.

- Главное, - горячился г-н Пусиков, набросившись кровожадно на гору просмотренных серий и расшвыривая их в своем воображении, - герои и артисты исполняют все, ненавижу его волосы! - он закатился смехом в короткой паузе.

Г-жа Крупнова за стуком встречного товарняка не поняла половину, но поленилась спросить.

- Нет, что это? А-а, Северянин проехали... Яуза. Думала, уж приехали, - всмотревшись в мрак за окном, она перечислила оставшиеся остановки до Москвы. И опять зависла пауза...

Что-то вспомнив и со вкусом набрав воздуха,

г-жа Крупнова причмокнула, чтобы начать говорить, как г-н Пусиков перебил:

- Однажды возвращался с Казанского вокзала электричкой, ага, на электричку сел, заснул и долетел аж до этой, до Малаховки, обратно сел...

- Ох, и у меня, - пожаловалась г-жа Крупнова, - такая скрученность мышц, такая боль в руках, как физически на даче поработаю, прямо хоть волком вой.

Г-н Пусиков громко, вслух, раскатисто зевнул, покатав звук «ы» вверху гортани, крикнул:

- Да, - сказал он довольно. - Доехали!

Они вышли на перрон и торопливо зашагали с толпой. Г-жа Крупнова аккуратно обвела колесиками тяжелой сумки раздавленную тушку крысы и, хотя и покосилась на ее кишки с грязью, не посетовала и не поморщилась. Она спешила в хорошо освещенное, пустоватое по позднему времени, но все же относительно безопасное даже к полуночи метро.

Г-н Пусиков решил перейти подземным туннелем площадь и добраться до своего микрорайона электричкой с Казанского вокзала. От железнодорожной станции ему сподручнее пешком, тогда как от метро добираться трамваем, а стало быть, метро плюс трамвай - дороже на две тысячи. По казанской ветке г-н Пусиков катался бесплатно, используя проездной билет ярославской дороги, по которой ездил на дачу. Контролеров интересовало одно: не просрочены ли даты, некогда им названия станций читать... На две же тысячи можно купить буханку хлеба. Г-н Пусиков, в прошлой жизни любивший закатить приятелям пир, теперь трясся над каждой корочкой.

Г-н Пусиков имел хорошую дачу, но к современным воругам не принадлежал. Свою дачу он построил на старое разбазаривание государства. Г-н Пусиков с ненавистью относился к тем, кто без всякой идеологии, в айн момент научился грабить народ. Почти физически г-н Пусиков повсюду в новой реальности ощущал дыры для отсоса народных денежек, начиная от лавочников и кончая мычащими аббревиатурами. Словно все свои прошлые годы доки грабежа только тем и занимались, что играли в игру «монополию» и учились, учились, учились...

Ну, прохвосты, ну, ловкачи! Г-н Пусиков будто себя стеснялся, прикрываясь фиговым листком, осторожничал, раскачивался, приглядывался, принюхивался, недоумевал. Его холка покрывается зябкими мурашками, поднимается колючими волосками страха. Кто-то взял его за шкирку, подвесил, он засучил ножками на весу... Нет-нет-нет, жизнь дороже, не решался г-н Пусиков все стремное десятилетие, пока не понял, что мир уже поделен, и никто его, г-на Пусикова, больше не будет ждать.

Мало того, последнее сквозь их лавки-дыры проедает!

С болотистого цвета рюкзачком за спиной г-н Пусиков ходко преодолевал многолюдные привокзальные пространства. Несмотря на поздний час, все еще подторговывали продуктами с рук бабушки. И чем они только ни торговали - от наборов конфет до кефира и водки, чтобы наскрести к пенсии на молочко! Ах, упорные ходили слухи о ядах, подсыпанных в продукты за награждение в долларах! Может быть, так новая реальность

претворялась в миф, но отчего же больница отравленными забита, в чем г-н Пусиков убедился, навещая жену Галю? Сторонясь разбойных оборванцев, на ходу г-н Пусиков примечал личностей женского пола, торгующих своим телом. Растрепаны прически на забубенных головах, ввалились некогда прекрасные очи, потрескались губы от водки и мата. От одного вида этих привокзальных амазонок г-н Пусиков переставал чувствовать себя мужчиной. Не мужчина он, а некто, перебегающий с рюкзачком. Вроде хомячка. Они же, как на грех, к нему липли в то самое время, когда дома лежит больная Галя, которую на днях привезли умирать... Вспомнив про жену, г-н Пусиков прибавил шагу, надо побыстрее миновать яркие витрины киосков, возле которых стоят пьянчужки, выжидая... Но не выдержал. Нашарив по карманам, купил бутылку пива и под оглушающий американский шлягер над головой - каждый киоск одновременно предлагал свой репертуар - приложился к горлышку, не допил, а отдал такой вот, молодой еще, бедолаге остаток, пузырящийся в рекламных огнях синекрасно-желтой радугой, на что девка сказала:

- Спасибо, дядя, - и прыснула, закрыв рукой щербатый, с выбитыми передними резцами, черный рот. Г-н Пусиков в ужасе замахал на нее, чтобы ни в коем случае не продолжала. Обтер усы рукавом и почапал, вскинув рюкзачок. Но не успел пересечь знаменитую плешку трех вокзалов, чтобы спуститься в подземный переход под площадь к Казанскому, как был остановлен группой, похрустывающей и поскрипывающей дорогой кожаной амуницией и сапогами. «Переодетый омон, новая группа порядка?» - подумал отчего-то г-н Пусиков. А вот отчего. Рожи у всех благополучные, не дикие, не восточные, говорят без акцента и в приказном порядке:

- Скидай, - говорят.

- Чего? - не понял г-н Пусиков.

- Сымай, деда, торбу свою, - пояснили ему. - Чего у тебя там?

И пока в г-не Пусикове поднималась изнутри ерепеня, мы оставим его на время.

Г-жа Крупнова спустилась в метро, придерживая сумку на каждой ступени, благополучно миновала пропускные автоматы и,

проволочив за собой колеса до ступенек, ведущих вверх, остановилась, как и всегда, делая в таких вот случаях, поджидая доброхота, который одним махом ей поможет с тяжестью. Обычно, если вызывалась помочь женщина, они обе, взявшись за ручку, долго затаскивали сумку со ступеньки на ступеньку, потому г-жа Крупнова предпочитала brutальных молодых мужчин, которые на вытянутой руке, на одном мизинце, могли перенести ее поклажу наверх и там оставить, не дожидаясь запыхавшуюся с благодарностями «мать».

Г-жа Крупнова... ну, что г-жа Крупнова... она как-то приспособилась постепенно после шоков. Муж, правда, не выдержал, стал срываться, кричать, устраивать истерики и ушел к богатой. Г-жа Крупнова, сердечница, тяжело поболела. Но поправилась, ничего, выкарабкалась, однако потеряла работу. Дача спасала. Натуральное хозяйство. Г-жа Крупнова заслонилась от всего света и углубилась в маленькие радости. Дети, внук, плоды, цветы, пенсия за выслугу лет, бесплатные телевизионные сериалы. После болезни стала подумывать и о Боге.

Ждать у ступенек не пришлось. Дохнуло ветром, состоящим из вкусного табачного дыма и запаха туалетной воды, и ее сумка была подхвачена белой сильной рукой в светлом рукаве.

- Разрешите помочь?

Не дожидаясь ответа, молодой человек в длинном распахнутом пальто, - перед г-жой Крупновой мелькнул конец элегантного красного галстука с вензелем «Кристиан Диор», - на одном дыхании вознес поклажу наверх. По-видимому, из-за торопливости он перешагивал через две ступени и не поставил сумку на виду, а прокатил машинально дальше. Г-жа Крупнова, вырвавшись в безлюдный округлый зал, сумки, однако, своей не обнаружила. Не было вообще никого и ничего, кроме сонной продавщицы дорогих цветов, настолько дорогих, что букет их равнялся пенсии г-жи Крупновой, что еще более удаляло ее от мира, который целиком и полностью переходил в предназначение таким вот любезным элегантным молодым мужчинам и их женщинам в черных нарядах.

И мы оставим пока г-жу Крупнову, а поспешим к растерявшемуся г-ну Пусикову, которому мы, право же, в силах помочь. По крайней мере, на бумаге.

Противоположная ерепене постыдная слабость опускалась в босые пятки в кроссовках. Г-н Пусиков боролся с двумя в себе противоположностями, захлебываясь взглядом в поисках защиты. Ему помогли снять рюкзак, шепнули не пискнуть, звякнули банками о бровку тротуара и, склонившись, несуетливо и быстро подцепили кинжалом и с оттяжкой поотрезали рюкзачные лямки и шнур, которым он был затянут.

- Да что же это делаете, ребята? - сказал г-н Пусиков, беспомощно глядя, как ребята деловито перекаладывают себе по сумкам сливу, распихивают антоновку по курткам и рассматривают банки:

- Чего это у тебя, отец?

- Да варенье это, варенье малиновое. И грибы. Зачем они вам, ребята?

- Ничего, отец, сойдет.

- Спасибо тебе, отец! - похлопал по плечу г-на Пусикова один из них и пнул то, что еще оставалось в рюкзаке. Две антоновки выкатились на асфальт и заскакали по ступенькам к переходу.

Забыла сказать, что г-жа Крупнова везла большой букет гладиолусов с дачи, не хуже дорогих в метро. Внук г-жи Крупновой, юный пианист, подавал не слишком большие надежды, - а чем меньше надежд, тем больше букет для преподавателей. Длинными тугими стеблями букет здорово мешал преследовать светлое пальто.

Эскалаторов два - справа на кольцевую и слева на радиальную. Г-жа Крупнова выкрикнула в сторону продавщицы:

- Куда?

Как та сразу сообразила, кивнула в направлении кольцевой.

Напрасно г-жа Крупнова сбегала по движущимся ступеням. В глубоком низу уже исчезло светлое пальто, скрылось из загнутого коридора, когда г-жа Крупнова в него ступила. Пела скрипка

уличного музыканта, студента консерватории - раскрыт футляр с мятыми бумажками на темно-синей дешевой подкладке. Нищие с култышками из Афгана и Чечни спали на газетах. Пара девиц у колонн торговала бланками трудовых книжек, дипломов и паспортов... Молодого же человека ветром сдуло. Пилящий звук отъезжающего поезда метро донесся до г-жи Крупновой. Он не заглушил ее рыданий.

Г-жа Крупнова, право же, раскрыла рот как бегемот и, не стесняясь, завывала в мозаичный потолок эпохи сталинизма, который так любят фотографировать иностранцы.

И пока в милиции составляли протоколы, стало далеко за полночь, ничего уже не ходило... Насчет такси даже мысли не пришло - давно вычеркнуто такси из сознания. Г-н Пусиков и г-жа Крупнова попросили разрешения из милиции домой позвонить. Тут, на их беду, колду маленьких правонарушителей привезли - и нашим героям посоветовали позвонить из уличных таксофонов, чтобы не мешали радоваться скрытому развлечению стражей порядка.

Г-жа Крупнова могла бы и не звонить. Дочь с мужем живут отдельно. Но ей снова ехать с первой электричкой в Абрамцево. Как жаль мытой морковки, жальче, чем сумку на колесиках почему-то... Надо снова набрать продуктов на неделю. Встречала внука г-жа Крупнова из школы после полудня, потому, ничего, успеет. Снова морковь намыть, завернуть в промытый полиэтиленовый пакет, что сушится на прищепке, настричь ножницами зелени, подкопать свежей картошечки... Э-э, крыжовника-то теперь не поесть... Весь собрала, зная, как любит отщелкивать его мохнатые метелки внучок, - в кучку коричневатые метелки, сопя с фломастером над рисунком. Не прийти за внуком в школу нельзя, учительница одних их теперь не пускает, пропадают дети по дороге... И детсадовцев теперь запретили выводить на прогулки... Крадут.

Г-ну Пусикову звонить надо было непременно! Галя уже извелась. Г-н Пусиков стеснялся попросить у г-жи Крупновой жетон. А свои-то деньги пропил! Начнет Галя бредить, метаться в постели, если он не позвонит.

- Погодите, - сказала г-жа Крупнова, - может, поищем автомат, который сработает без жетона?

- А и правда, - неохотно подхватил г-н Пусиков, - что нам теперь делать-то еще...

Нашелся таксофон такой за углом «Булочной». Вот радости, что не потратились; жетон держался г-жой Крупновой на крайний случай, пустая трата могла нанести ее бюджету значительный урон.

- Как, на ваш взгляд, найдут преступников или не найдут?

Присвистнул г-н Пусиков:

- Они и не станут их искать. Пустяки. По сравнению с тем, чем им приходится сейчас заниматься.

- Зачем же акты?

- А так... для нашего с вами успокоения. Я дурак, не сообразил. Надо было плевать на все и сразу домой. А теперь вот... броди тут, среди этих... как пес бездомный, - сердился на себя г-н Пусиков.

Маленькая удача с телефоном ободрила их на то, чтобы поискать себе сидячее местечко, где бы скоротать ночь. У г-жи Крупновой ноги гудели, после пробежки в метро еще и как-то дергались в мышцах. Г-н Пусиков с тех пор, как дал маху на плешке, так ослабел в ногах, что волочил еле-еле, как-то шаркал ими точно бы позади себя.

На Ярославском вокзале им предложили заплатить по пять тысяч, чтобы пройти в зал ожидания к лавкам. Г-н Пусиков предъявил свой месячный проездной билет.

- Ишь, нашелся хитрец! - заорала средних лет контролерша, пропускавшая в зал по билетам дальнего следования. - Много вас таких!

Г-н Пусиков ей в ответ:

- Ты че орешь?

И нехорошо вступил в ругань, доказывая, что он, как пассажир электричек, тоже имеет право.

- Фу, за все отвел душу! - оправдывался перед г-жой Крупновой разъяренный г-н Пусиков, когда они ни с чем вышли в ночь.

На Ленинградском было красиво и пусто.

Видеоэкраны стен призывали сохранять природу. Г-н Пусиков и г-жа Крупнова разглядывали новый дизайн с тем же чувством, с каким окидывали восхищенным взглядом особняки по дачной дороге: мафия... И здесь жулье: взвинтили билеты до потолка, чтобы полировать себе мрамор, а о людях не подумали. Правда, красиво, так уж красиво! Ладно уж, если не самим пользоваться, то хотя бы побыть среди такой красоты...

Однако побыть можно было только стоя. Чтобы недолго. Сидячие места тоже перекрыты платным барьером. Качать права г-н Пусиков не стал, притихнув от западного величия, веющего от вокзала.

На улице за Ярославским в ряд скамьи. Кто-то на них в темноте шевелился. Даже горел костерок, разожженный косматыми личностями.

Направились было туда, как г-жа Крупнова отшатнулась:

- Не видите, разве, там табор!

- Беженцы, какой же табор...

- Все равно... шатер! Как они вот так... не понимаю...

- А чего понимать... поди, рады без ума, добрались, выбрались из своего пекла. Квартиры, все пропадает, бросают, лишь бы выбраться живьем...

Г-жа Крупнова невольно зябко придвинулась к г-ну Пусикову. Г-н Пусиков поддержал ее под локоток.

- Знаете, что! - вдруг воодушевился он. - Пойдемте на Казанский. Там еще эта... Расея-матушка наполовину.

Утро под куполами Казанского вокзала началось с чириканья воробьев, с полета еще с зимы прижившихся голубей. Словно бы на рассвете в зале ожидания с буфетных подносов сами собой просыпались оставшиеся с вечера крошки и голуби отмечали этот факт вместе с явлением зари горловым довольным урчанием.

Г-н Пусиков приоткрыл глаза. На его плече покоилась голова г-жи Крупновой, на его руках лежали белые и алые головки гладиолусов, их длинные стебли беспорядочно раскинулись на коленях у спящей. Один гладиолус свалился, г-н Пусиков сделал осторожную попытку, не разбудив соседку, его достать.

Г-жа Крупнова пошевелилась и сказала, не открывая глаз:

- А я мастер спорта... по бегу... была.

- Так и у меня разряд по боксу, - откликнулся г-н Пусиков.

- Был, - дополнила г-жа Крупнова, скаля крупные белые зубы.

Г-н Пусиков, г-жа Крупнова замолчали и довольно долго, не меняя позы, сидели молча, словно бы вновь заснув. В розовых тонах утра лицо г-жи Крупновой не выглядело утомленным, да и г-н Пусиков словно бы заметно отдохнул.

- Как хорошо... - наконец вымолвила г-жа Крупнова.

- Что?! - шепотом отозвался г-н Пусиков.

- Как хорошо я выспалась на вашем плече, - улыбаясь, с закрытыми глазами сказала г-жа Крупнова, - признаться, я давно так крепко не спала. Мне снилось, знаете что...

- Т-с-с, - сказал г-н Пусиков, потому что в этот момент он вспомнил свой собственный сон на краю Галиной могилы.

- Тс-с, - сказал почему-то сильно поумневший за ночь г-н Пусиков, - давайте-ка мы с вами помолчим. Об этом пока. Не надо. Нельзя.

РОМАН СОЛНЦЕВ

Сибирский размах

После работы Николай не стал заходить домой - сразу пошел на главную улицу города. Часы показывали семь вечера, а солнце по-прежнему висело над головой. Лето за полярным кругом светлое, но ледяное. Правда, и здесь, на площади, на склоне искусственного холма в горшках цвели желто-фиолетовые цветы, обозначив цифры: 20 мая. Завтра - его день рождения. Неля - в больнице, врачи просили не приходить, не беспокоить. Но жена вчера умоляла: купи что-нибудь себе, иначе грех. Вот и зашел Николай в универмаг.

Давно он не бывал здесь. И даже не сразу признал старый привычный магазин в два этажа, с унылыми выщербленными ступенями. ЦУМ теперь был весь как будто облит золоченым темным стеклом, внутри его и товары, и люди казались красивыми, какими-то не нашими. Да товары и в самом деле были наверняка все иностранные - в ярких пакетах, узелочках из прозрачной бумаги или в коробочках с прозрачными окошечками. Раньше в кино показывали про заграничную жизнь - так вот, теперь и здесь, в северном городе, стало похоже на далекую жизнь «проклятых буржуев».

«Что же купить?..» - прикидывал про себя Николай, обходя под тихую прелестную музыку прилавки. Лишь бы продавцы, красотки в синем, с тонкими руками и нерусским выражением на тонких лицах (и откуда такие взялись за 69 параллелью?) не обсмеяли. Надо было зайти домой, переодеться. Не то чтобы Николай Пырьев робок, как раз нет. Северянин не может быть робким. Но в дни, когда больна жена, когда в третий уж раз не получилось у них иметь ребенка, он как-то ослаб, хоть и, видит Бог, почти не пил в отсутствие Нели. Ослаб, обижался на все и вся... Не успел подбежать утром на автобус - расстроился до слез. Позавчера на шахте обещанного аванса не дали, - аж в глазах почернело, хотя зачем он сейчас, аванс? Неля пролежит в больнице еще с неделю, только це-

лее будут деньги. Если, конечно, первого июня зарплату за март и апрель точно выдадут, не обманут... Могут и обмануть...

Николай стоял перед отделом рубашек и нарочито сурово смотрел перед собой, чтобы не вздумали оскорбить. «Что ли, взять? Наверно, хватит?..»

- Сколько стоит? - Николай небрежно показал на серенькую сорочку с черным воротником.

- Сто пятьдесят, - был вежливый ответ.

«Тысяч?.. - сохраняя каменное лицо, уже про себя удивился Николай. - Ни хрена себе!»

- А она что?.. из чего?

- Хб.

- Хб? - переспросил Николай. И натужно засмеялся. - Б/у знаю. КПСС помню. А!.. хлопчабумажная... - Он иногда пытался остричь. Отошел, достал старое портмоне, пересчитал денежки. На рубашку-то хватало, а вот как до зарплаты дотянет? И Нелечке надо яблоч, соков... может, и особых лекарств - медсестра намекала...

А если первого опять надуют рабочих? С другой стороны, она просила. Горячей ручкой ухватила руку Николая, говорит: грех. Если бы сама была здорова, непременно купила бы. Тут уж суевение какое-то. Николай стоял минут тридцать, сомневаясь... Его толкали, он всем мешал. Наконец, сунул кошель в карман: «Нет, деньги еще пригодятся... обойдусь...»

Махнув кулаком, побрел домой. В полуторакомнатной квартире Пырьевых на первом этаже застоялась жара, дурно пахло из коридора, из подвала. Николай отворил обе форточки - они выходили прямо на улицу - и через минуту зеленый серный дым вполз внутрь жилья. Это работает комбинат, а ветра сегодня нет. «Как же быть? - подумал Николай про все еще не купленный себе подарок. - Обману, скажу - купил. А потом... что-нибудь придумаю».

Но обида стянула его сердце, как суровой ниткой обматывают и стягивают охотники копченное мясо... Закурил, лег на пол, на коврик - отсюда временами видно синее небо... Эх, взять бы жену да на юг. Была у Николая машина «Жигули» - «четверка», мечта любого северянина, купил на «материке», когда был в отпуску,

оставил у матери в гараже до лучших времен - украли на следующий же день, как улетел. Железную дверь гаража (сам ее варил и ставил) выломали, как фанерку. И хоть поселок небольшой, считай деревня, - не нашли... Николай с Нелей начали собирать деньги на покупку дома в теплых краях, поближе к югу, где-нибудь возле Минусинска... мать бы тоже из Лесного (это недалеко от Ярцева) туда забрали - да вот надо же, реформы... все деньги в сберкассе обратились в копейки.

Николай никогда не был жадным. Просили в долг - давал. И ему давали - знали, что отдаст. Это для него свято. Но ему не всегда возвращали... Есть мужики, с которыми Николай вот уж лет двенадцать в одной шахте колуается, тот полсотни должен... этот - червонец... Да какие это нынче деньги? Смешно. Но ведь когда-то они много значили! Государство обмануло - пес с ним. Но когда обманывает родня!.. Василий Васильич, брат Нели, как говорится, шурин, занял в восемьдесят девятом или девяностом году полторы тысячи... это сколько же могло быть сегодня? Миллиона два... даже больше... Как бы сейчас эти деньгигодились.

И, ладно бы, Василий этой весной хоть о сестре вспомнил, спросил, как она, что-то принес. Толстая у него кожа, и как будто все время в масле.

Николай обиделся, вскочил, надел клетчатый пиджак и поехал в гости к дорогому шурина. Старый облупленный автобус номер 1 будто поджидал Николая возле гастронома.

Василий Васильевич жил в Кимеркане, в поселке шахтеров, в трех километрах от города. Дома там длинные, неказистые, как бараки, но зато квартира у шурина - в четыре комнаты, летом прохладная, зимой теплая, с непрерывно идущей горячей водой (а у Николая - перебой, текут трубы).

Василий открыл дверь с радостным лицом и тут же увял:

- А, ты. - Он раздобыл еще больше, пузо лезло из тренировочных штанов с красными лампасами.

- Извини, - пасмурно буркнул Николай. - Надо бы поговорить.

- Понятно. - Это его вечное «понятно». Василий обернулся к своей жене, тоже толстой, с застывшей, - чтобы не морщить лицо, - улыбкой. - Мы минут на десять закроемся. Идем, Колян.

Мужчины прошли в маленькую комнатку, где на полу валя-

лись детские игрушки, стояли доска для глажки и пылесос.

- Садись, - кивнул Василий. - Выпьешь?

И Николай вдруг кивнул: «Легче будет говорить...»

- Понятно, - Василий принес полбутылки водки и хлеба с луком, налил в два стакана и чокнулся. - Слышал, Нелка в больнице... я звонил - говорят, еще неделя.

«Все-таки интересуется, узнавал...», - растрогался Николай и вылил в себя горькую мерзкую жидкость. - Значит, должен понять, что нам сейчас деньги очень будут нужны.»

Василий пить не стал, только пригубил.

- У меня печень, - объяснил он. - Я выпью, но не сразу. Но ради встречи выпью. - И замолчал.

Как же начать?.. Николаю вдруг стало стыдно. Наверное, если были бы деньги, Василий вернул бы без напоминания. Но у него дети, две девчонки растут... Если смотреть со стороны, Николаю куда легче - они с Нелкой бездетные... Но, с другой стороны, Василий, говорят, уже купил на далекой русской реке Клязьме дом... здесь нынче приобрел «Таврию», на шахту ездить - он бригадир в другой смене... Значит, деньги есть... а вернее, - были... правильно делает - вкладывает в недвижимость... и сейчас Николай рубля от него не получит. Встать бы, уйти? Шурин изобразит страшную обиду. Придется все же напомнить.

Два родственника долго молчали.

Глядя на Василия, жующего с хрустом лук, Николай отчего-то задумался вовсе о стороннем... на него иной раз находила такая блажь... Вот сидит брат Нели, человек очень, очень на нее похожий... и Николай, вспоминая, как он целовал Нелю, сейчас подумал: «А ведь я как бы целовал и Василия... эти немного кривые губы... и до чего же это мне сейчас неприятно!..» Никакой братской или даже дружеской близости между ними никогда не было. Василий внешне простодушен, как все толстяки, но zelo хитер... Еще слова не скажешь, а он мысли твои отгадал. Вот и сейчас, подождал, поерзал толстой задницей на стуле и сам заговорил:

- Тяжело стало жить, брат, - и этак доверительно моргнул. И показал головой на дверь. - У нее аллергия. Ты думаешь, здоровый румянец? Это кожа воспалена. Старшей дочке делали пробу

манту - красная. Младшая, Танька... почками страдает, а ведь еще одиннадцати нет. Блядская жизнь!.. А я помню, помню... должен тебе. Я отдам. Полторы, да?

И обида еще глубже сотрясла Николая.

- Ну, какие сейчас полторы?.. - пробормотал он. - В тысячи раз поднялись цены... Ну, это я так, - Николай смутился сам от своих слов. - Но уж никак не полторы, согласись.

Василий сидел, округлив глаза.

- Но я брал-то - полторы. Как сейчас помню, отложил тебе... на книжке на предьявителя лежали... а тут бах - не выдают... а потом, пожалуйста, - когда уже превратились в труху. А и отдал бы тебе - вместе с другими твоими превратились бы в труху. Ты же свои-то не спас. А у тебя куда больше было.

- Дело не в этом, - растерянно забубнил Николай. - Дело не в том, сколько я потерял по своей глупости... Я тебе дал полторы... тогда это были деньги... по нынешним ценам ты уж верни, шурин. Быть не может, чтобы ты их не использовал.

- Я использовал?! - засопел, обиделся Василий. - Это нас Гайдар использовал! Я тебе даже могу сейчас эту сберкнижку принести... там как раз полторы... где-то лежит. А почему не успел отдать?.. Вы тогда с Нелкой к матери в Ярцево уплыли... я тебе и не отдал. Мог прямо книжкой отдать, она ж на предьявителя. Тут не я - тут ты сам виноват... а главное, конечно, этот Аркадий... или как его, Гайдар. - Умел, умел говорить Василий, и под напором его слов Николай вовсе замолчал. Он только, морщась, прикидывал цены... Если раньше хлеб стоил двадцать копеек, то сейчас, допустим, две тысячи... Стало быть, цены не в тысячу раз взлетели - в десятки тысяч... И Василий должен ему не полтора миллиона, а пятнадцать. Но эти соображения Николай высказать не решился, да и не успел.

Отворилась дверь, вошла - словно тесто влилось - розовая в розовом, пышная жена Василия. Она держала в одной руке раскрашенный цветами поднос, на подносе - сияющее морозное сало из погребца (тут же вечная мерзлота), красно-зеленые парниковые помидоры, а в другой - кувшин с квасом.

- Чем ты его угощаешь? Не стыдно? Как Неля, Коля, скоро?

И Николаю стало совсем невмоготу. Стыдно. Он поднялся.

- Пойду я... - буркнул он. И посмотрел на Василия. - Ну, извини.

Но Василий просто так его не мог отпустить. Он умел добивать.

- Откуда у меня миллионы?! - Василий пояснил жене. - Присыл миллионы за ту тысячу.

- Миллионы?.. - Жена Василия как бы покачнулась и села на пуфик. - Батюшки! Придется все продавать... - И она оглядела квартиру. - Сколько миллионов?

- Понимаете... - вынужден был как-то объясниться Николай. - Я бы не напомнил... но опять авансу не дали... и мартовскую зарплату только сейчас обещают...

- А мне? - подал голос Василий. - Я что, в Москве живу?

Николай хотел напомнить, что Василий, как бригадир, с его горлом и кулаками получает в месяц все-таки около двух с половиной миллионов, в два раза больше, нежели Николай. Уж мог бы и отложить, и поделиться... Но Николай только смог выдать:

- Нам сейчас тяжело...

- Понятно. Им тяжело, - поддакнул шурин с невинным видом, но прозвучало это как самая ядовитая фраза. Дескать, мало ли, что Василию тяжело, всем другим на шахте, а вот Николаю особенно тяжело.

- Ладно, - вдруг озлился Николай. Он редко злился. - С тобой говорить... - он покосился на женщину, поменял предполагавшиеся слова, - все равно, что против ветра из газового пистолета... - И пошел к выходу.

- Да постой ты!.. - Жена Василия шустро догнала его, несмотря на свою внушительную комплекцию. - Возьми, жене помидор передашь?.. вот, брала дочери больной...

- Нет. - Николай обул ботинки, оставленные на коврике, кивнул и взялся за ручку двери.

- Ну, хочешь предметами отдадим? У нас пылесос новый... часы золотые, подарок со службы. - Она говорила все эти слова, прекрасно зная, что Николай ни за что не возьмет.

Николай хлопнул стальной дверью и выбежал на улицу. Листовницы распустили нежные свои метелки. Невесть откуда взявшаяся пчела опустилась на левое плечо Николая, что-то пропела и понеслась дальше.

- А я сам? - вдруг подумал Николай. - Я сам никому не должен? - Он шел пешком в город, все быстрее и быстрее. - По мелочи тоже кое-кому остался должен. Мы все друг другу должны. И государству. Потому что жили в долг. Разве не бахвалились, сколько кто получает, даже если смена простояла полдня? Бригадир, свой парень, напишет... А эти бесплатные санатории? Государство, чтобы мы не хрюкали, спаивало нас и кормило за наши небольшие труды... А сейчас забрало деньги обратно».

И Николаю стало все ясно. Холодно и ясно.

«Так что же теперь в России-матушке, всё с нуля?.. Выходит, так. Но недра-то, по слухам, уже пусты... угля осталось на пять-шесть лет... Куда город денут? Говорят, нефть ищут... а если ее нету? Куда народу идти? Опять же о нас теперь никто и думать не будет, кончилась сказка... должны сами, своим ходом... «самогоном», как говорят охотники на юге края?»

И пришел Николай домой, и упал, дожидаясь полуночи. И приснилось ему - идет по тундре с севера на юг колонна... нет, по всему миру движется толпа в сто миллионов русских... в руках - ружья, дубины... И где-то здесь Горбачев, Ельцин... Николай и Василий.

Проснулся - от грохота в дверь. Неужто с Нелей плохо? Послала сказать?..

- Кто?! - Подбежал, отворил.

- Кто-кто?.. Х.. в пальто!.. - Это был Василий. Веселый, румяный, в костюме, как шкаф, при галстукке. Неужто совесть проняла, долг принес? Когда человек решается на доброе дело, у нас поднимается настроение. - Да-да. Собрал копейку, решил вернуть. И заодно отметить возврат старого долга с сибирским размахом. Не веришь?

- Да, ладно... - смущенно замигал Николай. Все-таки шурин у него хороший человек. Но - и верил, и не верил.

- Вот, - Василий вынул из внутреннего кармана пиджака опоясанную крест-накрест пачку. - «Лимон». Была у меня заначка... Ладно, что нового Гайдара не нашлось на нее в этом году... Но вручу в кабаке, торжественно... после того, как выпьем, чтобы ты на меня не сердился...

... В ресторане «Золотые рога» им достался столик под по-

мостом эстрады, редела музыка, возле самых голов Николая и Василия переминались голые ножки певички возле микрофона.

- Дор-рё-гой длынною... - «Они что, певички, нынче все иностранные теперь?..» - Только и успел подумать Николай, как Василий заставил его выпить целый фужер коричневого коньяку (и сам выпил!), и в голове зазвенело, завертелось... Николай вспомнил, что сегодня не завтракал, не обедал... Но ему стало хорошо, на все наплевать... И долг принесли, и музыка вокруг... и все радостно смеются... Не так уж и плохо в стране. Жить можно.

Дальше он помнит плохо. Пили. Кажется, с какими-то тетками танцевали. Что-то кричал. Николай, когда шибко пьян, кричит, как в детстве, подражая то петуху, то жеребцу... Потом его, вроде бы, вырвало... но это было уже в туалете, среди белого кафеля...

Очнулся дома, один. Видно, Василий приволок ослабевшего родственника до кровати и уехал. Николай поймал левую руку правой и глянул на часы: шесть. Утро или вечер? На улице в небе сияло бессмертное северное солнце. Но народу нет. Утро. Да и не мог проспать Николай до следующего вечера.

Еле поднялся, умылся. Поискал по карманам деньги - Василий вроде приносил долг. Но денег не было нигде - ни в пиджаке, ни на столе, ни в столе. Поехал на работу. Во всем теле стучало, словно к рукам и ногам были примотаны будильники. Надо бы хоть пива выпить. Но если он опохмелится, то свалится. Перетерпеть.

Работать было тяжело, руки не держали перфоратора, словно это был не аппарат труда, а баран, увидевший нож. Впрочем, парни в бригаде понимающе кивали, им уже было известно, что вчера Николай с шурином погужевали в ресторане.

- По сколько дернули-то? - спросил кто-то.

Николай не помнил.

Когда поднялся на поверхность, ничего не видя перед собой, услышал зычный хохочущий окрик:

- Живой?! - к нему подходил, широко ослабившись, Василий. Видно, специально подкатил за Николаем на «Таврии». Все-таки заботился. Хорошо, когда есть родные люди. Наверное, сейчас и деньги отдаст. - Чё молчишь?

Николай, мокрый от пота, запаленно дыша, смотрел на шурина. Пробовал улыбаться, но не получилось.

- Здорово мы!.. Цыган помнишь?

«Каких цыган?!» Николай помотал головой. Он никаких цыган не помнил.

- Ну, садись, садись!.. - Василий отворил дверку машины, подождал, пока Николай, постанывая, не залезет внутрь. - Забыл, как тебе пели: «Коля, Коля, Коля... Коля, пей до дна?»

Что-то вроде вспоминалось. Василий уселся за руль и, газуя, завопил:

- Н-но, милая!.. А ты еще им деньги бросал в подол!..

- Да?.. - Николай потер небритое серое лицо. Машина рванула вперед. «Елки зеленые. Но миллион-то мы не тронули? А если и тронули, что-то же осталось?»

Василий глянул на него через зеркальце и, как бы понимая, о чем хочет спросить Николай, повернулся к нему и жарко прошептал в самое ухо:

- Все, бля, спустили... это кроме моих трехсот... Ты кричишь: давай и на мои!.. Ну, считай, полтора «лимона» убухали!

«Вот это да! - словно молотком стукнуло Николая по голове. - Вот это да!» Теперь дружки-шахтеры, увидев Николая, будут говорить: «Полтора миллиона спустили... Есть что вспомнить!» А вспомнить-то ничего не получалось. «А не врет ли Василий? - не глядя на шурина, стыдясь сам перед собой, подумал Николай. - Он-то, как огурчик. Может, на сотню-полторы быстро спойл и оттащил домой? А теперь не узнать... Ну, и черт с ним. Все равно бы не отдал. Сделаю вид, что поверил. И парни пусть думают, что так мы погуляли. Пусть удивляются. Опять же, если так, совесть Васю будет меньше мучить. И мне как-то меньше стыдно, нежели правду знать...»

Когда подкатили к дому Николая, Василий вынул из бардачка две толстенькие бутылки иностранного пива и подал.

- Иди, выпей и ложись. И мы с тобой завязали, хорэ? Я, конечно, со временем могу часть отдать... Твоих денег больше получилось... ну, завелись мужики... сибирский размах...

- Да, ладно уж... - пробормотал Николай, обхватив горлышки для верности, как ручки гранат.

Дома сбросил с ног ботинки, бережно откупорил благословенные сосуды, лег на неразобранную кровать и медленно, глядя на

синее небо, из горлышка выпил. Сначала одну бутылку, потом другую. Какое же это крепкое, горькое, прекрасное пиво! Блаженство стремительно, выстрелом, пронеслось по жилистому худому телу Николая, и он уснул...

Очнулся - часы показывали половину четвертого. Как всегда, первая страшная мысль: день или ночь? Бессмертное северное солнце висит в небе, но улица пуста. Ночь. Не мог, не мог Николай проспать до следующего вечера. А если и проспал до вечера - сегодня, кажется, суббота. Должна быть непременно суббота. А если вдруг и пятница, парни отметят, простят. Только надо будет их потом как-нибудь угостить.

Стены слепили. Задернуть гардины не было сил. В незакрытую форточку лился и лился сероводородный дух от работающего медеплавильного завода. Дышать нечем. Спичкой чиркнуть - не взорвется?

С трудом достал из брючного кармана спички, чиркнул - не взорвалось. Прикурил, лежа, и подумал: как жить? Как жить?

Включил телевизор. Оказывается, теперь и за полночь показывают. Выступали политики. Один, толстомордый, щерясь, говорил:

- Мы вернем деньги, которые потеряли русские люди, поверив всяким коммерческим структурам типа МММ... Голосуйте за нас!

- А если я в карты проиграл - тоже вернете? - спросил другой политик, тонкий, как жердь. И засмеялся.

- Ну, нельзя же путать божий дар с яичницей!

- А какая разница? И тут людям захотелось дешево заработать... Давайте, всем картежные проигрыши вернем... и кто в казино продулся... Это же тоже народ!

- Надо будет - все вернем! - чуть побагровев, отвечал толстяк. - Главное - голосуйте за нас.

- Во, блин!.. - восхищенно прошептал Николай. - Вот это мужики.

Уснул и снова проснулся. Было шесть. Почему-то вспомнил про мать... Ах, давно не заглядывал в почтовый ящик. Нет ли от нее весточки... Надел тапки, выглянул за дверь - в дырочках жестяного ящика что-то белело. Отпер - записка. Написана карандашом:

«Уважаемый Николай Иванович. Нелю Васильевну завтра в 13 ч. дня выпишут, просила встретить. Бывшая соседка по палате Нина.»

- Господи!.. Уж не вчера ли выписали?.. - Николай читал и перечитывал записку. - Нет, если бы вчера, она бы сама добралась... Значит, сегодня. Сегодня выпишут. Наверное, нехватка коек, решили выписать... Главное, отпускают.

Он вбежал в квартиру. Днем Нелечка будет здесь. А у него здесь такой разор, такая грязь. Трясущимися руками Николай принялся мыть пол, поскользнулся на линолеуме, упал, встал на колени... Вытер пыль под кроватью, поранив руку свесившейся ржавой пружиной... Потом полез сам под душ, вода шла холодная, надо бы подождать, пока стечет и подойдет горячая, но ничего... Кашляя, домылся и снова лег - сердце ухало, как ухаёт, забивая бетонный столб, молот.

Что-то он забыл... Да, купить пару килограмм яблок и цветы.

Где-то должны быть ЕГО деньги. Николай вспомнил, что позавчера, идя с Василием в ресторан, по привычке молодых еще лет спрятал НЗ - остававшиеся полторы сотни - в брючный задний карман. И сейчас он их достанет. Он тоже хитрый. В конце концов, глава семейства, думает не только о себе. Но сунув руку под себя, в задний кармашек, он ничего там не обнаружил. Пустота! Вскочил и стоя проверил - нету! Значит, бахвалясь, выбросил на стол в «Золотых рогах»! Дескать, и я плачу! Не привык, видите ли, чтобы за него платили. Ах, дур-рак, какой дурак!.. И Василий не остановил. Какая гнида, какая толстая гнида! А еще шурин...

Николай упал на кровать и расплакался, как пацан. Слава Богу, никого не было рядом. Что же делать?! Глянул на часы: семь. Может, соседи дадут займы. Николай как-то занимал - вернул.

Надев ботинки, свежую рубашку, вышел на лестничную площадку - и вспомнил, что не брит. Вернулся.

Стараясь не смотреть на себя в зеркало, с полчаса электробритвой сдирал наугад щетину с лица. Потом позвонил в дверь к соседям.

Открыл инженер Петров, сухой дядька в очках, в вечном свитере, несмотря на лето:

- Простите... А, Николай Иванович?

- Извините, не дадите до зарплаты на цветы... рублей... ну, пятьдесят-шестьдесят тысяч.

- На цветы?.. - Попов пронизательным, цепким взглядом оглядел Николая и вдруг улыбнулся. - Жена возвращается? Дело святое. - И вынес розовую купюру.

Растроганный Николай вернулся к себе и, сняв чистую рубашку, снова лег поспать. Он спал и не спал...

- Вот, - говорил он сам себе, - есть еще, есть на свете хорошие люди. Даже никакие не родственники. И он сегодня с цветами, как человек, встретит у ворот больницы свою бледную, милую жену и привезет домой сквозь эти ядовитые зеленые облака. И может быть, их с Нелей пощадит судьба, и все у них еще будет в жизни.

Об авторе
иллюстраций
к рассказу
"Сибирский
размах"

Рисунки Мими Златковского
я увидел впервые лет 15, а
то и 20 назад. Остроумный,
кронштейн, тонкий — так я
его охарактеризовал бы.
Широко негатился в совет-
ской и постсоветской прессе.
Сейчас судьба забросила
его в калифорнийские
края... Даст бог, журнал
"Остров" еще расскажет
о Михаиле Златковском.

В. Сысоев

ИВАНОВСКИЕ ПОЭТЫ

Игорь Жуков в местных масштабах играет такую же роль, как Дмитрий Александрович Пригов в Москве. Впрочем, и в столичной среде имя поэта известно: вошло в справочник, разъясняющий непосвященным, "кто есть кто" в современной русской поэзии. И.Жуков прорастает сквозь постмодернистскую ситуацию - и обещает стать поэтом мирового уровня (так! - мнение московского профессора, стиховеда Ю.Б.Орлицкого).

Дмитрий Шукуров одобрен "самим" авторитетным Жуковым (хотя последнему до "гробового входа" еще далеко, благословение "младой жизни", пожалуй, силы от того не теряет). "Замумная поэзия", собственно, со времен футуристических в адвокатах не нуждается; тем, кто подозревает надувательство, можно напомнить слова Пастернака о принципиально очковтирательской стихии искусства. "Замум" Шукурова не физиологическая (как у Крученых) и не только "психоделическая", отчасти она интеллектуального происхождения; между прочим, Д.Шукуров функционирует еще в качестве аспиранта; тема диссертации - творчество К.Вагинова.

В.Ломосков, с его легкостью, иронией, "инфантильной" игрой с разнообразными клише уравнивает поэтов с умопомрачительной фантазией, способной испугать рядового читателя. Витя нравится всем (хотя и не медный грош). Особенно дамам...

Ольга Шашенкова, видимо, принадлежит к ряду чутких поэтов, умеющих в "пугливой тишине" расслышать "звук осторожный и глухой", однако и то, что происходит "из головы", поэтесса не отбрасывает, относится с доверием, как к чему-то изначально постороннему-потустороннему. Сокращая строку до слова-впечатления, О.Шашенкова освобождает поля в пользу читательского творчества ad targetnet.

Четыре автора, пожалуй, достойны представлять молодую ивановскую поэзию (развивающуюся довольно бурно и разнообразно). Что-то их всех, безусловно, объединяет - иначе невозможен был бы поэтический вечер именно в таком составе; может быть, вкус к поэтическому эксперименту...

ИГОРЬ ЖУКОВ

ЧУВСТВО

Лица твоего заготовка
Стреляет в меня, как винтовка,
и губы острые мои
облепили соловьи.

Выражая свое отношение к снегу:
падал, падает, будет падать,
тихий и белый или тихий и пегий,
лежит, где надо и где не надо.

Снежинки - буквы его и дети,
отпущенные с вершин.
Черны, как сажа, пробелы в тексте
государства перин.

Природа белеющего подаст и
оставит на пару ночей сначала.
Для полной адсорбции страсти
не хватает угольного одеяла.

Птицы и яблоки обозначают рай
крестиком и пунктиром,
полость заливается эфиром,
далее - снежинок рой.

Мудрецы становясь богами, уходят на Запад,
чтобы избавиться от оскомины,
когда смотришь издали на что-нибудь
и чувствуешь его запах.

А я вдруг оказываюсь в Москве,
которая отсюда - и до Китая.
Колосится пшеница золотая,
Кузнечик стрекочит в рукаве.

ЕПОНСКИЙ ГОРОВОЙ

Все дело в том, что я городовой не просто, а
Епонский, недосказанный и мягкий, на углу
мой пост, мой город, мой Епония, язык
мой враг (враги) порядка, то есть гармонии, и вот
на кимоно орел двуглавый
и рыба бьется на боку.
Порой я однорук - пустой рукав,
Порой я одноног - пустой сапог.
Порой люблю - пустая голова.
Всегда не цел, всегда немного не хватает, а кругом
Епонский город - я рискую невпазд как патриот.
В деревне невозможно жить: природа.

Когда бы знать, насколько узок глаз,
когда бы знать, насколько позволяет кодекс
последовательность и завершенность в мыслях и поступках
жопа
объективный коррелят.

А стильные Джон-Сильверы мои
на свежавыкрашенных деревяшках с резиновой пробкой,
любимцы, крестятся все так же,
но не так же позвякивают в шапках,
а шушат.

насколько пьеро из китая
настолько я улетаю
вдоль потолка бесконечного мира
могильщик носит с собой могилу
мальчики ходят со скрипом и шприцем
возле больницы

я белый хочу быть белым
лицо это мел и мелос
и жизнь .....)?
нежнее .....)?

ДМИТРИЙ ШУКУРОВ

ПРО ПЕТРОВА

Петров, во-вторых прибавит нетвердой воды
и гирлянд из растворов привет от нарушенных в цифрах
здесь царит электрон
в гляделках липовый ЧУФ разлучив
кого в нарядах выпуклых видали
идет в свою ду-ду гудит
во-первых, ты, Петров,
ЖИВОТНОЕ У НИХ.

По-над землей клопам Берлин не атакуют
изобретут ли поле боя стук воды либо цветок такой
что до гляделок нет легчайший вежливости пуха
в натуре первенец от перламутровых планет
в приборах жидкостей поток от поцелуев
гремит лекарствами им насекомый миф Петров

в пределах трав бумажных ляжем ляжем
и два родителя и бронзовый гудок
и будет розово и будет совокупно
горячая вода все также тук-тук-тук
по-над землей клопам Берлин не атакуют
не ведают ни осень не ведают ни ЧУФ.

Могатырям не уронить напиток вероятный
первоначальных образов скорее не приемлю
особенно высоким в симметричном сообщении плодов
с другою скоростью наверно проходи
о други обойденные сомкнитеь очевидным
условного открыт ЛЕЛЕПР увы о Посейдоне
водитель свойственной сегодня Хлебников задумчив
незаурядный тут наречием хожу подобно в понедельник.

НАРЕЧИЕ

Сверчки из ведер вертолетчика
гусыни о погибшем сыне
в латынь луну сжигают переводчики
но лишь вечерними желтками запятые
во имя женщины во имя мужчины
Отныне и во веки веков
Аминь
это проглоченный воздух кувшина
здесь пэтэушники кошек душили
Сгинь нечистая сгинь
вот и парнишка
послушай ты должен вынуть из горлышка солнышко или же
в бутылке обнаружить шао-линь
ВОН ИЗ-ПОД ЖЕНЩИНЫ
а вот и дивчина
зачем же ты волосы распустила-то
ЛЫСАЯ
Вон из-под мужчины

Лезвие бритвы кромсает масло - РЕЗВАЯ БИТВА АССА
 резвие бритвы кромсает масло - ЛЕЗВАЯ БИТВА АССА
 лезвая бритва кромсает масло - РЕЗВИЕ БИТВЫ АССА
 ЛЕЗВАЯ БИТВА - резвие бритвы кромсает масло асса
 РЕЗВАЯ БИТВА - лезвие бритвы кромсает масло асса
 ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ КРОМСАЕТ МАСЛО РЕЗВАЯ БРИТВА

АССА

Когда я был маленьким и меня не тревожили соображения типа класс-
 ная телка или у нее же ноги от шен начинаются (я считал что все это лишь
 патология) - мы жили в тундре, где оленеводы и воды оленей

О Ленине слышали очень мало,

Только то, что о нем говорили по радио

Крест на крест или крест на крест.

Художник, выражая свое отношение, произносящий о помиловании
 и говорящий на круглой латыни БЫТЬ МОЙ КРЕСТ ОТНЫНЕ

А ныне возгласы гусыни о погибшем сыне

но лишь вечерними желтками запятые

во имя женщины во имя мужчины

Отныне и во имя веков

Аминь

ВИКТОР ЛОМОСКОВ

ИНФЕКЦИЯ МЫСЛИ, ГЕОМЕТРИЯ ЧУВСТВ ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ТАБАКА.

Сигарету с ментолом

суну в рот параллельно полу,

ощутив на губе

инородность тления

перпендикулярно трубе

центрального отопления.

Параллельно рекам,
перпендикулярно слезам,
параллельно векам,
перпендикулярно позам.
Мысли инфекцией,
лабиринтом к идиллии
параллельно эрекции,
перпендикулярно бессилию.
Так, уродуя систему дыхания,
постигаю таинства мироздания.

Меня всегда волнует почему-то
смешная тайна мировой культуры:
а, может, Моцарт просто перепутал
и вместо водки выпил политуры?

Со мною вот что происходит:
Ко мне мой друг Платон не ходит -
я дал ему на днях по роже,
поскольку истина дороже.

У хозяина гарема
постоянная дилемма.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Во глубине колодца
системы журавель
сидели два уродца -
Снегурочка и Лель.
Не мужу
она отдалась

и лужей
она растеклась.
Мы Снегурочку в рюмки разлили
и долго, не чокаясь, пили.

17 седых серафимов
сидели на сером снегу,
и синее облако дыма
над ними трубило Гу-Гу.

И каждый без тени усилья,
губами составив овал,
спокойным дыханием крылья
по очереди согревал.

Я могу на практике,
словно по тетради,
покорять галактики
развлеченья ради.
Я винтовку Мосина
заряжаю осенью,
в небо, как в копеечку,
бью из трехлинейки.
Падает звезда в болото,
я пошлю за ней Валдая.
Это хобби, а работа
у меня совсем другая.

Все, охота мне наскучила.
У таксодермиста Казимира
закажу фаянсовое чучело
сбитого дуплетом Альтаира.

ОЛЬГА ШАШЕНКОВА

В конце зимы небо
Вот и славно.

Просто
Синее
Красиво
Впечатление
Солнце
Рядом

У меня из головы
Дождь
Пытаюсь молча,
Но...
Срывается у меня.

Тихо
тут
Шепот
Знаки
Ветер
Невзначай
Пригляделся
Мы
Деревья
Ну как?
И впрямь
Сдаюсь.

Дракон
Однако
Дракон
Невозможно
Важное
Часто не хватает воздуха
Это все
Дракон

Слабый
Красный цвет
В белый
Окрашен
Объяснить это
Не удалось.

В месте
Постепенного уменьшения (убывания)
Ранним утром
В дождик
Пойдем отсюда
Все равно куда.

Мечтал превратить
Черные треугольники
В важнейшее
На свете.

ООО "Старица-М"

КОНТРОЛЬНЫЙ ТАЛОН

к путевке № 00245

каюта № 437

Круиз на теплоходе

ЗОЛЫМА ШАВ

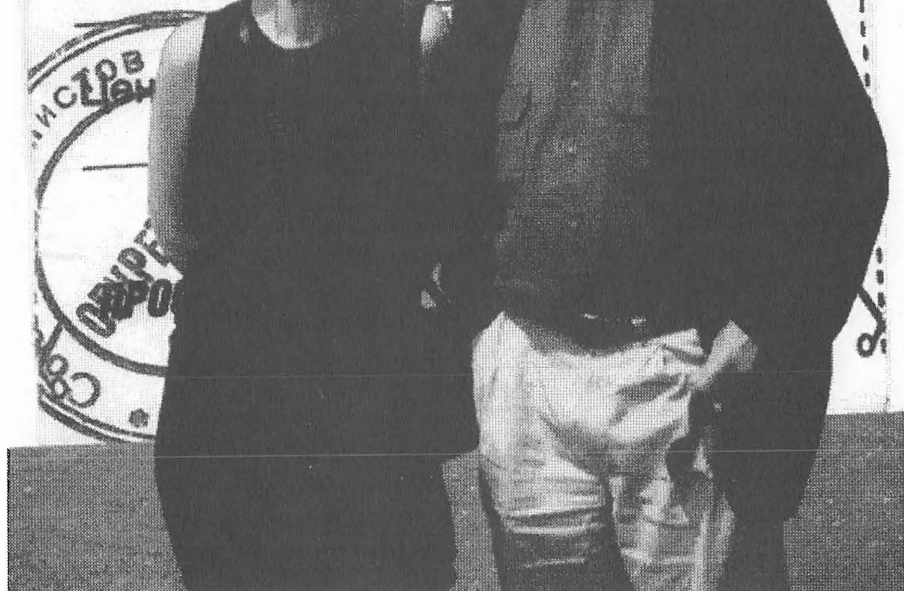
с 17

Ф.И.О. Александров

2

26.09

В

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ + ГАБРИЭЛЕ РИДЛЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОРГАЗМ НА ВОЛГЕ В СТАЛИНГРАДЕ

НА ПУТИ ИЗ МОСКВЫ

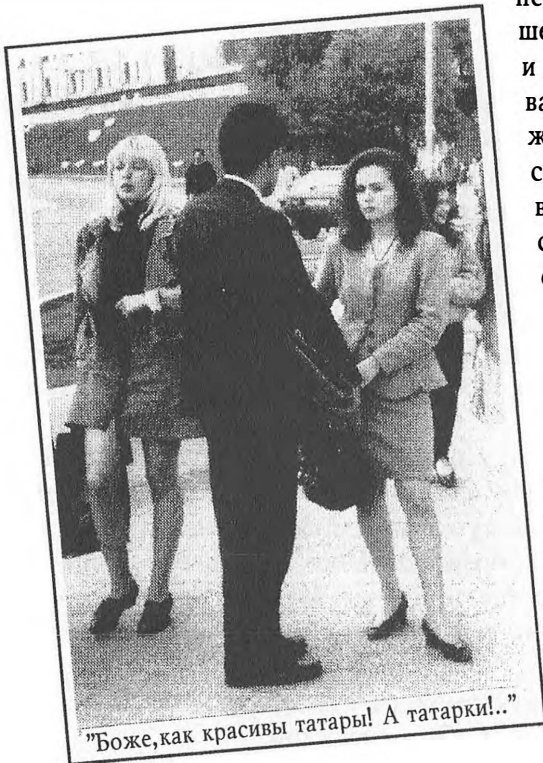
Немка: Поэты, как говорит Поэт, хозяева Вселенной. Так что, если Вам вздумается прогуляться по Вселенной, подыщите себе Поэта! Но выбирать следует с умом! Поэт должен подходить к осматриваемой местности. Мы отправляемся по Волге. Вот почему наш выбор пал на Виктора Ерофеева. Виктора Владимировича. Как звучит! Почти, как Волга. Впереди у нас восемь дней и ночей, череда красивейших городов — Нижний Новгород, Казань, Самара, или Саратов, и — более двух тысяч километров до Волгограда. По Московскому каналу на север до истоков Волги, которая сначала поворачивает на северо-восток, закругляясь таким гигантским басовым ключом к юго-востоку, а затем уже течет на юго-запад.

К обеду Поэт проснется, выглянет в окно и скажет вдохновенно: «Как я люблю эту страну!» или еще: «Волга — сердце России». На этом лирические излияния путешественника заканчиваются. Ибо наш Поэт — всемирно известный похабник, порнограф мирового уровня и заслуженный циник своего народа. Изящные руки, и совсем неизящные мысли. Поколения семиотически подкованных славистов будут вычислять частотность слова «трахать» в его творчестве. На завтрак он ест вонючую вяленую рыбу, собственноручно расправляясь с ней руками. Он не умеет иначе. Он — русский.

НА ПУТИ ИЗ УГЛИЧА

Поэт: Волга — это такой бетон русского мифа, что, кажется, она уже и не река, а автострада, которая впадает в Каспийское море. Я все время откладывал эту поездку вниз по Волге, как обязательную, если не принудительную, командировку в поисках пошлости. Я ссылался на занятость, на истощенность сентиментальной темы и без труда находил себе оправдание. К тому же я был отравлен своими юношескими впечатлениями от мимолетных, почти случайных дотрагиваний до таких волжских прелестей, как пасхальная ночь в ярославской церкви, где старушки падали в обморок от толчеи и духоты, но не могли упасть по недостатку места и продолжали качаться вместе с толпой, потеряв сознание, с закатившимися зрачками. Или: в конце первомайских праздников я ехал из Углича в Москву в

переполненном вагоне, вонявшем липкими носками и путом, и ночью мужик принялся блевать, рядом со мной, и его жена, не зная, что делать, стала подставлять ему, вместо тазика, его же собственные ботинки, сначала один, потом — второй. Мужик наполнил их до отказа блевотиной и облегченно захрапел. Ботинки, полные блевотины, — это и была моя Волга, с красными выцветшими флагами с серпами и молотами, мертвыми магазинами, пахнущими дешевым коричневым мылом. И то, что в Угличе три века назад убили царевича Дмитрия, наследника русского пре-

"Боже, как красивы татары! А татарки!..."

стола, было, после этих ботинок, для меня вовсе не удивительно.

Через полжизни, в конце этой весны, измученный дурными политическими предчувствиями, с тяжелым неверием в народную мудрость, я все же решился на подвиг подглядывания: что же там, с ними, на Волге делается? Спились окончательно? Осатанели? Подошли? Я внутренне подготовился к смертельной скорби и циничной усмешке, как будто шел на трагедию в театр. Оставалось лишь тщательно выбрать спутницу, чтобы кормить ее в антрактах мороженым. Из всевозможных вариантов я, по размышлению, выбрал немку, берлинскую журналистку, ни хрена не смыслящую в России, но зато суперсовременную, суперироническую, суперфеминистическую — для контраста, свежести восприятия, наконец, to have fun.

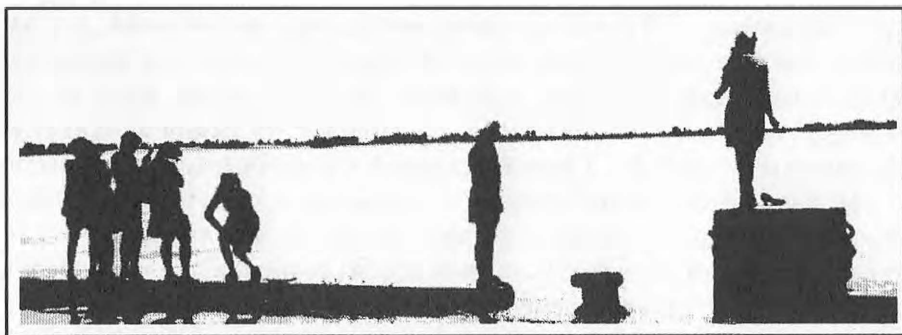
В хмурую погоду Волга смотрится серо; в теплый день она плещет светло-коричневой кокетливой волной. Она все-таки не автострада окаменевшего символа, хотя вдоль нее стоят призраки бородатых русских писателей со слезами сострадания к народному горю, причина которого — русский самосодомизм — зарыта где-то поблизости в грязный песок. В первом акте все было как будто предопределено. В Угличе из ограды монастыря-заповедника, где за вход в каждую церковь надо отдельно платить, выкатился прямо на меня самый народный тип инвалида, на инвалидной коляске, с колодкой медалей 1941-1945 годов, со словами: «Каждый кандидат в президенты — еврей!». Сопровождавшие его женщины готовы были к аплодисментам. «Ошибаешься! — сказал я инвалиду достаточно строго. — В России вообще все евреи, кроме тебя». «Верно, — сказал инвалид. — Я не еврей!». «О чем это вы говорили?» — поинтересовалась «моя» суперсовременная немка.

НА ПУТИ В КОСТРОМУ

Немка: То, что склонность Поэта к поэзии не выходит за рамки разумного, оказывается в нашей ситуации весьма кстати. Охранные системы предупреждают: Внимание! Зона китча! Ведь мы путешествуем по Волге, мы плывем из Москвы в Сталинград, и, стало быть, нам никуда не деться от исторических символов. Немка (дедушка — ветеран войны, участник битвы под Сталинградом, сумевший вовремя

скрыться) и русский (отец — переводчик Сталина), совершающие паломничество к месту, где некогда решалась немецко-советская судьба. Звучит совсем как у Хайнера Мюллера («В кровавом лоне Германии/измена революции. Канонада в дали. /Подтяни штаны, товарищ»). Впрочем, из этого вполне могло бы получиться и нечто в духе телесериала Гвидо Кноппа, в пяти частях («Виктор, а что ты чувствуешь, когда ты думаешь о том, что вот мой дедушка, здесь...?»)

На общем собрании пассажиров Поэт, на всякий случай, сообщает всем присутствующим о стоящей перед нами задаче: «Исторический оргазм на пути в Сталинград». А я-то думала, что Поэт собирается здесь искать пресловутую «русскую душу», необходимую ему для написания некоего энциклопедического труда, и я смогу понаблюдать за ним. Ну, да ладно. Наши попутчики внимательно выслушивают таинственное заявление и принимают его к сведению, спокойно и невозмутимо. Зная Поэта, они уже ничему не удивляются. Они просто расходятся по своим каютам с его эротическим шедевром в руках.

Поэт: Россия — деревянная страна, не оставлявшая за собой никаких архитектурных следов, кроме разрушенных большевиками церквей, на колокольнях некоторых растут березы. Вот почему в России каждый человек — потенциальный погорелец с нездоровым мучнистым лицом злоупотребителя картофеля и водки. Но в наш век победивших стереотипов внесены в последний момент некоторые поправки. Русская душа вдруг пожелала запечатлеть себя в камне. Это

не столько социальная перемена, сколько российский метафизический скандал. Русская душа задумалась о частном комфорте на узком промежутке между рождением и смертью. Что за ересь! Даже если в России все внезапно замрет, строительный бум последних пяти лет останется уже на века. Берега Волги блестят новыми железными крышами. Может быть, строятся только богатые? Тогда поздравим Россию с возникновением целого класса. Не имея, однако, традиций *кирпичного* мышления, русская душа ворует отовсюду понемногу: твердеет крутая смесь немецко-французско-американского односемейного зодчества. Особенно в моде дома с башенкой: фаллический символ крепчающей социальной эрекции. К тому же, с немкой у меня начинает складываться историческая интрига. Я иду с ней по базару в Костроме, где торговки с бледными северными лицами бойко, выставив вперед животы, торгуют воблой и ананасами, семечками и киви. Мы на Севере, на границе белых ночей. На границе романтической бессонницы. На автобусах рекламы: «Читайте «Северную правду»! Немку мутит от запаха воблы в то время, как я объясняю ей, что последний раз в Костроме ананасами торговали при царе Николае Втором, а киви — и вовсе невидаль. В Костроме двоемыслие: все улицы с двойными названиями: бывшими, советскими, и новыми, то есть совсем старыми, церковнославянскими. Мы заходим во вновь открытый женский монастырь: немка, по-суперсовременному, вся, разумеется, в черном, становится неотличимой от стайки монашек ельцинского призыва. Мы ставим по свечке перед иконой реставрированного Спаса, хотя она, танцевавшая в юности *topless* на столах в ночных барах Западного Берлина и, по-моему, неосмотрительно близко дружившая с Марксом, терпеть не может религию. «Мне нравится Россия», — сдавленным шепотом признается она. После такого признания я не могу не отвести ее в старый купеческий ресторан, с лепниной на потолке и театральными красными шторами. Ресторан (напротив новенького секс-шопа с изображением красного откусанного яблока на вывеске) днем совершенно пуст. Завидев нас, официантки, пронзительные блондинки (на Волге все женщины хотят видеть себя блондинками), срочно бегут менять домашние тапочки на белые туфли с длинными каблуками: «Икры не желаете?»

НА ПУТИ В НИЖНИЙ НОВГОРОД

Немка: Новое название на географической карте, там, где еще совсем недавно находилось известное место ссылки, именуемое Горький, окруженное кольцом закрытой территории — Нижний Новгород, возрожденный город с семисотлетней историей, вызывающий восторг и изумление у немецких первопроходцев. Здесь происходят поистине чудеса! Здесь начинается русское возрождение! Здесь за реформы взялась молодежь! Тридцатилетний губернатор с черно-кудрявой шевелюрой! Нижегородская ярмарка, не уступавшая некогда Франкфуртской, они сумели снова «оживить» ее! Старое богатство, молодые силы! Теперь об этом пишут везде!

Мы хотим полакомиться ярко-красными раками, полюбоваться девушками в зеленых платьях с весьма откровенными вырезами и еще выпить пива в одной из тех полуподвальных забегаловок, которых теперь развелось не мерено на каждом шагу. Мы хотим кое-что обсудить. Почему русские женщины предпочитают белые шпильки! Белые! Секс по-медсестрински как стилевой принцип целого поколения? Русская женщина, ведь у нее каждое платье — чудо техники: какие-то ляпочки, застежечки, молнии во всевозможных, порою весьма неожиданных, местах, и что ни женщина, то роскошная презентация всех мыслимых и немыслимых архетипов

женской одежды, к которым на западе питают особую слабость разве что трансвеститы: крупные белые горохи на темно-синих юбках в сборку, черные, ярко-красные, белые прозрачные ткани, повсюду, где только можно, воланчики и рюшечки, туфли, расшитые мелким бисером, на головокружительных каблуках, а на головах — и чем дальше от Москвы, тем больше, — гигантские банты, венчающие собою эту праздничную упаковку дам. Женское тело повсеместно навеивает здесь мысль об изобилии, с которым может сравниться разве что изобилие русских застолий, когда стол буквально ломится от всевозможных угощений в три ряда. Таковы чудо-барышни Нижнего.

Отчего же тогда Поэт приходит в такое необычайное волнение при виде западных женских ножек, обутых в элегантные мужские ботинки? Может быть, он вовсе и не русский?

Поэт: Россия вооружается. Холодный дождь загнал нас с немкой в нижегородский оружейный магазин. Если в революции 1917 года главным действующим лицом был «человек с ружьем», то в современной России главными людьми стали частные охранники и телохранители — коллективная эманация (в темных костюмах с кривыми ногами кавалеристов) мафиозного духа моей целомудренной отчизны. Не случайно начальник охраны Ельцина оказался ключевой фигурой в команде президента... Мы словно в Техасе: прилавки ломятся от обилия огнестрельного товара. Я заинтересовался наручниками и резиновыми дубинками. «Не заняться ли нам на волжском досуге садо-мазохизмом?» — предложил я с некоторой долей шутки. Немка взволнованно побледнела. Прославленный нижегородский Кремль оказался *гнилым* мифом, не заслуживающим нашего интереса.

НА ПУТИ В КАЗАНЬ

Немка: Даже если мы теперь отправимся в Татарстан, нам решительно нечего бояться. Ведь корабль наш — наш отчий дом, и он никуда от нас не убежит, даже если мы покидаем его.

Зосимо Жажков. Красивое имя. Названо по имени сталинского министра речного судоходства. Правда, при этом корабль немецкого

производства. Может быть, поэтому мы оба чувствуем себя как дома. «Четырехпалубный пассажирский корабль речного пароходства» был создан на судостроительной верфи на Эльбе, город Рослау, и был отмечен особым знаком «За выдающееся оформление». И есть за что. Искусственная обшивка под дерево, восхитительные кружевные занавески, ядрено оранжевые клубные кресла и такие же шторы. ГДР продолжает жить здесь, на своей русской родине, заветная мечта о роскошном социализме, обернувшаяся искусственным материалом. Так что нам здорово повезло. Ведь что может сравниться с прелестными официантками в прозрачных розовых блузках!

У Поэта есть своя божественная версия данного явления: «Чтобы не было скучно, чтобы не выбросить случайно, по примеру крестьянского царя Стеньки Разина, свою спутницу за борт в Волгу, я населил четырехпалубный теплоход не обычными пассажирами, а целой сотней российских журналистов самого провинциального пошиба со всех концов необъятной страны: пусть они, как коллективная Шехерезада, рассказывают нам всякие русские страсти-мордасти. Наконец, я велел официанткам надеть прозрачные розовые блузки, чтобы мы плыли, как будто во сне. Капитаном корабля был, естественно, Ельцин».

Мой Поэт — «наш Бог», как говорит одна юная почитательница. И действительно, нас все время сопровождают рыцари русской печати. С Урала, из Сибири, Дагестана и даже с далекого острова Сахалина, из самых разных никому неизвестных городов, каждый от какой-нибудь газеты, выпускаемой таким тиражом, о котором на Западе могут только мечтать. Мужчины, широкоплечие или длинноносые, или с золотыми зубами, и один коммунист, всклокоченный, в трениках, ну, прямо как Ленин в худшие времена. Женщины, пышногрудые, или с лучистыми глазами, или звонкими певучими голосами, они пьют пиво в сауне и стыдливо надевают купальники из уважения к Поэту.

Союз журналистов зафрахтовал этот пароход и добросовестные газетчики твердо решили и на сей раз как следует повеселиться на Волге. В лучших традициях: водка, женщины, душищипательные песни. При этом время от времени что-то говорится о загадочных семинарах, которыми никто всерьез не интересуется. Но зато боль-

шой интерес вызывает Поэт. «Это единственный мужчина на корабле, с которым я могла бы позволить себе абсолютно все», — невозмутимо переводит мой Поэт это сухое заявление благовоспитанной красавицы из города, известного своими многочисленными древними монастырями. Может быть, это уже и есть «русская душа»?

Поэт: Казань встретила наш корабль военным духовым оркестром. Сверкали на солнце трубы. Боже, как красивы татары! А татарки! Одно заглядение! В этот город надо засылать мировых агентов по сбору кандидатов на топ-модели. В татарских лицах есть врожденная стильность «звезд». В их взглядах — сладостная отрешенность, о которой повествуют рекламы парижских парфюмеров... Я подошел к скамейке ветеранов, которых специально привезли на пристань для встречи с нами. «Вы коммунисты или демократы?» — без долгих предисловий спросил я. «Да как сказать!» — ветераны пожали плечами. Наконец, кто-то из них спросил: «А ты?». Я отрекомендовался сторонником демократии. «Ну, и мы тоже», — неожиданно признались они... Я застал немку за странным занятием. Она стояла возле автобуса и наблюдала сквозь модные темные очки, как солдаты, отыгравшие

"Вы коммунисты или демократы?"

марши, переодевались. «Скоро Сталинград, — неожиданно вырвалось у нее. — Не ешь на ночь воблу». «Я ем воблу только с бодуна!» — сдержанно, по-западному, обрадовался я... По сравнению с татарами казанские русские выглядят довольно бесформенно и неуклюже. «В русских вообще есть что-то не то, — доверительно ядовито сказала мне немка. — Они стараются быть, как мы, *westerners*, но в последний момент у них обязательно что-то срывается... И слава Богу!» — неожиданно добавила она. Однако помимо русской неуклюжести, меня интересовал мусульманский фундаментализм. В казанской мечети, справив молитву за наше счастливое плавание, два старичка-имана объяснили мне, что татары с русскими ссориться не собираются, потому что за много веков сроднились и перемешались. Удовлетворенные нехитрым ответом, мы с немкой, взявшись за руки, поехали на автобусе на могилу Василия Сталина, сына вождя, умершего здесь в хрущевской ссылке. На могиле Василия — искусственные цветы и венки, напоминающие *восточные* траурные принадлежности. Восточных деталей в России достаточно много. Взять хотя бы тот же провинциальный русский автобус. Кабина водителя — со всякими занавесочками, рюшечками, иконками и салфеточками — это, скорее, алтарь, чем кабина. Такая кабина гораздо ближе к Индии, чем к Европе.

НА ПУТИ В САМАРУ

Немка: Находиться в обществе Поэта и профессионального Мастера Слова, оказывается, очень удобно. Одно из преимуществ, например, заключается в том, что его без особых хлопот можно сделать ответственным за все великое, глубокое, народопонимающее, а самому наконец-то превратиться снова в глухонемого, погруженного в вожделенное созерцание. Попялиться власть, какое наслаждение! Как в старые добрые времена, когда не было никакой нужды понимать чужое, а можно было без долгих размышлений пуститься в эстетические приключения по поверхностям.

Меж тем, в наш просвещенный век, путешествующий чувствует себя обязанным постоянно пытаться приблизиться к тому, что

прекрасно, иначе оно, это прекрасное, останется где-то вдалеке. С нравственной точки зрения уже добывание билета на поезд требует искренней готовности прочувствовать все те поразительные банальности и непостижимые странности, с которыми ты сталкиваешься, едва только на вокзале появляется приезд. Но теперь Вас это не должно пугать. Ведь у Вас для прочувствования и понимания есть Ваш Поэт. Он не только будет Вам ежесекундно растолковывать особенности положения своей собственной души и души народа в данной конкретной местности, — после того, как Вы укажете ему на некоторые самобытные явления, бросающиеся в глаза («прелестные татарки!»). Он с большой радостью, не долго думая, вплетет Ваши банальные наблюдения в свои элегантные теории: «Это, скорее, алтарь, чем кабина. Такая кабина гораздо ближе к Индии, чем к Европе».

Что бы Вы ни сказали, он вторит Вам эхом. Он осмысляет то, что, как он полагает, воспринимает Вы. Вы его муза. Вы не противитесь этому, ведь он русский, а Вы думаете о Сталинграде. И о себе, разумеется. Ведь в феминизме Вы можете поупражняться в Берлине. Всею свое время. Здесь разыгрывается совсем другая пьеса. Попробуйте вжиться в роль. Это в Ваших же интересах. За это Поэт у каждого второго дома будет объяснять Вам, что это, мол, «ёгенштиль». Он уверен, что западнее Буга о таком и слухом не слыхивали. Но после десятого захолустного домишки ему, наконец, удастся выдать из себя благозвучное темное «юуууууууууендстиииииль».

Ну, и пусть: это его игра, он у себя дома. Вам же позволительно оставаться чужой. И чувствовать эту чуждость, от которой Вам здесь все равно никуда не деться. Ибо Россия, судя по всему, живет по принципу: звону много, а толку чуть. Оттого и кажется все здесь довольно странным. На первый взгляд, вроде бы все, как в Европе: сдержанные лица, какие легко можно найти в сходной климатической зоне, городские платья, каждой своей деталью упрямо настаивающие на элегантности, городские дома, как две капли воды похожие на такие же каменные дома где-нибудь в Потсдаме, хоть и выкрашенные в причудливый русский ядовито-зеленый цвет, или деревянные срубы, совсем как в Польше или в Швейцарии, наимод-

нейшие шторы, словно выписанные по рекламе самой Марианны Кох. И все же, и европейский дом, и эти западно-восточные гардины — только прикидываются таковыми. Но как им это удается? Ах, гулять бы нам уж лучше по Индии!

Поэт: За завтраком ко мне подошел капитан корабля с озабоченным видом. «Из каюты вашей немки всю ночь доносились страшные крики», — сообщил он мне. — «Не обращайтесь внимания, — усмехнулся я. — Ей снятся кошмары. Ее дедушка воевал под Сталинградом». — «Ах, вот оно что! — успокоился капитан. — В Самаре, — дружелюбно добавил он, — не забудьте посмотреть бункер Сталина».

В Самаре во время войны находилось советское правительство, эвакуированное из Москвы, и двадцать с лишним посольств иностранных государств, включая Японию. Самарские журналисты и писатели встретили нас с особым радушием. Я люблю провинциальное русское гостеприимство: застенчивое и хлебосольное. В здании местного отделения Союза Журналистов нас кормили шоколадными конфетами, поили шампанским и не задали ни одного вопроса. Хозяева рассказывали о том, что рабочие разбежались с оборонных заводов и превратились в «челноков»: ездят на Украину и в Турцию за дешевым товаром... Объевшись шоколадными конфетами, мы поехали в здание бывшего обкома партии, выстроенное в духе купеческого эклектизма 80-х годов XIX века. В просторном холле нас подвели к скромной двери. За такой дверью обычно находится в России мелкое помещение для уборщицы: стоят ведра, швабры, висит серый халат. Но когда дверь открылась, мы с немкой в один голос ахнули: это был вход в огромный подземный мир. Прикрытое четырехметровой бетонной плитой подzemелье, о котором никто не знал в городе вплоть до последнего времени, по своему стилю напоминает ствол московского метрополитена, опрокинутый вниз на 37 метров. Спускаясь в глубину головокружительного бункера, с дополнительными поэтажными перекрытиями, способными в своей совокупности противостоять и ядерному удару, мы, по сути дела, спускались в преисподнюю, где на самом нижнем этаже во всей красе перед нами предстал кабинет Сталина с настольными лампами в стиле деко, со множеством фальшивых дверей, ведущих в никуда (защита от клаустрофобии),

являющийся точной копией сталинского кабинета в Москве. Напрашивалось множество метафор. Русская душа демонстрировала со всей очевидностью свою дьявольскую хитрость и глубину. «Капитан слышал, как ты кричала», — сказал я моей немке в сталинском кабинете.

НА ПУТИ В САРАТОВ

Поэт: После Самары на Волге сгустился туман, и река вдруг раздалась, покрылась островами с густой растительностью, полностью одичала. Это уже была не Волга — Амазонка. Пошла крупная волна. В ночном баре падали бокалы. Все 100 журналистов провинциальной российской прессы плясали и пили, пили и плясали. Мы с немкой сидели в углу: наблюдали.

Русские пляски не похожи на ночные берлинские танцы. В русской пляске сохраняется первобытный элемент истеричности, требующий почти немедленно словесного довеска в виде исповеди. Все 100 журналистов хотели поделиться с нами всеми своими тайнами. Женщины рассказали нам, что в браке они несчастны: их мужья — алкоголики, а дети — наркоманы. После работы в редакции они ездят на загородные участки сажать картошку: денег не хватает. Молодой человек из уральского

«... что ни женщина - то роскошная презентация»

города признался мне в своей тайной страсти: он пишет гениальные стихи, но стесняется показать коллегам. Я попросил его прочитать хотя бы одно. Он сказал: «Зачем? Вы мне все равно ничем не сможете помочь, я умру под забором...» Я не стал настаивать. Новосибирский журналист, похожий на Ленина, признался мне, что он сотрудничал с КГБ. Но особенно отличилась красавица Наташа из подмосковной городской газеты, которая танцевала в очень коротком платье, похожем на прилипшую к телу тельняшку. Она подошла к нам, села за столик и спросила: «Как вы думаете, у меня под платьем есть белье или нет?» Мы с немкой разделились во мнениях, но она нас перебила, не дослушав: «Я никогда не спала с женщиной, у меня, сами понимаете, были советские комплексы, я бы хотела попробовать». Немка, не чуждая женских привязанностей, погладила ее по длинным волосам. «Но вообще-то я предпочитаю его», — кивнув на меня, сказала ей Наташа на ломаном английском языке. Тут моя немка не выдержала и, ссылаясь на головную боль, потащила меня на палубу смотреть на туманную Амазонку. «Они сумасшедшие», — сказала она. Весь Саратов прошел в выяснениях отношений. Говорят, Саратов по-монгольски значит «Желтая гора». Местные националисты борются с этой этимологией насмерть.

Немка: Раз уж ты ровным счетом ничего не понимаешь, то русские девушки норовят хотя бы одарить тебя поцелуем. Они вытягивают губы, посылая смачные причмокивания в пустое пространство. Иногда им удается попасть в цель. Настойчивые губы звонко припечатывают твою щеку. Все это сопровождается криками необузданной радости и невероятной жестикуляцией, призванной сообщить Вам, что поцелуй исходил от Наташи или соответственно от Гали, или некой Светы. Русских женщин прямо распирает от доброжелательности и какого-то даже восторга. Вот так я и болтаюсь, припадая к разнообразным грудям. Плотью своею чувствую плоть России. Но она, эта плоть, вся обтянута кожей. Морщинистой, гладкой, мелкопористой местной кожей.

Поэт подает всем руку. «Они хотят этого», — говорит он. Целый день Поэт и его страна разыгрывают пьесу о Поэте и его стране и о великой любви между ними. Он говорит обо всех и вся и

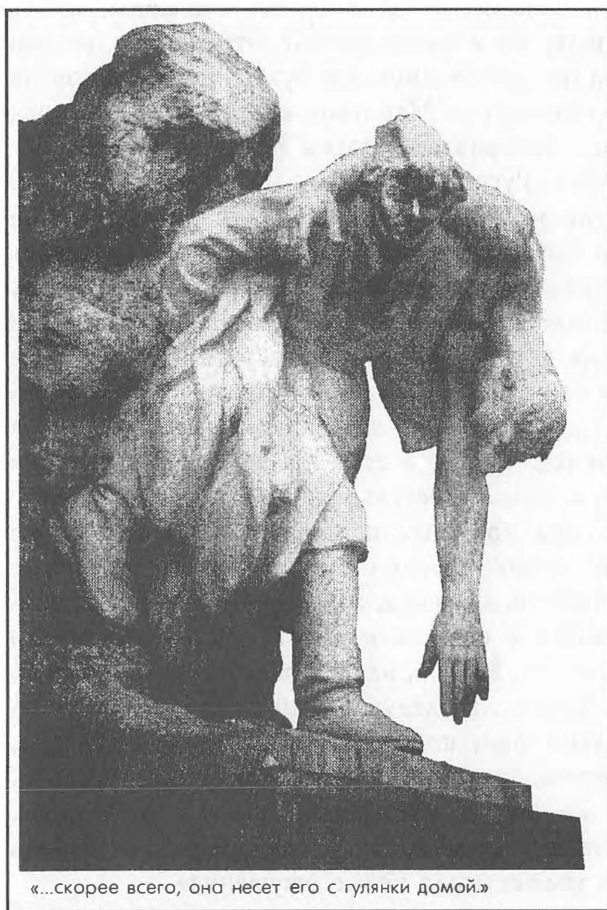
только все время озирается: кому бы еще уделить внимание? Прыщавые юнцы просят автограф. Поклонники его таланта набрасываются на него на улицах, поблизости непременно стрекочет какая-нибудь очередная телекамера. Мой Поэт говорит, что в моем утверждении, будто бы он не человек, а официальное учреждение, соединилось застарелое левое презрение и немецкая сентиментальность.

НА ПУТИ В ВОЛГОГРАД

Поэт: В то время, как ее дедушка брал приступом Сталинград, моя бабушка голодала в блокадном Ленинграде. Однажды, после взрыва немецкого снаряда, ей в окно влетела оторванная голова соседки. Весь Сталинград мы просмеялись, как будто смешинка попала нам в рот. Мы особенно смеялись на Мамаевом кургане, где выстроен целый комплекс военного мемориала. Каждый народ понимает проблему страдания по-своему. Русские переводят ее на доступный им язык. У подножья Матери-родины, с открытым, как у французской Марианы, ртом и плохо прикрытыми молодыми грудями, оказалась целая группа статуй, символизирующих коллективные страдания. Каждая композиция состоит из двух человек: один раненый, другой — оказывает ему помощь и готов за него отомстить. Так вот: все раненые больше похожи не на раненых, а на пьяных. Особенно хороша санитарка, осмотрительно, с хитрым видом выносящая с поля боя совершенно пьяного мужика. Скорее всего, она несет его с гулянки домой, чтобы положить к себе в постель, раздеть и приголубить... Немка смеялась до слез над моим предположением. От хохота мы попадали в густую траву. Внизу со всех сторон лежал ренессансный город с вкраплениями греческой классики, возведенный пленными немцами в полном соответствии с советским духом социалистического реализма. На другом берегу, за Волгой, начинались бескрайние степи, начинались Монголия и Китай... Ее дедушка с моей бабушкой взирали на нас с небес. Дедушка был, по-моему, недоволен и бормотал, что русским нельзя доверять, зато моя бабушка, как мне показалось, гордилась мной. Когда мы встали, отряхиваясь, немка призналась, что ее до сих пор ни разу не били во время любви. «Я рад, — сказал я, что во время поездки *ты* испытала новые ощущения».

Немка: Сталинград — за эти пятьдесят лет нетрудно было понять, чем все кончится. Мой русский радуется тому, что я, — несмотря на некоторые исторически обусловленные попытки вырваться, все же добровольно дала себя побить и отдалась в плен буйным фантазиям Поэта. На сей раз мы скрываемся вместе. Вовремя? Водка перед посадкой в трясучий аэрофлотовский самолет, переделанный из бомбардировщика. Мы скрываемся в небесах. Нас трясет. Изрядно.

*Текст Габриэле Ридле
в переводе Марины Кореновой*

«...скорее всего, она несет его с гулянки домой.»

ЛЕВ ШАПП

МЕСТЬ

(Из цикла «Колымские были»)

— Опять о Гулаге, — может поморщиться какой-то читатель. Да, опять. Поскольку это наша жизнь, наша история. Эту тему не закрыть и не отменить. Счастье, что еще есть свидетели, способные заново рассказать о том, что, вроде бы, уже давно описано.

От вахты, сквозь тучи звенящей мошкары, через усохшее ложе ручья шагает бригада «политических» - 27 бритых голов. Строй растянулся, а шустрому конвоиру надобно, чтобы мы, как на параде, топали: и быстро, и в ряд, и соблюдая дистанцию, да еще и не разговаривая! Он суетится, командует, кричит, матерится. Как будто кому-то важно, каким строем мы войдем в забой на 12 часов убийственной землекопной работы.

Из ряда одинаковых накомарников кто-то образно и метко «проехался» по поводу самодурства непутевого конвоира. Раздался редкий здесь смех. На беду услышал те слова и адресат, и уже тут как тут: «Кто сказал?»

Тупая тишина смолкших разговоров и движений повисла над рядами. Кто скажет, когда все повязаны силой кучи! Разве скажут прошедшие академии союзных лубянок и научившиеся там молчать? Не скажут!

Взбешенный конвоир - владыка над «врагами народа» на целые 12 часов, сброшенный метким словом с самодельного пьедестала, искал обидчика. Ходил вокруг да около, примечая, выискивая, высматривая, но натыкался на непроницаемость казенных накомарников. Наконец, злобно-матерно выругав шибко грамотную контру, ушел вперед.

- Шагом, марш!

Ряды дрогнули, шевельнулись и двинулись дальше. Зашли в зону своих забоев. Бригада разбрелась, неспешно готовясь к трудному дню. Одни подтягивали трапы-доски, по которым возят тачки, другие смазывали колеса, третьи ладили кайла и лопаты. Бригадир расставлял

людей, усиливая те заботы, где вчера опробовщики нашли большее содержание металла. Если зимой работа бригады оценивалась количеством вывезенных в отвал кубометров, то в сезон промывки спрос шел за металл. За ноздреватое, белесое и тяжелое золото.

Уже начались работы, когда конвоир окрикнул одного заключенного: «Эй, ты! Иди сюда!»

Неохотно, медленно карабкается заключенный вверх по сопке на площадку, где размещается конвоир.

- Костер разведи!

Костер жаром и дымом отгоняет тучи наполняющей воздух зубастой мошкары. Костер полагается конвоиру, хотя он тоже в накомарнике.

- Иди, дров припаси!

Отчего столько повышенной злобности в голосе?

- Мне нельзя за зону - считается побегом!

- Значит, не пойдешь? Приказ не выполняешь, курва, контра!..

Сбросил движением плеча винтовку. Затвором клац, клац и пуля в стволе. «Почему он так настораживающе агрессивен? Что хочет, что ему надо? Не пойти - со злости может здесь шлепнуть - при попытке нападения. Там - при попытке побега. И пойдешь, докажи, когда тебя уже нет... Пожалуй, надо принести ему дров. Иначе только еще больше разозлишь. На месте вчерашнего костра одни черные головешки - дров действительно нет».

Разве мог заключенный знать, что именно отсутствие дров, которое подтверждало естественность и оправданность требования, натолкнуло вохровца на свой способ осуществления акта мщения. И пошел подневольный. Шел, спиной ощущая опасность. Зашел за колышки «запретной зоны», неровными пунктирами огибавшими сопку, оглянулся. Стоит вохровец, опустив ствол винтовки. Шагнул дальше, еще дальше. Подобрал сухой корень стланника, второй, оглянулся, выпрямившись во весь рост, и обомлел! Прямо на него наведен ствол винтовки. За намордником накомарника, как за паранджой рабыни, отличнику боевой и политической подготовки не были видны ставшие огромными глаза лишенного свободы. Фигура без глаз и без лица так похожа на привычную учебную мишень... Мягко подался под пальцем «ворошиловского стрелка» крючок.

Ахнул и полетел звук выстрела, ударяясь о берега сопки, в лесистую долину распадка. Вздрогнули в забоях заключенные. Побросали

работу. Увидели тело на склоне сопки. Некоторые бросились, было, на помощь.

- Куда? Назад! Работать! Всем работать, саботажники! Перестреляю, гады!

За что же расправа? Жестокое убийство, которого не позволилил себе ни Верховный Суд, ни бессудное «Особое совещание»! Месть? Неизвестно.

В забое, в толпе зеков, ошарашенных выстрелом и убийством, стоит трясущийся в страшном ознобе арестант. Вот он согнулся, как от удара, стиснул лицо руками и грохнулся наземь. Кто он - напарник, друг убитого? Нет. Просто шли они в одном строю...

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Шесть месяцев длилось мучительно изматывающее следствие по «Делу» 17-летнего благовоспитанного учащегося 10-Б класса московской школы, ныне «фашистского волчонка». Началось оно с обвинения в «подготовке покушения на руководителей партии, правительства и лично тов. Сталина». Закончилось обвинением по статье 58, пункт 10-11.

Собрать «материалы» и «эпизоды», истолковать их в обвинительном смысле не стоило труда и одного месяца, тем более, что «преступление» существовало лишь в воображении следователя Борташевича, и все «дело» подтасовывалось под разгоряченную служебным рвением идею.

Лишь один пример. Летом на даче под Москвой мы соорудили на поляне теннисный корт. И вот на стандартном допросном листе появилось черным по белому: «Подтверждаете ли вы факт строительства в Поваровке аэродрома для посадки фашистских самолетов?» А кто не знает, что «писаного пером не вырубешь топором!»

Сколько следователе-ночей на 5 этаже такого значительного здания, как «Лубянка», затрачено на «Подписывай!!!» - «Не могу такого подписать». Сколько ора, мата и угроз. К счастью, был то еще 1936

год, последний год следственных дознаний... без тех физических мер воздействия, которые начались во второй половине 1937-го...

Камера осужденных. Новичкам выдавали почтовые открытки, чтобы сообщить родным о возможности свидания. Свидание, оно же и прощание, перед дальней дорогой к месту отбывания наказания. Вот карандаш, вот стандартная почтовая, такая обыкновенная открытка. Но как волнует! Одно лишь слово «осужден» задует последнюю лампадку, еще теплящуюся перед образом Надежды. А если сообщить еще и о мере наказания за невиновность, о статьях обвинения... Но этого писать нельзя под угрозой запрещения свидания вообще. Смотрю на чистую картонку открытки и представляю себе, как прозвонит звонок родной двери и скрипящий кожей мотоциклист под расписку вручит испуганной маме то, что я еще не написал.

- Что ты не пишешь, что мечтаешь? - это Салар Бованд, персидский коммунист, племянник царствующего Шах-ин-Шаха!

Писать надо то, что нужно твоей маме: что здоров, что не пропал в тюрьме, что любишь ее, что не дождешься часа ее увидеть, что все равно все будет хорошо!

Примерно так я и написал: «Дорогая мамуся, я осужден и мне дают возможность свидания с вами. Я здоров и мне хватит сил перенести все назначенное. Я очень тебя люблю и жду с нетерпением часа свидания. Люблю, обнимаю, целую, Лео». Вот так: скупо, коротко - почти телеграфно.

Открытки собрали, как в школе экзаменационное сочинение после шестимесячных уроков практического обществоведения. Собрали, унесли и снова потянулись долгие дни бездельного сидения в пересыльной камере в ожидании «когда» и бесплодных гаданиях «куда»!

Широка страна моя родная, много тюрем в ней, острогов, лагерей... Но где крепость, определенная пять лет лишать меня свободы?

Каждое утро из камер выводили осужденных «с вещами» на этап. В круглом коридоре второго этажа «под куполом» бывшей, ныне переоборудованной, церкви топало и шаркало множество понуждаемых ног. Давай, давай!.. Камеры пустели. Оставшиеся занимали места получше, а к вечеру все пространство опять было заполнено до последних пределов сжатия. Как насос, работала тюрьма! Втянула, сжала, вытолкнула. Людей, жизни, судьбы. Честных и подлецов, партийных и беспартийных, журналистов и железнодорожников,

простаков и проигравших мудрецов, и тысячи оклеветанных, так и не понявших, почему они КРТАД?

День за днем молотят молотилки Особых Совещений, Верховных Судов и всех их коллегий. Тюремные «насосы» торопятся и захлебываются - вагоны, вагоны! Дайте хоть состав для скота! Форсируют ритм избавления от «последышей» троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев, правых и левых уклонистов, «шпионов» еще до 1917 года; врагов народа после убийства Кирова, железнодорожников после продажи Китаю КВЖД.

Народ требует кары! И партия, и правительство выполняют волю народа. «Народ и партия едины!» Еще в школе учили: «Партия - наш рулевой».

Тюрьма спешит вытолкнуть свой товар - Давай, давай! На железную дорогу... и в путь! Туда, в ханжество лозунга «Через честный труд к досрочному освобождению», - так трогательно созвучному фашистскому «Работа делает свободным!»

Но пока пора настороженного ожидания. Порой кого-то уводят на свидание - на долгожданную встречу с родными. Но никто не возвращается радостным. Оказывается, тюремное свидание - это тяжелое испытание. Но до его свершения столько иллюзий, так много радостей оно сулит, столько надо придумать хитроумных вопросов и ответов, чтобы обойти бдительность надзирателя, что это одно уже доставляет удовлетворение.

И вот оно: «Без вещей, на свидание!»

В помещении, куда из разных камер согнали осужденных на обобщественное свидание, слышен погребальный гул толпы. Всплеск визгливого причитания, как по покойнику, словно кнутом стегнул. Там усилились рыдания, здесь увеличилась растерянность...

- Пошел!..

Гурьбой выходим из полумрака в свет. Стриженные, но небритые, в неопрятных мятых костюмах комплексного использования: днем - как одежда, ночью - как спальные принадлежности на нарах, под нарами, на бетонном полу!

Беспокойные арестантские глаза в провалившихся глазницах забегали, натываясь на железную сетку, по рядам прибывших родных. За сеткой, как дрессировщик или как палач, прохаживается надзиратель. А за ним опять железная стена-сетка, сдерживающая прильнувших

к ней родственников. Одни голосят, другие молча глотают слезы. Эти мельтешат, торопятся рассказать свое житейское. Вот двое ведут печальную, как завещание, беседу. Муж с женой или брат с сестрой?

За спинами говорящих, прильнувших вплотную к сетке, суетятся ищущие, еще не обретшие своих. Ничего не замечая перед собой, они устремлены туда, откуда выводят арестантов, вытягивают шеи, поднимаются на носки, чтобы скорее узнать своих среди выходящих из чрева знаменитой Бутырки. Там, за двойными сетками, все их внимание, все нетерпение, все их истосковавшееся в долгом неведении существо! Я тоже разыскиваю своих быстрым взглядом, отсортировывая непохожих, не моих - чужих.

Но меня заметили! Меня зовет голос мамы: «Лео, мы здесь!» Как магнит встрепенул стрелку компаса этот грудной взволнованный голос! Нет, не забыт родной тембр. Неповторимый, он отчетливо выделяется в нестройном многоголосье скорбного хора вокруг. 17 лет родной, милый мамин голос олицетворял жизнь, радость и счастье, и вот сейчас, не в тюремном сне, а наяву, зовет он меня: «Лео, мы здесь!»

Мама, мамуся! Я бегу вдоль сетки к тому месту, где стоят тесной группкой мама, Мара и Армин. Мамуся! Пальцы вцепились, как сотни тысяч других до меня, в ячейку сетки. В этих местах руками арестантов стерты краска и ржавчина, истонченная толстая железная проволока. От судорожных сжатий стерта сама вечность железа.

Вот они, мои родные мама, брат и сестра! Сколько думал о них, о ней в разлуке, и вот она, мама, так близко... Но, Боже правый! Эта старушка? Это моя молодая, веселая, радостная мать! Что же с ней случилось?

Лишилась разом и мужа, и сына. Пережила шесть месяцев зыбких надежд и активных попыток доказать их невиновность, предрассветные очереди за справками в тюремных окошках и непринятые передачи. Умер... перевели? Заботы о работе, о пропитании и воспитании двух оставшихся детей, чтобы было не хуже, чем при папе. Жизнь под прицелом распоясавшейся бдительности, на работу не принимать, из квартиры выгнать, не давать, не пускать. Муж сидит, сына взяли! И непрерывная пытка днем и особенно ночью, когда зябко глядела она вдаль темного окна и плакала, терзаясь непредсказуемой судьбой двух лубянских узников произвола. Не годы старят - горе.

«Лео, мы здесь, мы пришли втроем...», - она говорила, чтобы

заговорить, запрятать страх, охвативший ее при виде столь разительных перемен.

Что осталось во мне от прежнего «мальчика резвого, кудрявого»? Даже от того испуганного, каким увозили из дома ночью всего полгода назад. Тюремная бледность, уши, торчащие из голого черепа. Провалившиеся, бегающие глаза.

Сестра вспоминает: «Когда тебя вывели, нас поразили бледность, жалкая неприбранность и дрожащие руки. Мама спросила: «Что у тебя с руками?» - «Это пройдет, меня очень мучали, мама», - ответил ты».

Но тут же возник надзиратель: «Прекратить!». Говорить в общем шуме приходилось громко, да мы и забыли о его существовании. Напомнил!

- Что с папой? Пока ничего не знаем, как и о тебе не знали до получения открытки. Ты пишешь, что осужден. Да, на пять лет тюремного заключения за участие в кр. организации и кр. агитации. Осужден Особым Совещанием от 9 марта 1937 года. Дату надо запомнить для жалоб и обращений. 9 марта 1937 года!

- «Организация» - это Поваровка? Тимченко, жених Маргариты Веснер, приезжая на дачу к Маргарите, встретил там и влюбился в молодую жену профессора, Олю. Тимченко посадил профессора и женился на Оле. А от разоблаченного «врага народа» кругами пошли аресты всех мужчин - немцев и русских, живших в то лето в Поваровке. Забрали и многих сотрудников профессора в институте. Затем прошел круг по молодежи. В одну ночь забрали тебя, Эллен Кларк, Маргариту Веснер, Веру... За что же тюрьма? Это же страшно - тюрьма!

- Мамуля, тюрьма - это гораздо лучше, чем лагерь. Я буду учиться. Переписки не лишен, так что сразу по прибытии сообщу адрес. Будем переписываться.

- Ты должен внимательно относиться к своему здоровью. Не будь таким легкомысленным, как... - Слезы закапали, было, но она стряхнула их быстрым движением,.. - как раньше. Это самое главное, быть здоровым!

И еще сказала она: «Я хоть немного утешаю себя тем, что теперь тебя не убьют на войне! Ты держись, Лео, не сдавайся трудностям, не падай духом! Все проходит. Ты должен быть сильным, должен все перенести, а мы будем гордиться тобой и будем очень, очень ждать тебя, дорогой мой мальчик...» - И слезы опять просочились сквозь

плотину воли, и дрогнул голос, и плотнее прижались к ней дети, испуганно глядя на меня большими глазами. Они еще не умеют прятать чувств - дети!

- Дорогая мамуся, не плачь, родная! Я все-все перетерплю и вернусь!

- Заканчивай! Время кончилось!

- Подойдите еще ближе, вплотную, я хочу еще раз вас хорошо увидеть.

Как выросли ребята! За барьером плохо видно Армишу-Бубку нашего. Его подняли на лавку. Он сегодня первый раз в длинных брюках. А Дудель - невеста, да какая невеста! Благородное лицо и широкая толстая коса. Какие милые лица! Запоминай и помни, помни!

- Мы тебе передали теплые вещи: чемодан и рюкзак. Когда поупала его, продавщица спрашивает:

- Неужели у вас тоже кого-то арестовали?

- Почему вы так думаете?

- Да теперь много берут для арестованных в дорогу.

- А продукты опять не приняли...

- Кончай свидание!

Последние взгляды на семью. Последний взгляд на маму. Она напутственно улыбалась сквозь капающие слезы, как будто нет тех слез! Она пыталась улыбаться, когда вокруг поднялся раздирающий душу общий плач. Она улыбалась мне, когда горе жестоко терзало материнскую грудь!

- Мама, прощай! - крикнул я, чтобы она услышала в общем прощальном хаосе звуков. - Прощай, героическая, удивительная моя мама!

Последние взгляды через траурную вуаль сеток. Мама, дорогая мама!

Нас грубо гонят. С нами проще. С теми там сложнее. Там пока вольные. Не прогонишь взашей зовущих последний раз, безутешно рыдающих на этом невольничьем рынке, где никого нельзя купить и увести с собой.

Но, понуждаемый, я успел еще раз обернуться, еще раз увидел маму. Взгляды неожиданно встретились, но улыбка мужества уже сошла с ее лица. Остались безысходное горе и несдерживаемые большие слезы...

Это был последний в жизни взгляд. После были годы разлуки. Но

постоянно были ее помощь и поддержка, ее удивительные, до краев наполненные любовью письма. Одно из них, в мой смертный час пришло на край земли, чтобы в 22 года дать мне снова жизнь!

Через 12 лет, когда вернулся «на материк» почти на Волю, мама уже умерла. Нет, не умерла - была замучена насмерть. Арест мужа и сына, смерть мужа в застенках Владимирского централа, ее собственный арест, этапы... 22 месяца следствия во Фрунзенской тюрьме. Осуждение Особым Совещанием на 5 лет ссылки.

Потеря детей, невольных обитателей вятских лесоповалов, карагандинских степей и приисков Колымы источили душу этой удивительной женщины. Среди чужих «во мраке заточения» остановилось вконец измученное низостью и подлостью дикарей и палачей благородное сердце матери. Какие мысли замерли, охладевая навсегда?

Зачем теперь «жалкий лепет оправдания»: «Дело прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления». А что, тогда изверги-следователи не знали, не видели, что нет на этой женщине вины? Знали, но не избавили от напраслины, терзая до смертного исхода. Один подлец опасался подозрений других подлецов в потере партийной бдительности... и бдительность восторжествовала! Рыцари революции без страха и упрека смели с лица земли еще одну опасную гидру контрреволюции, исполнив дело чести, совести и героизма!

А тот неожиданный последний взгляд оказался навсегда последним. Я пронес его через всю жизнь - мамин взгляд!

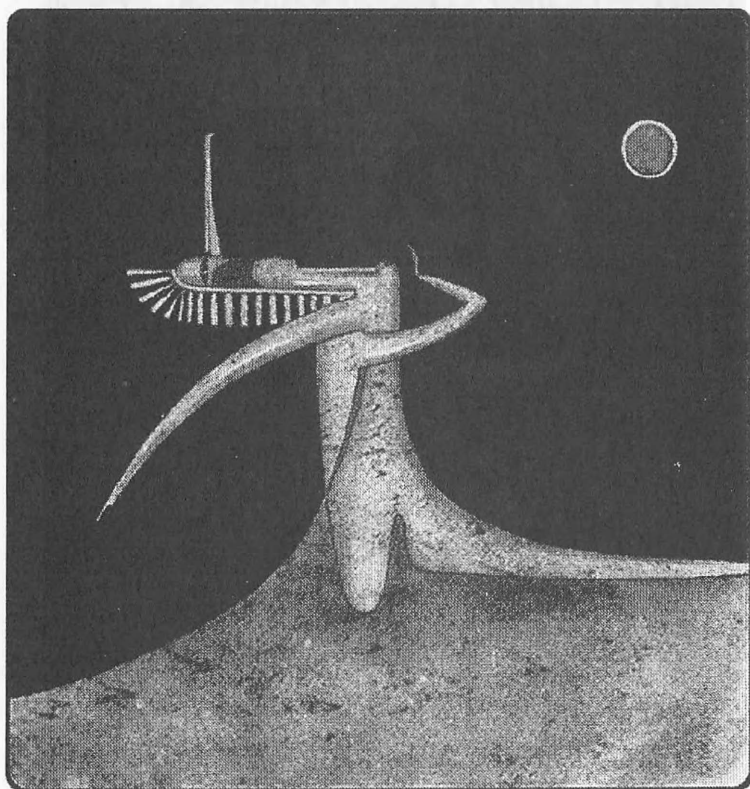
СВЕТЛАНА НОВИКОВА-КРАМЕР

Родилась 22 июня 1959 года, в городе Прокопьевске. В 1974 году поступила в Кемеровское художественное училище.

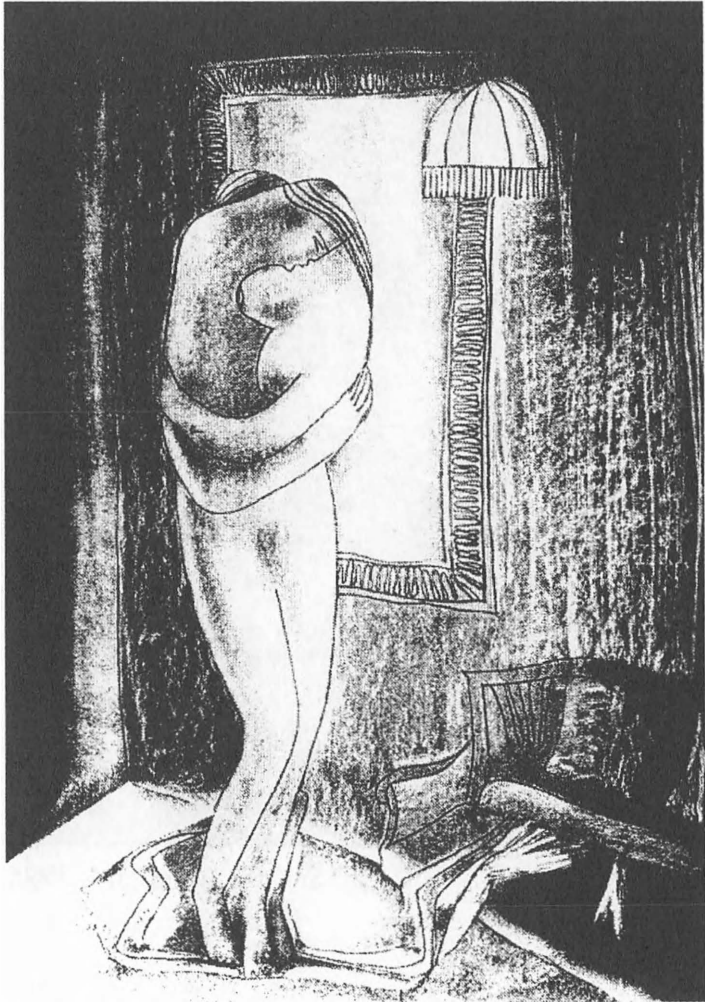
В 1978 году окончила его по специальности театральный художник-декоратор.

В 1978 году приехала в Санкт-Петербург, посещала рисовальную студию В. И. Суворова. В 1987 году поступила в ЛВХПУ им. Мухиной, в 1991 году окончила факультет «интерьер и оборудование».

1982 г. Зональная выставка Сибири и Дальнего Востока (г. Кемерово).

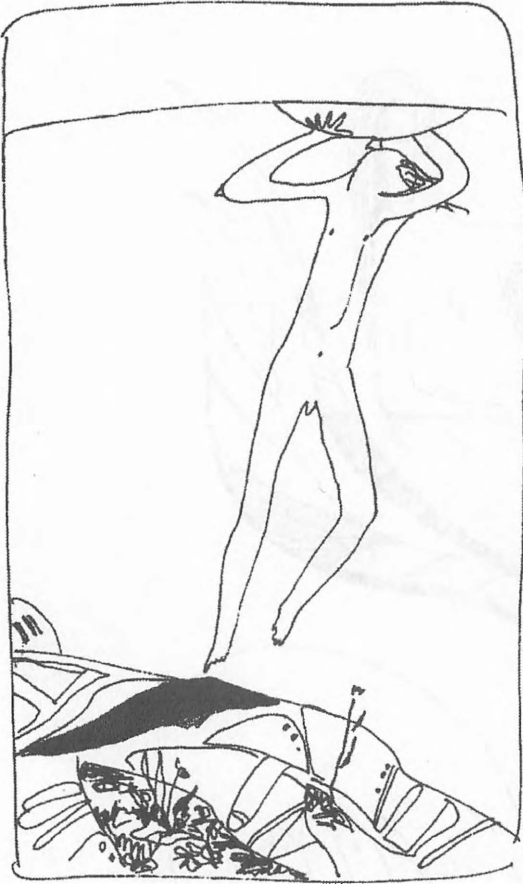
„Тот - бог мудрости“. 1995

„Зеркало“. 1993

„Мой маленький друг“. 1995

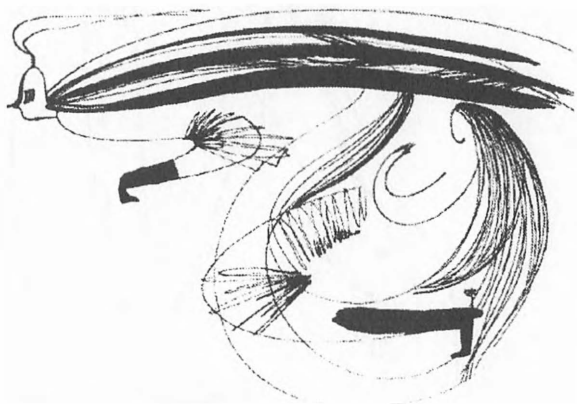
„Мужчина“ . 1994

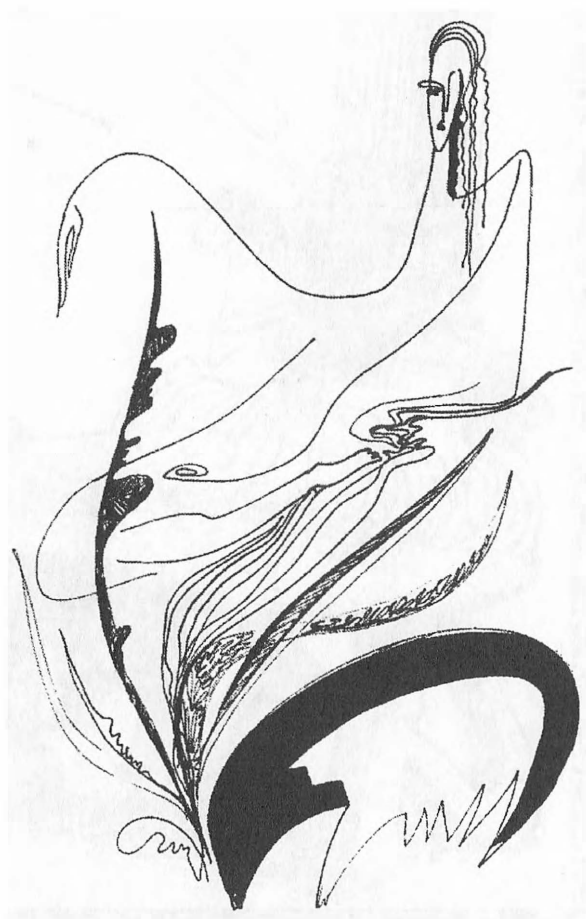
„Люцифер“. 1994

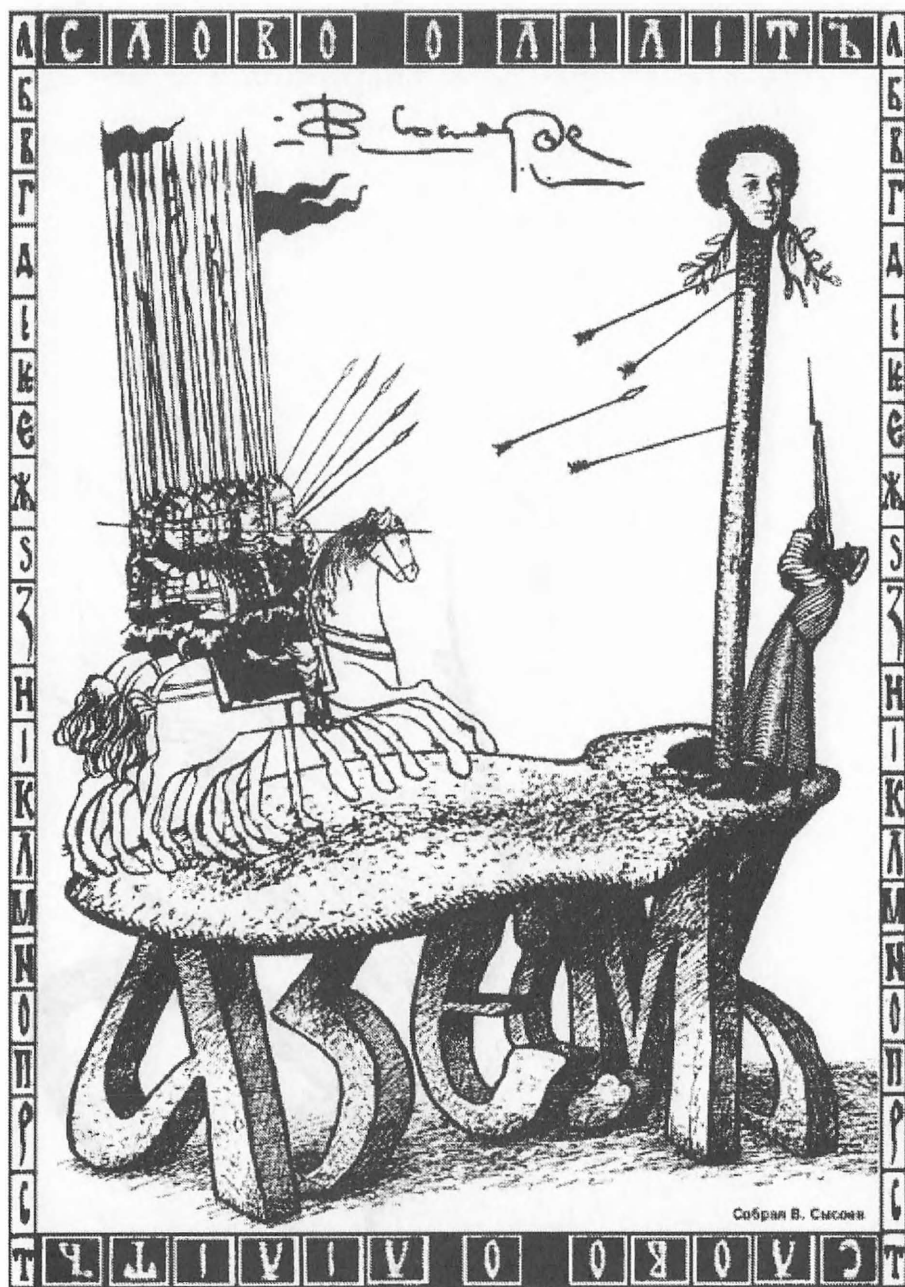
„Материнство“. 1994

„Погоня“. 1994

„Мой маленький друг”. 1995

ВИКТОР СОСНОРА

Речь о Лилит

*«Как предание говорит,
прежде Евы была Лилит,
прежде Евы Лилит была,
та, что яблоки не рвала.
Не женой была, не женой,
стороной прошла, стороной.
Никогда не вернется Лилит,
но забыть себя не велит.»*
В.Ш.*

Первая буква русского алфавита АЗ.
АЗ - это Я. Вторая буква - БУКИ - БУКВЫ.
Я - буквы.
Поэтика - это Я, жизнь (vita!) букв.
Я - БУКВЫ, Я - ЖИЗНЬ БУКВ.

1. АКСИОМЫ

Не зная Азбуки, я жестикулирую и говорю громко: ЮЮ, КУКУ, МЯУ, ШШ, ГАУ-ГАУ, ЧИВ-ЧИВ, это я подслушал у животных. Шире шаг! - я могу петь, как пингвин, и кричать ай-ай-ай, - как шакал. Я могу приказывать ногой и водить рукой по женским бедрам. Элегантно, но это мимика. Я могу говорить УУ, пугая бронтозавра. Я могу высовывать язык до пояса и бить со звоном в натянутую кожу, - это бой, к бою, барабан. Одним словом, я могу жить эгоценно, как видим, но писать никак. Язык, высунутый до пояса, -

*Вадим Шефнер, советский поэт

хороший перформанс, но он не означает ни ораторского искусства, ни красноречия, ни галлиямба. Я нечленоразделен, мои понятия однозначны. Язык образуется только у тех, кто изучил алфавит. Аксиома первая.

Я изучил алфавит и могу рисовать каждую букву в отдельности. Мне страшно хочется писать слова, но я не знаю, как. Я пишу АВС рядышком, но чувствую, что это не слово. Никто таких слов не говорит. Я ищу учителя, и он объясняет мне, как составлять слова. Но слов самих по себе мне недостаточно, они только фиксируют предметы: мама, труба, топор, мамонт, яма, огонь. Или движения: ем, пью, иду, плюю, целую. Я пытаюсь описать свои действия, получается: я ем мама, я иду яма, я плюю мясо, я пью топор, я целую костер. Нереально. Мрачно. Можно ошибиться и напутать, и мне за такие слова попадет от современников. Я пишу про дом: избушк уж привык.* Нежно, но это по-немецки. Расстроенный, я иду к учителю, и он объясняет мне грамматические правила. Без грамматики нет освоения речи. Аксиома вторая.

Я умею говорить, непринужденно. Я держу перо тремя пальцами руки. Я говорю во всю глотку и пишу короткими и длинными фразами. Я могу читать книги о рыбной ловле и охоте на моржей, о девонском периоде и об архитектуре пещеры с встроенным унитазом. Я читаю книги Гиннеса, о военно-промышленном комплексе и о социализме с человеческим лицом. Я читаю о СПИДЕ и о позах в секс-салонах. Но душа моя кипучая, мозги настоящие, с изгибом, а ноги при ходьбе и сидя поют до-ре-ми (и ля!). Мне говорят, что в таких случаях пишут стихи, волнующие. Мне хочется писать стихи, но я не знаю, как, и нигде не могу их достать. Если я не посмотрю или не услышу хоть одно стихотворение, моя энергия уйдет в другое применение: я стану капитаном государственной безопасности, доктором филологических наук, мастером по стрижке женских волос, политическим комментатором на ТВ, президентом акционерного общества МММ, директором налогового управления или даже, может быть, - начальником железнодорожной станции Мшинская. Это

---

*Рейнер Мария Рильке писал стихи по-русски Это его строка

должности грамматические, но не литературные. Поэтом я не стану. Не прочитав и не услышав ни одного стихотворения, никто не может быть поэтом. Аксиома третья.

Я прочитал первую книгу стихотворений. Вздуроражен мой организм. Автор с фамилией. Пишет понятно, ритм один и тот же, рифмы чередуются крест-накрест. Он пишет про перестройку, гласность, реформы, о том, что Родина слышит, Родина знает, про подмосковские вечера и про то, хотят ли русские войны (не хотят!), и про космический корабль Восторг-1 и Восторг-999. Замечательно! Я тоже пишу про все это такие же стихи. Я - поэт! К тому же он Лауреат. Я тоже хочу быть таким. Есть ли еще авторы? На всякий случай, я читаю книги не менее значительных мастеров. И у них ритмично, и у них в рифму. Достаточно, думаю я, и пишу, и пишу. И печатаю, и получаю гонорары, и на них ем щи со свиной, бублики, пирожки с морковью, и пью вино Портвейн-777. Ко мне идет слава в газетах и за ней идут женщины без трусов, с высоким задом и толстыми ногами, как киноартистки. Я страстно жму все груди этих женщин и люблю я, усталый, прилечь с ними. Потом я печатаю книги одна за одной и покупаю ботинки с подошвой, и строю дачу на Мшинской (станции). Потом я покупаю видеоманитофон, факс и одноразовые шприцы. Аксиома четвертая: если читать книги авторов с фамилией и больше ничего не читать - получишь много мисок, скафандр, твердокопченую колбасу и даже пост главного редактора Академии русского стиха, то есть, то, о чем можно мечтать в жизни.

Но мой дар не низкий, а высокий. Я езжу за границу, в Москву, я иду в Библиотеку поэта и читаю тысячи ночей тома поэтов-международников, эти пишут по-разному и сильно: библейки, рильки, лорки, элюарки. Я пишу как они, и может быть, сильнее: нет, сила в том, чтоб дуб пылал! Глаголом жми сердца лютей! Но есть же Божий Суп, наперсточки разврата! Я знаю - истина в войне! Я на всем, что с телом ставлю тигиль! Я - дот, кого не беспокоют! Мне на шерри бросается век-володав! Я буду шить, как сарафан, - биде!*

Опустошив полки поэтов, я сталкиваюсь с полной неожиданностью: оказывается, есть книги по теории стихосложения. Я изучаю. Изучив

---

*Наш поэт очень индивидуально читает строки: Державин, Пушкин, Лермонтов, Блок, Маяковский, Хлебников, Мандельштам, В С

теории и написав по всем образцам, я выдыхаюсь и писать не могу. Не о чем. Все написано до меня, виртуозами. Я оставляю аксиомы автору этой статьи и писать не буду. Вариантов нет.

Варианты есть. И тут мы подходим к притче о Лилит. Первочеловеку огонь обязателен: после грома и града Адам берет спичку, зажигает дрова, накаляет скалу и сушит спину. Потом тушит огонь. Хочется сладкого, калорий, белков и аминокислот - берет мамонта с полей, рубит ляжку и ест бифштекс с костра, с кровью. Это потом в Раю появляется Бог-Фрейд и дает Адаму ребро. Ева - инструмент человека. А пока не потушен костер, из огня возникает Лилит. Не выпрыгнутая из костра, а сама огненная, женщина-огонь, кислород O_2 , горит. Адам смотрит на Лилит всеми глазами и любит. Адам ходит вокруг да около, с развитыми членами, мясо, кость, лимфа. Ступит шаг - палит, любит Лилит - сгорит. Сердце стучит: обнимет Лилит и будет он кто? - Испепеленный; от жизни будет одно жжение. Или я возьму Лилит и сожгу судьбу, или я найду Еву, фаршированную яблоками. Я выбираю Еву. Я жертвую ребром и беру Еву, социологиню, а Лилит обойду стороной. Я хочу рожать не жар, а эмбрионально.

Греки логоса «Ева» не знали. Эта подруга Змия появилась спустя 4 тысячелетия. Сапфо, горя огнем, сожгла великого Алкея и бросилась со скалы в Эгейское море, чтоб погасить себя. Она прославилась необычайной любовью к мужчинам и девочкам, сожгла их всех, как поленья, изобретает сапфическую строку и стих. Алкей изобрел строфу Алкея, в огонь пошел легко и жил счастливо, еще он сражался мечом, как мужчина. Еще он устраивал заговоры и революции, жил на острове Лесбос среди лесбиянок. Милое место для поэта, александрийца. Убит в бою.

Эмпедокл, потомок богов и царей, отказался от того и другого титула, любил жриц и пифий, факельных. Пишет поэму, как в космосе среди звезд и планет, астероидов и огненных колесниц летают в беспорядке руки, ноги, части черепов, кишки, позвоночники, локти, скелеты, жилы, аорты, волосы, усы, половые органы, печень, грудные клетки, уши, глазные яблоки (он в подробностях описывает анатомические детали) и методом проб и столкновений, часто ошибаясь, в конце концов соединяются в человеческие тела. Но почему-то

не идут на Землю, а куда - ... не говорит. Эмпедокл, огнепоклонник, жил с двумя чашами - вина и наркотиков, ходил и ездил всюду, мастер колесниц и коней. Бросился в вулкан, в Этну, в кипящую огнями лаву.

Гомер открытыми глазами смотрел на солнце, ослеп. Ослепнув, написал Илиаду и Одиссею, населив навсегда Землю и Мироздание героями и богами. Гомер - энциклопедия прообразов всей мировой поэтики. Те, о ком я пишу, александрийцы. Их много, вообще-то, но мы - об избранных.

2. МЕТРИКА

Поэтика - это метрика. Не музыка, не будешь же читать стихи и держать в зубах кларнет-пистон. Для чтения нужен открытый рот, а не сжатый. Чтецы-поэты исполняли себя под кифару: рот свободный, звуковой, а руки заняты, отмечая ритм (оттеняя) струнами. Партитура стиха сложнее музыкальной фразы. Это греки, мелодекламация. Не певцы, кифара - вспомогательный инструмент, так сценичней, на публику, амфитеатр. Ни Архилох, ни Пиндар, ни Коринна никогда не стояли на состязаниях поэтов без кифары. Но это и называлось «состязания поэтов». Не кифаредов. Кифареды выступали с пением, голосовым, виртуозы.

Александрийская школа поэтов изучала метрику, скандирование, речитатив, клаузулу и поверхностно кифару. Эта школа дала миру сложнейшие и тончайшие узоры ритма: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, спондей, прокелевзматик, 5 пеанов, бакхий (анти и палим), амфимакр, молосс, ионик восходящий и нисходящий, антиспаст, хориямб, 4 эпитрита, трибрахий, диспонеи, дохмий - я называю главные. Учила и комплексному стиху, и строфике. Они понимали и значение графики, выделение из текста разными буквами (курсивы, нестандартные шрифты) или же рисование всего стихотворения в форме голубя, орла, фонтана, розы, акрополя, или же деревьев (орех, фига, платан). Есть поэмы о битвах, нарисованные шрифтами в форме сражений с отдельной фиксацией коней, гоплитов, оружейного арсенала и даже с пейзажем: водопады, скалы, пикирующие боги, как бомбардировщики.

Это отпало у римлян. Латынь отказалась от полигамии искусств, от трагедии, от поэтических фестивалей, исчезли мистерии, греческие ритмы переиначиваются в кокетливые гекзаметы, поэты ставятся кифаредами на сцену и не декламируют, а поют в цирках, аккомпанируя боям гладиаторов. Но латынь, но век Катулла - антиказармы, сарказм, издевка, идиомы, сленг, шалости. Катулл тянется к вину (фалерн!), к Лесбии (этих лесбий у него не сосчитать!), бисексуален, антифилософичен. Катулл - чувственный, быстро бегущий, римлянин, но потомок этрусков, он блистает греческим, переводит Каллимаха. Забавно, что книгу «безделок» он пишет редкостными размерами Александрии - фалекии, гликоней; изобретает галлиямб. Он отождествляет себя с Аттисом, сыном и любовником Кибелы, огнедышащей. В 30 лет после пиров и безумий, неимоверного числа эротических походов, транжирств, Катулл оскোпляет себя и уходит к Богине-Матери: в беспредельность.

Император Нерон - и то, и не то. Поэт, но провозглашает себя кифаредом. Прецедент, и нет аналогов в мировой истории: Нерон выступает в театре, в Неаполе, берет первые струны, играет и поет, и вдруг - землетрясение. Рушатся дома, статуи, взрываются водопроводные башни. Народ-театралы бегут из театра, ломая кости друг у друга, а Нерон - на сцене, спокоен, покрашенный, с золотыми блестками в волосах. Поэт - поет. Падают стены, кричат трупы, зажигается со звоном огонь, льются дожди и смола, купол летит прочь. Отметим-таки: стены, сложенные из гранитных глыб, катаются по партеру, в земле от трясения щели и бездны, а Нерон поет среди носилок с раздавленными. Допето по статуту, подносит себе чашу вина, пьет, поворачивается на котурнах и выходит из театра. Нерон - героический поэт, но ошибочный: писал прекрасные стихи, но на греческом, мало кому понятные, запретил переписывать их под страхом смерти, провозгласил себя певцом, но голос имел тонкий и сиплый, на кифаре играл грубо. Он считал низостью издавать книги, не напечатал ни одной - поступок, не повторенный никем. Духовные достоинства Нерона выше всяких похвал, а ошибка-то пустяковая, но роковая - не напечатался, исчез - римлянин, координация не та.*

* Он остался в Анналах как графоман и трус. Об Анналах. поэт - синоним графомана, иначе б он не писал. Но трус. Редко поэты владеют стихом и умом. Нерон владел. Сжег Рим,

Александрия - это множественность богов, ритмов, идей, форм, энергий. Множественность жизней. Я. Кто-то сказал о них «огнецветные пляски».

И самосожжение.

Христианство** - это 1 Бог, 1 жизнь - Ему, 1 догма - черные одежды, 1 форма - первобытнообщинный строй, Мы, ритм - коленопреклонение, 1 идея - нищета, 1 энергия - сжигание всего, что не МЫ. Христиане сжигают александрийскую библиотеку. В средние века метрика забыта.

Но есть уголок во Франции: Сорбонна. Школяр Вийон, шумный, скандалист, пьющий, эллинист, вор и шулер, убивает в драке, пишет акростихи, стихи шифрованные, переносит слоги из строки в строку и комедиант - взор на мир, как на «исповедь» в тюрьме накануне казни. За пять часов до конца он, таки, пишет «исповедь», - издевательскую поэму и кончает виселицей. К образу Вийона претензий нет. Гармоничен. Мало того, что и замечательно метричен, но не обретает тему: поэт и веревка. С изобретением пороха тему разнообразят пулей. Но это тавтология.

Итальянское Возрождение ничего не дает стиху: терцины, канцоны, естины, сицилианы, триолеты, тернары, сонеты, ронда, рондели и т.д. - о да, строфика дышит, но сантимент, маньеризм, упражнения, гитаризм, но метрические размеры в сущности те, новых нет, Лилит не горит.

Но Возрождение имеет аномалию: Данте. У него настоящий мрак, Ад; христианин, казалось бы. Его круги Ада моральны. Но он изобрел новый итальянский язык. Его мрак - греческий, мощь, огонь

грязный город, катакомбы, метрострой, лачуги, сырость, вонь, кишасшие вши, антисанитария, в окнах бычьи пузыри вместо стекол, деревянная гниль, известь... Нерон эстетик, любил красоту. Он запалил эти груды помоек и когда огонь поднялся и соединился с небесами, он ток и сказал: „Какая красота!“ И в три года, тратя свои сбереженные миллиарды сестерций, он строит новый Рим, чистый, мраморный, с садами, аренами, театрами, дорогами. Ничего, живут и сейчас в нероновском риме италианцы. А трус. Я даю образец гражданской доблести последнего часа: когда его колот кинжалом раб, он воскликнул: „Какой великий артист погибает!“ - о себе! На редкость - самооценка, императорская. Присоединимся.

**Под этим словом здесь и дальше я подразумеваю административную религию. Но приветствую индивидуальную.

повсюду. Сражался с гибеллинами, меченосец. В венец цветов окружает Беатриче, жену, вопреки ее многодетности; церковные штучки. Если ж на Данте смотреть прямо - строитель Ада. И Ватикан - смотрит. Морализация наизнанку. В Ватикане переполох: антихрист, иерарх Сатаны. Гудение огня соответствует буллам, а инженерия кругов - нет. Изгнан из Флоренции. Вознесся на Олимп в одиночку, без конфирмации.

Еще моралист, вельможа Гёте. Интерпретатор Фауста, алхимик, археолог, анатом, тактик. Его космогонии - самый левый фланг эллинизма - к Эмпедоклу, абсурды и силы каббалы. Но жил непростительно долго и умер - в кабинете. На смертном одре лежал как неалександриец, а некто с министерским портфелем под головой. Вместо камня.

Его ученик Байрон - хромым, оратор, каинист и мефистофель, певец инцеста, лорд, боксер и пловец, изобретатель романа в стихах, байроновской строфы и байронизма. Бунт против 10 заповедей он поднял на высоту пьедестала. Как и учитель, космогонист. Отрицатель отрицания. Изгнан из Англии, символический вождь карбонариев в Италии, на собственные миллионы покупает оружие и политиков, возглавляет греческое восстание. Он уж шьет мундир короля Греции, первая примерка, но, охваченный огнем, умирает - белая горячка. Байрон потряс континент, Европу и зажег прометеев огонь русским. До Байрона мы мылись вениками и читали Псалтырь, в зубрежке.

3. АВТОР «СЛОВА»

Не так-то уж, с байронизмом.

1187 г. «Слово о полку Игореве». Верлибр. Не ритм-проза Дафнис+Хлоя, сладостная, детский секс, нимфетка, козочка и розочка, мальчик и пальчик, - пишет зрелый муж, с оружием, автор войн по окружностям границ народов-кочевников. Призывы князьям объединиться в золотое стремя и отомстить за Землю Русь, за раны Игоря. Русская земля мирно живет грабежами. У Игоря одна «рана», в плечико, стрелой. Он с гигантской армией пошел в поход на половцев - разбит с позором, взят в плен. Объединение и месть -

предвосхищаем идеи Кортеса и Писарро. «Слово» исполняется под струны, крюковая нотопись. Ассонансы и ритмы. Внутренние рифмы. Разностопные стихи. Сны. Плачи. Грабежи. Сцены битв. Песни. Гимны. Шесть сюжетов. Звукопись. Ирония. Изощреннейшая ритмоударность. Мужественный взмах коней. Живописания. Автор живет полноценной грудью. Не скальд, не Роланд, не византийство. Нет эротики. Нет слова Бог. Нет креста. Солнечное затмение. Лисы, орлы, шакалы. Это русский язык в красках крови. И всё это - на 4-х страницах! Кто Автор, поющий в степи, где нет ни одного голоса? Откуда язык в стране, где до Автора нет ни одной поэмы, а после - еще 700 лет! - тоже ни одной?

Версия подделки, блистательной мастерской кн. Мусина-Пушкина и кн. Львова (конец 18 в.), нашедших много древнерусских текстов, или якобы нашедших. Или написавших палимпсест под влиянием Макферсона с его Оссианом. Ведь из той же мастерской одновременно со «Словом» выходит сборник Кириши Данилова - весь многовековой русский эпос, никогда никем не слышанный и не читанный. Сборник равен по мастерству Автору, но необычайно широк тематически: былины, песни, сказания, бытовые опусы, мир тысяч имен! Неведомых никому. Лев Гумилев утверждает, что все это - перевод с каракалпакского. Но Мусин-Пушкин и Львов на виду и не каракалпаки.

Приведу и я контраргумент Автору. Кирилл и Мефодий изобрели славянскую азбуку где-то в 870 г., греки, монахи, по образцу византийского алфавита.

В 1009 г. Ярослав Мудрый пишет «Русскую правду», юридическую, на церковно-славянском, смеси греческого и болгарского. Ярослав полугрек. В 1111 г. пишутся «Поучения Владимира Мономаха» на том же наречии, этот полный грек, грекофил и грекоман. Язык нелюдской, герметичный. Их переводят на русский через 400 лет. Каким же путем через 67 лет после Мономаха является Автор и пишется «Слово» - на животрепещущем древнерусском? Убийственный алогизм. С чего с ничего Автор создает гениальный язык? Ньютон появился не из пустот, а из механики. Дарвин от Линнея. Эдисон от электричества. Откуда же Автор, и может ли быть

«Слово» или не может? Но мы о мельнице: вода одна, а мельниц много. Жестче, жестче вопросы.

Может и не может

Вначале было СЛОВО и это СЛОВО было БОГ. Туманы, и опять аксиоматика. Бог - это слово, или слово - это Бог? Не разберемся, не теологи. Зевс родит Афину-Палладу из расколотой молодой головы. Неанатомично. Евреи приехали на ковчеге на Арарат и ходят по землям в позе армян?* Истоки легко найти всюду, у французов, к примеру, нет проблем: что-то не так - ищи женщину!

Шарик земной вертится у Бога меж ног, как шар, полный семян, потом Тот его стряхнул и мы строим социализм с человеческим лицом. Биологично. А лицо для чего? Чтоб бить по морде? Бьем. Я - выходец из капуст и пою Лилит. Почему не Александрию?

Ньютон появился не из пустот, а в саду, глубоко мысля. И вдруг с дерева упало яблоко и стукнуло его по голове, и, описав дугу, упало на землю, звеня и подпрыгивая. Ньютон осенен: всякий предмет, который падает вниз, не кружит, как коршун, а летит на Землю. Так возникла теория притяжения Земли. Подними нос и отпусти, и он опять упадет на Землю. Взойди на когтях на скалу и вспорхни - планировать не будешь, грохнешься оземь; гравитация. Замечательный закон! Сколько школ и академий нужно пройти, профессор, чтоб стать композитором теории гравитации? Ни одной. Ходи по саду и - стукнет. И многих, много голов избиты яблоками за 30 млн. лет до Ньютона, и ни одному не пришло в голову, что это-то и есть гравитация. Может, и меня стукнет «жизнь», или сорвется с цепи Луна и даст по башке, и я не допишу эту статью, такую многозначительность! Торопись и не медли! - подбадривает невесту Катулл Веронский. Продолжаем.

Мэри Эннинг, девочка 11 лет, выбивала из шотландских скал аммониты, молоточком. И продавала туристам. На хлеб-соль-мед ей

---

*это выводы Гитлера, „Mein Kampf“

хватало. Как-то вместо аммонита она выбила из скалы ихтиозавра. Повезла на телеге в Королевскую Академию и ей дали много шиллингов. Она купила дом для семьи и тем молоточком стала выбивать из скал и выбила дино-стего-бронто-и мн. др. завров, скелетики, ни один не попортился. Девочке Мэри Эннинг принадлежит честь открытия истории археологии Земли. А великий Кювье - кто? Аргументы это, или нет? Я не учитель чудел.

Уже после Мэри Эннинг построили «Бигль» для Ч.Дарвина. Дарвин усажен в каюту и пьет в гамаке морской ром. Когда же «Бигль» швартовался в экзотических бухтах, ученый ловит сачком обезьян и они пьют то же пойло. После морского рома у них (Ч.Д. и обезьян) появляются сходство и единомыслие. А главное, - тот же облик! Одинаковый! Ч.Дарвин тут же трясет мир: обезьяны - человекоподобны, человек в процессе эволюции произошел от обезьяны. А от кого в «процессе» произошли обезьяны и почему у них нет «эволюции»? - От человека, видимо. Объяснимо.

В России всегда ненавидели поэтику, а точней, - артистизм. Княжна Ольга (9 в.) зарыла живьем в землю, в канаву волхов. Иоанн Грозный запер у себя на дворе лучших скоморохов страны и натравил на них 300 диких медведей - съели, с косточками. Петр Первый писал по-голландски, а русские книги и иконы со всей Империи везли возами в Санкт-Петербург и на хворосте жгли. Мы гордимся этой самобытностью - не стоит. Во всех странах при каждой «новой идеологии времени» - жгли, жгут и будут, это норма. Но есть и отличия: в книгохранилищах СССР до сих пор лежит 2 миллиона рукописей и книг, никогда никем не читанных и не разобранных. Их никогда и не прочитают, если у нас сейчас 3 специалиста по древнерусскому языку, академики Д.Л., В.Д. и А.Д. - три персонажа на 300 млн. человек населения. И еще: мы твердо убеждены, что за 1 тыс. лет Российской империи были варяги, потом Грозный и Первый, предтечи. А потом сразу же - Декрет 1917 г., от него и датируется настоящее время. История - сверхсекретная тема в русской истории. Тут, мне кажется, мы неоспоримые лидеры цивилизаций. И если Автор «Слова» сверкнул, то и то, анонимно. А в 2-х миллионах музейных папок сколько может быть авторов? И прибавлю, Западу: а вдруг найдут Атлантиду и раскопают Сибирь? Что

начнется? Не будем ли стучаться головами и мой дифирамб Александрии не будет ли преждевременным?

4. ОТ АЗБУКИ К ЯЗЫКУ

Итак, под аккомпанемент лиры де брачио Леонардо да Винчи, листая его же графику латинского алфавита, мы подходим к Русской Азбуке. Открываем.

И Европа, и Россия наследуют античную метрику. Но Рим соседствует с Грецией, модифицирует ее богов и переходит незаметно к латинским начертаниям. Россия в один день заимствует у Византии и религию, и алфавит.

Европа создает из христианства религию подъема культуры, торговли, финансов и юрисдикции - Римский католицизм. Россия безоговорочно берет религию упадка Восточной Империи (изоляция, сектантство, нетерпимость) - православянский византизм.

Католицизм - религия индивидуализма, энергии, конкуренции. «Я принес вам не мир, но меч». Чего стоят блистательные ряды пап из рода Борджиа и Медичи! Император Карл идет на поклон к Папе, в одиночку, через Альпы - с непокрытой головой! Патриарх всея Руси - жалкая ложка (правда, большая!) при царе и лижет ему туфли с завитками. Святейший Синод - «Всепеньейший Собор», как Петр Первый точно пародирует православянизм.

Католицизм открыт для коррекции - религиозных войн по всей Европе, появления региональных фигур (Гизы, Лютер, Кальвин), многообразию ветвей и фракций (св. Франциск Ассизский, св. Августин) и даже женскому движению - св. Кармелита, св. Тереза, св. Агнесса.

Православянизм - иерархия монолита, где нет ни одного имени, ни одной ветви, ни одной фракции, ни мужской, ни тем более женской. Религия инерции, надсмотрщики рабов, где на каждой нарукавной повязке написано: «Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую». Православянизм канонизирует «святых» по спискам: цари, чиновники департаментов, функционеры Святейшего Синода и монашеские чины, прославившиеся самоистязанием или же

исполнительностью. В общем - служба. Служба Царю, служба в церкви. Отсюда - изоляция, отрицание всего, что не МЫ, а МЫ - Самодержавие, Православия и Народность. Отсюда - «монгольское иго».

Средняя Азия с арабской, персидской и ново-мусульманской культурой встречает Чингис-хана дамасскими клинками Хорезма, длинными и убийственными луками киргизов, копьями зеленых знамен ислама - узбеков. Бои были бесстрашные, технология сражений высока. В бой шли эскадроны таджикских верблюдов, одетых в железо, одним копытом убивающих льва или монгольский авангард. Конница черных всадников туркмен на высоких арабских скакунах длинными саблями косила пеших татар. Легковесные каракалпаки арканили низеньких татарских лошадок. Лучшая в мире гвардия Чингис-хана - темуджины и уйгуры с главнокомандующим корпусами Субудеем 6 раз брали Самарканд. Бухару разграбили, но не победили. Хива не сдалась. С уходом монголов в Россию началась новая и жесточайшая война в тылу.

Радостно возбужденные достойными соперниками и награбленными драгоценностями, шелками, коврами и парчой, монголы ожидали того же и дальше, в России. И увидели: отряды, одетые в собачьи шапки, треухи, в лаптях, на клячах, без стремян, с вилами, дубинками, грубыми ножами и сучковатыми стрелами. Сражений не было. Нет, одно: на Калке, уже при Батые, с княжескими войсками в золотых шлемах и таких же кольчугах. Батый был так изумлен, что у русских нет железа, что приказал снять золотые шапки и бить по щекам (хан знал заветы!). Сняли, били. Заняли Россию массой, но из-за отсутствия городов и продовольствия тотчас же и ушли, не тронув ни церквей, ни теремов. Они в первый раз встретили народ, добровольно подставляющий щеки. Ясак! - И назад, в Монголию.

700 лет безмолвия этой страны не могли дать языка. Русская метрика заговорила при Тредиаковском (18 в.). Императрица Анна секла розгами на конюшне этого первого гекзаметриста. Потом секла его императрица Елизавета. Но тут ударил гром Державина, громкий. При «просвященной» и «либеральной» Екатерине. Второй.

Державин уже возможен. Он первый вынул из-под пресса драгоценнейшие пласты русской речи, строит свое Адмиралтейство, от фундамента до купола, нагружает его ритмикой, рифмами, строфикой - одним словом, тут хранится весь опыт антологической и европейской метрики. Многозначно! Державин - первый поэт и Учитель нашей литературы. Но, как всякий титанид, он нечеловечен, громок, косноязычен и архаик. Ему немедленно нужен ученик, и не сын, а внук поколения.

Время идет в ритме молниеносных армий Наполеона. На Россию шли штыки 12-ти стран, а с ними и конец летаргии. Наполеон, этот гений энергии, одним щелчком перчатки разбудил спящий регион. Ну, что ж, Бородино показало и силу народа-содата, но важнее того - открылся гений пятнадцатилетнего мальчика с веселым именем Пушкин. Пушкин - редкость мира, он молния, Наполеон русской письменности. В 15 лет с легкими лестницами он захватывает Адмиралтейство Державина, снимает со стен самые драгоценные реликвии, выбрасывает в Неву басовый ключ дедовской мелики, и с курчавой головой, свесив ноги с подоконника, играет на скрипке и флейте. В 20 лет запускает поэму «Руслан и Людмила», - как разноцветную ракету, - в знаменитейшего Жуковского, впитывает его цветы и росу и отстраняет Учителя-2 от должности. К 30-ти годам Пушкин - признанный Империей изобретатель нового русского языка. Пушкин - наша гармония, мастер любого метра. Теперь отсчет народа пойдет «от Пушкина». Пушкин - наше солнце.

Пушкин - чистой воды бриллиант-анакреонтик, живет он в Элладе, а не в Николаевской России. Его моцартовская одухотворенность не вписывается в народную демагогию императора Николая. Любовник ветреный, шампанский, нервноподвижный, наездник, картежник, его высший Дух, генетичный и обоюдоострый, сталкивается с реальностью: царь-цензор Николай женит поэта, и вот уже 32-летний муж и отец 4-х детей Пушкин - юнкер при Николае, он бросает стихи и идет в архивариусы (опять же при Николае), не выдерживает, берет пистолет и стреляет в первого попавшегося Дантеса. Но пуля попадает в Пушкина. Россия лишается поэтов на три четверти века, но пушкинской школой живет вся проза 19-го столетия: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Лесков.

5. ДЕКРЕТ 1917 ГОДА

Убивает один, отвечают все. Убивает один, но в льющееся кровью тело вся группа втыкает ножи, каждый. У юристов это звучит «круговая порука». Круг рук начал с Азбуки.

Аз - первая буква русского алфавита, означает Я с высоким венцом: АЗ БОГ, АЗ ЦАРЬ, АЗ ПРОРОК, АЗ ПАТРИАРХ, АЗ ПУШКИН. В массовом же употреблении АЗ просто «а». А, впрочем, любой мог сказать: АЗ - ЕСМЬ! Я - есть! АЗ вычеркнули и оставили ни к чему не обязывающее «а». Аморфное «а» может сказать и немой. Еще: большинство букв Русской Азбуки имели числительное значение. АЗ - единица, 1. И, вообще, все числительные значения букв уничтожили, как излишнюю роскошь.

Большинство букв Русской Азбуки имело и названия, к примеру: Б - БУКИ - боуки, то есть буквы. С букв сняли значения и оставили строчное «б». А строчное «б» уже вне филологии личности это может быть и баба, и барабан, и бомба, и баланда, и балбес, но не БУКВЫ.

Г - имело название ГЛАГОЛЬ. Никаких глаголений, вычеркиваем, пусть будет «г» - гад, гнида, говно, гудок, гопля, горох, график.

Д - ДОБРО. Было 9 значений, все сняты, осталось вечное, строчное: дурак. И производное - дурында, это что-то, прессованное из шелухи семечек, гороха, конопли, также дурында - ласковое обращение к женщине.

Е - ЕСТЬ. Я - есть? Отнюдь. Значение вычеркивается и оставляется «есть» - еда. Правда, потом они и еду вычеркнули и оставили «есть!», солдатское, мне командуют, я стучу сапогами и кричу «есть!» - подчиняюсь.

Ж - ЖИВЕТЕ. Вычеркиваем. Никаких жизней, многовато. Оставим голое ж: жопа, железо, жмых, жила, жетон, жлоб.

З - ЗЕМЛЯ. Употреблялось, как земля, отчизна, одушевленное. Осталось: земля - планета, аппарат материи.

И - имело 17 значений, в женском роде ласкательное мати. Снято. Никаких ласк, борьба. Оставим мать со всем исходящим отсюда матом. 15 значений снято, осталось 2: союз и междометие.

Л - ЛЮДИ. Люди уехали, «товарищи», «трудящиеся». Л имело 5 значений, остались 2: лук и липа - овощное и сомнительно-древес-

ное.

М - МЫСЛЕТЕ. Я-то сейчас понимаю, что это слишком. Декрет понял тогда и разумно вычеркнул эту дурь: МЫСЛЕТЕ! Осталось просто «м»: макароны, метла, мерзавец, мудак, мешок, мука (и «муку» вычеркнули, заменив мамалыгой).

О - ОН, божественное, подобное Я. Осталось нарицательное «эй ты, он!». Никто.

П - ПОКОЙ. Еще А.Блок после декрета написал в поддержку: «И вечный бой, покой нам только снится». Осталось строчное «п»: паспорт, папка (канц.), пуля, петля, плакат, победа, перестройка, палец о палец (не ударит), певач (самогон), подлец.

Р - РЦИ, изрекай, пророчь. Предупреждали же, что вычеркнуто, нет, изрекали, пророчили, пришлось применить меры пресечения, неологизм «в расход». Остались на «р»: ружье, рот и ряд.

С - СЛОВО. Не боги, обойдемся без слов. Снято. Оставлено «с»: сука, свистун, сволочь, связист, снаряд, свеча, станок, страх, стена.

Т - единственная буква, у которой не сняли, а дали название: **Т - ТРУД.** В лагерях и на заводах стояли плакаты на фанере: «Труд - дело чести, доблести и геройства». А в аптеках и сейчас плакаты: «Труд - лучшее лекарство». Оставили и еще одно слово на «т»: труп.

Х - ХЕР. Снято название, но «хер» - одно из любимейших слов советского языка.

Ч - ЧЕРВЬ. Название снято, но непонятно, почему, ведь червь, черви - самое популярное слово, охотно применяется ко всякой личности и группе.

А теперь об эстетике Азбуки

Ъ - ЕР, твердый знак. Ставился после каждого слова, независимо от его принадлежности, имеющего окончание на согласную: и Богъ, и кнуть, и дубъ, и такъ, и Федор, и т.д. Это укрепляло слово, обособляло его, но важнее: в написанных фразах давало графическое пространство для чтения, для глаза. Глазу был дан отдых на странице. Вычеркнув «ЕР» из Азбуки, экономят бумагу, но у текстов промежутков нет, сплошной, нечитаемый, шрифтовой, ряды и колонны букв.

Еще о графике. Было три написания Е: просто «е», Е и ѣ или же ѣ-, разноупотребляемых, в 27 нюансах и значения. К тому же, сам рисунок украшал страницы, как и ѣ. Снятие «ять» и «ер» сильно снизило потенциал письменной речи.

С ампутацией речевого, слухового и зрительного аппаратов механически и резко переиначились фонетика, морфология, синтаксис, орфография и пунктуация русской речи.

Русский язык снят, включен советский язык.

Не трогая святые маски из Мавзолея и корифеев советского языка, опростимся: лучше их всех пишет простой советский писатель, мл. сержант от инфантерии В.И.*

«Россия пошла по своему пути - всеобщего единомыслия. И мы, советские люди, впервые договорились между собой, говорим на одном понятном для всех нас языке, мыслим одинаково о главном в жизни. И этим единомыслием мы сильны, и в нем наше преимущество перед всеми людьми мира, разорванными, разобщенными разномыслием».

Я же писал о ѣ. Вычеркнуто, осталось одно «е» во всей его простоте и однозначности: «единомыслие».

Я - была первая буква Русской Азбуки, стала последней «я», нечто безличное, вроде номерного знака арестанта на перекличке:

- Номер 299.999.999?

- Я.

Вместо Русских Людей появился «советский народ» - МЫ.

6. ФУТУРИЗМ

Алюминиевый гусь с дворцовый герб и гимн империи пушкин четыре поколения мэтров рвали из него перья звонко-клавишной гармонии а он водил вокруг засахаренными глазами гипнотическими

пароход современности вез по волге из корсуня с кавказа молодежь с медными щеками в цилиндрах с нарисованными самолетика-

---

* В.Ильенков, роман „Большая родня“

ми на лбу и под чирикание чаек сбрасывали с мачты вниз в набежавшую волну винную в пузырях александрийское бревно с курчавым чучелом на вершине

ничто не мешало этим смехачам ни тупые воли власти ни царь ни полиция ни народ дуреющий на берегу от семечек помидоров и дынь

они выдумывали аудитории и самолеты ставили фут-оперы снимались в кино рисовали шрифты гремели голосами повсюду печатали книги на обоях без издателей это поэтика высшего вида открытой жизни

серебряный век слюнявит лица с культурностью с туфлей с поэмами на тазобедренных суставах футуризм не боится идти по грудям девушек и вместо элегантности кричать девственнице мария дай или же дайте любую красивую юную себя не растрачу возьму изнасилую и в душу насмешку плюну ей это аристократия

алексей крученых компас он автор слова заумь и формулы заумный язык и это не эпатаж на самом деле крученых считает что поэт имеет право на язык изобретенный лилия прекрасна но название ее пошло а сама затасканная крученых обновляет называя лилию еуы создает род концертного речитатива с чтением выюги волчьих когтей верещанья крыльев ласточкоподобных его заумь от древнерусских заклинания змей и ведьм плясовых стержней марионеток крученых же начинает свой манифест дыр бул щыл убешщур маяковский декларирует есть еще хорошие буквы эр ша ща сравним автор о полку игореве боян бо вещей аще кому хотяще и т д

хлебников пишет поэмы в палиндромах и создает время чисел поворачивает от слепых схем эллинизма к естеству былин плачей вил леших и тавромахии широко разрабатывает корнесловие славянские мифы

футуризм изобретает безразмерную строку разностопную где каждая строфа имеет другой ритмический рисунок их поэмы не монотонные соло классики а оркестр с отдельной оркестровкой хлебни-

ков маяковский цветаева поэты полной азбуки пушкин же остается цветущим жасмином элэмэн

маяковский на все что сделано ставит нигиль версты улиц взма-
хами шагов мнет эй вы небо снимите шляпу я иду урбанист картеж-
ник билиардист вино револьвер ликер женщины сделал поэтику без
строф безразмерной лестницей открыл русский лубок народный
театр мистерии и буффонады скоморошество говорящие куклы его
трагизм потрясает неподдельностью а космогонии Я необычайны по
лобачевскому

пастернак эзотерия цветовая музыка скрябин звукопись на пы-
лающих экранах медитации ритмики ветер и пули соловьев птицы
птицы птицы мистический захлеб лирики он вашу сестру как вакхан-
ку с амфор поднимет с земли и использует

цветаева от альбомной лирики в крученых пятый гений футу-
рум первый гений мира из поэтисс александрийка и бож скандиро-
вание юродство истерия звон здоровья фетишизм жизни и метрики
драматургия конца и дебют смерти снайперский абсолют формул и
конец на веревке отчаянный и нескончаемый не стихотворения а
пульсация логическая

футуризм русское русло басовый ключ желудевый дуб конница
с славянскими глазами но не региональная школа а вторая александ-
рия мировой метрики вокруг них уже сформировались многотысячные
фланги поэтики они недооценили Декрет-17 они давно писали без ер и
знаков препинания и приветствовали прошло эн-эн лет у каждого и
декрет не ограничил себя языком а реформировал и поэтику

От биллиона размеров советским поэтам оставлены два:

ямб: Артиллеристы, Сталин дал приказ!

хорей: Веселей, солдат, гляди!

В лирических ручьях* оставлен один ямб, о четырех стопах:

---

*Запрещены сексуальные мотивы, грудь упоминается только мужская. Все-таки я видел плакат, где изображаются ряды женщин, вставленные в солдатские сапоги, но с голой грудью и с винтовками. Надпись: „Мы грудью двинем на врага!“ Не знаю, что с автором

Любовью дорожить умеете!
 Быть знаменитым некрасиво!
 Не позволяй душе лениться.

Как учит! Кто этот поэт? Нет, их три: 1 строка - Щипачев, 2 - нео-Пастернак, 3 - нео-Заболоцкий. Как целомудренно, скромно.

И только гимн СССР после яростных «нет!» в Политбюро ЦК разрешили написать амфибрахией: «Союз нерушимый республик свободных!» А ведь первоначально хотели сделать гимн хореем по Декрету: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» Неплохо, правда? Хотя смысл и тот же. Но хорей звучал подозрительно лирично, а «Союз нерушимый», конечно же, фундаментальной.

Запрещена строфика: рондо, октавы, фаблю, терцеты и т.д., и т.п. Разрешают поэтам только 2 строфы:

параллельные - это такие рельсы по пути в светло-будущее:

Артиллеристы! Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовут отчизна нас!

и перекрестные - это такие прямоугольнички «для народа», чтоб в обеденный перерыв на заводе «забывать козла» *.

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов.

И как один умрем

В борьбе за это!

Верлибр запрещен под страхом расстрела. Переводят советскую метрику исключительно на рифмы:

борьба - судьба, пойдём - умрем, приказ - нас, любовь - кровь, человек - век, народ - вперед, коммунизм - жизнь, Ильич - клич, еда - вода, день - тень, ненастье - счастье, дома - тюрьма, мой - твой, идти - по пути, лед - взлет, мир - вампир, мы - умы, они - одни, свет - побед, хлеб - нелеп, Родина - смородина, ума - пора.

Затем пошли реформы гласных и согласных: і сняли, ё сняли, ввели й, щ, стали писать в разбивку сч; заменили е; а и о поменяли

*Игра в домино

местами. Из неологизмов оставлены только советские аббревиатуры, к примеру: ВНИИВСХЛПОЦЗ*.

Из языка исчезли родовые бутоны, синтаксис превратился в знаки препинания, библиотеки Великого Десятилетия (1907-1917) вывозят на грузовиках, книги, стоящие, как скалы, - жгут, склоняют их - к ноге! А «поющая речь?» - словарный запас советского поэта 300 слов. Язык стал инструментом госаппарата - некрофилии и некрофагии.

Первым закричал от ужаса Александр Блок. Он кричал и кричал 4 месяца и умер, разорвав себе аорту. Он не мог писать на этом языке.

А футуристы, дети Лилит?

певец амазонок и гилеи эолова арфа хлебников изгоняет себя из столиц жил на железных койках питался овсом из котелка пишет революция тысячам тысяч свободу дала милое дело долго будет помнить об этом но сарказм недолог он умирает как стриж на соломе от холеры чумы дизентерии от голода и истощения

маяковский не изменил метрику и лексику более того он изобрел советский язык в литературе рифм ему двадцать четыре года генерал армии-фут и стратег рисует окна роста лавирует передвигая войска 13 лет он спасает футуризм под масками лефа-рефа собирает сторонников во Франции Германии США Мексике и в конце концов пишет апокалипсис во весь голос заряжает револьвер и разряжает его в левый бок.

А еще, а школа?

нужно отдать должное сбросив пушкина с парохода они бесстрашно сжигают свои корабли гибнут в один день как божидар стреляет себе в голову падают под пулями кожаных тужурок как силлов и альвек и терентьев и лифшиц или сжигаются в паровозных

---

*Всесоюзный научно-исследовательский институт вопросов сельского хозяйства и лимитов полноценного освоения целинных земель.

топках красными звездами как чернов или уходят в туруханский полк или в немоту как 2-й и 3-й председатели земного шара Петровский и Петников или исчерпав все патроны метательные ножи и абордажные крючья залегают на дно как крученных или 30 лет погибая от ТВС последним взмахом грудной клетки выдыхают земле новый огонь как асеев - вэс или как лили брик балерина актриса и скульптор утренняя звезда футуризма кружит сердца огнем и мячом и они охотно горят и не бьются живет заложницей еще 50 лет не выдерживает пишет последнее письмо любите меня еще хоть немного как тихо плачет и кричит ребенок берет таблетки и кончает с собой.

Пигмалион лепит скульптуру ню, с моделью. Но модель гола, делает стойку как собака, с поясницей, изгибаясь тазом, а Пигмалион решает свою сверхсистему идеи женщины. Готово. И, оказывается, у него духовно-половой инстинкт, но не к ню, а к скульптуре, под воздействием этой силы муляж оживает. Мало того, он дает ей имя (Галатея) и они живут в ненормированной любви.

Повторимся: художник при помощи пилы, молоточков, резьбы сооружает из камня куклу, оживляет ее, живет с ней и ни с кем другим. Эллин.

Но апокриф гласит: у Галатеи с появлением имени возникает и Я, и комплекс, что сделана искусственным осеменением, или же генной инженерией, два З и одно В - злоба, зависть и враждебность к создателю, в частности на ложе, при актах и оргазмах он любит, она позирует.

А рядышком ученик, юноша, взятый уж после подметать пол и гладить утюгом нижнее белье. Он не носил помой с этой свалки воскресения, не точил зубила и не сверлил ей центрожизненную точку тела. Не свидетель. Галатея считает свою точку талантом (и она права), и хоть автор и Учитель - Пигмалион, она отдается ученику (контрольный тест!) и убегает с ним.

Ученик, конечно же, недоучка еще, не знает художественного творчества, но у него в руках (в ногах!) прелестнейшая женщина, и они резюмируют: «Пигмалиону что, он мэтр, мастер, ему нетрудно, он еще слепит!»

Он-то слепит!

Но в Афинах до н.э. обычай делать богинь не из мрамора Карары, а из драгоценнейшей слоновой кости. Бивни везли из военизированного Египта, с риском. Слоновая кость по теплоте и цвету далеко превосходит телесность гражданок. Произведения поручались, скажем, Фидию или Праксителю, то есть только божественным, а тут вот - мифологическому Пигмалиону. Он и рубил, и клеил кости, и сверло вонзал там, где это бывает. Добившись приятного вида статуи, женился на ней и жил бы с ней, как хочется, до конца. По смерти скульптора ее ставили в центральное святилище, предположим, в Пантеон, или в Дельфы. Прикасаться к ней посторонним запрещается. Украсть статую у живого мастера - считалось святотатством, а вступление с нею (вора!) в любовную связь каралось смертной казнью, по суду Ареопага. Оскверненная статуя снималась.

Я сказал все. Статуя сожжена, реанимации не подлежит. Русского языка нет. А советский язык? Есть. Говорим. Пишем. Инфинитивы.

Но был и Рим со своей латынью, звонкой. Рим растлили варвары, наречиями. И уничтожили христиане - Декретом Креста. Латынь смело. Латыни нет. Но явилось Возрождение, запел блистательный итальянский. Но к приходу Возрождения потребовалось 1500 лет. Вынесем ли МЫ такой срок, как римляне, чтобы дать даты блистательного бюджетлянства? Не компетентен. Я пишу статью, а не заклинаю змей.

7. ДОРОГАЯ ЛИЛИАН!

Вас интригует письмо, где я говорю о русском и советском языке. Какая разница между ними, ведь и то, и то, вроде бы, русское. О да, но отнюдь. Хорошая бутылка вина и бутылка хорошего вина - все же большая разница.

Или же - как строился Египет? Египтянин встает на пирамиду, зажигает спичку и перемигивается огоньками с тысячами египтян (сигнализация!), сообщая им всевозможные подробности своих господей. Но нужно, чтоб в Египте всегда была черная ночь или затмение солнца - чтоб видеть огоньки. В Египте же, наоборот, дни, посыпанные песком и всегда солнце без затмений. Нет, видимо, в Егип-

те необходима письменность, чтоб обмениваться юридическими актами (хотя бы!), чтоб из конца в конец Египта носились колесницы и голуби с письмами и документами. Египту требуются поэты, а то он оглухонемет.

У глухонемых нет и не может быть ни единого поэта - они не слышат слов. Нет ансамблей, Орфея, Тальмы, Нижинского - они не понимают мотивировку ритмов, *maximum* - компиляция рук, ног, шей, щек, двигатели тела, но это семантика. Работая членами, они объясняются друг с другом, не шире. Еще они гудят. И - интуиты. Они - великие люди, особенная каста, замкнутая на ключ и высокоорганизованная. Адептов речи у них нет. Нет философов, нет политиков. Такая цельная община - Россия - держится 1000 лет и смотрит на губы говорящих. А говорящие? Поэты? Зазвенел один, через 700 лет пять, еще через 100 - десять. Русской литературе всего 200 лет. Вот и еще перерыв в 77 лет, и сколько он протянется?

Согласимся все же после долгих колебаний, что высший выразитель языка - поэт, так уж случилось по Истории, и ничего тут не поделаем, придется смириться с фактом. Да это подтверждает и наш советский опыт, он континентален: 50 лет из года в год все страны празднуют дни смерти Ленина и Маяковского, а Пушкина - 2 раза в год вот уже 200 лет! Учтите - это государственные праздники. Неплохо? Еще бы!

Я живу, как глухой орел с двумя головами, - летаю в Стокгольм, Нью-Йорк и к Вам в Марсель. Мой друг и переводчик *Jvan Mignot* привозит мне ленты для пишущей машинки «Гермес Бэби», а друг из Бруклина *Philip Wallick* шлет мне на Новый год в посылках сухие супы и шоколадку. Мы это здесь и едим*, в кастрюле. Я третий месяц копаю болото и ношу землю, Нина из нее строит грядки, уже собрали лук, кабачки и огурцы. Скоро созреет картошка. И редька! И брюква! Зима будет замечательной с таким разноформенным рационом. Пни от дубов не выходят из моих рук, вырываю их, как зубы драконоидов. Тело стало отточенное, лицо цельнометалли-

* А что же ест Михо-сан, наш котенок-киска, подаренная японкой? Жуков, червей, птенцов, воронья яйца - японские блюда Мышку ей еще не поймать, носится по полям, как огнецветные пляски

ческое. Правда, машинка сломалась окончательно, и вечерами при лунном диске пишу рукой. Наши газеты, радио и ТВ говорят, что в моем виде сбываются футурологические идеи Маяковского: землю попашем, попишем стихи.

И я не размениваюсь по мелочам, и не пишу о языкознании, а лечу сразу высоко: вот этот поэт, вот этот декрет! К сожалению, конечно же, я не структуралист, у меня нет способности рассматривать камень, отмечая его минералогические свойства в подробностях и терминах. Я вижу камень и тут же «рисую» его образ: беру лом, вынимаю из болота, несу в дом, строгаю и пилю на части, чтоб было чем топить печь от холодов и сквозняков. Метафорист я.

Я, может быть, не ответил на Ваш прямой вопрос о разнице между советским и русским языком. Вместо аналитических координат я проследил источники огня в картинках, как мне видится, от Лилит до Лили Брик. Я посылаю статью Вам, это Ваш заказ, да и последние мои вещи во Франции печатаете только Вы и Жан Жак.

24 августа 1994 г.

Ст. Мишинская

ЮРИЙ КОЛКЕР

Скоро ли мы устареем?

В своей Истории государства Российского Карамзин пишет: "Наречие русское - более всех других славянских наречий образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами... Будущая судьба его зависит от судьбы государства."

Слово образованное означает здесь, конечно, развитое - так бы мы сказали сегодня. Развит ли русский язык больше, чем другие славянские языки, обсуждать не станем. Заметим только, что при Карамзине этот вопрос выглядел проще, чем в наши дни. А вот свобода русского языка от западных влияний почти не нуждается в лингвистических доказательствах, - тут достаточно исторических. Вековая неприязнь к католицизму прочной стеной оградила Россию от Запада. В Европу потребовалось прорубать окно. Когда его прорубили, то услышали сперва немецкую, а затем французскую речь, и ко второй надолго привязались. Самый рисунок русского языка офранцузился, - притом как раз усилиями молодого Карамзина и карамзинистов. Но стену - не снесли, и даже дверью окно не стало.

Зато на восток - Россия всегда была открыта настежь. Языковые влияния тут налицо - взять хотя бы ордынское имя того же Карамзина, производное от Кара-Мурзы, - так звали предка историка. С Востока же - через Библию - шло влияние языков греческого и древнееврейского. Но странное дело: отторжения, отчуждения - Восток не вызывал. Часто ли вспоминаем мы, что слово балаган - татарское, а слово бегемот - еврейское? Их от русского языка неотрвать, они тут родные, - не то что революция или энциклопедия.

Потому-то и иностранец в России - всегда человек с Запада. С Востока веет чем-то неуловимо своим, домашним. Песню „Русский с китайцем - братья навек“ подарило не только советское, но отчасти и русское сознание - или, быть может, подсознание. Но ни в какие времена русские внутренне не роднились с немцами. Согласимся, что уже само это слово - немцы - говорит о многом.

Так что и при Карамзине чистота русского языка была, пожалуй, несколько однобокой, а сам историк под чужеземными словами имел в виду в первую очередь западные, - возможно, не вполне отдавая себе в этом отчет - и тем яснее обнаруживая отмеченную особенность.

Но вот в чем Карамзин был на все сто процентов прав, так это в том, что будущее языка зависит от судьбы государства. Похоже, что слова эти никогда не звучали для русского злободневнее, чем сегодня. На протяжении советских десятилетий русская речь была закрепощена и выхолощена; государство интересовалось ею слишком пристально. Все новое, хорошее и дурное, сдерживалось искусственной плотинной. Когда плотина рухнула, в пролом хлынула не только критическая мысль, но

и стихийное народное словотворчество. Люди стали писать как попало, исходя из своих представлений. Так это, конечно, и должно быть. Но что в свободных обществах происходит постепенно и управляется, говоря языком Карамзина, „здравым вкусом“, то в России приобрело характер лавины. Англоязычный Запад, не утратив внушенной суеверием враждебности, вместе с тем стал вдруг в глазах самозванных лингвистов этойкой землею обетованной. Слова отсюда заимствуются без разбора и смысла, вследствие душевной лени и равнодушия к русскому, а еще чаще - ради одного только постыдного бахвальства. Одна из попавшихся мне на глаза заметок в российской печати называлась „Консалтинг интенсифицирует бизнес“. Я указал на нее моим друзьям в Петербурге - и увидел, что меня не понимают: не сознают, что достоинство языка погрязло. Между тем речь ведь идет не о чем-нибудь, а о родине. Квасной патриотизм по-прежнему пишет это слово с заглавной буквы, но не видит измены родине в таких отвратительных словечках, как брифинг или саммит, языку совершенно чуждых. Легко вообразить, что в один прекрасный день, никуда не уезжая, мы можем проснуться в чужой стране - и самих себя не узнать: ведь и себя, и мир мы воспринимаем в значительной степени через слова.

Тем, кто напомнит мне пушкинское: „Шишков, прости, не знаю, как перевести“, я отвечу, что и отношение между языками сегодня не пушкинское, и против заимствования непереводаемых слов ни один здравомыслящий человек возражать не станет. Языки питают друг друга, но естественный ход вещей не следует подстегивать, если мы не хотим остаться у разбитого корыта и стать языковой колонией Запада, более деятельного еще и в языковом отношении.

Первой неминуемой жертвой идущего перерождения станут писатели. Лет через пятьдесят Андрея Битова будут, пожалуй, читать так, как мы сейчас читаем Радищева: прорываясь сквозь каждую строку. А ведь он - хранитель русской речи. О тех, кто раскачивает лодку, занимаясь сознательным словотворчеством, и говорить не приходится. (Это, к слову сказать, обыкновенно люди, попросту неспособные овладеть существующей языковой нормой.) Первым устареет Солженицын. Положение его, - без преувеличения, трагическое: писатель-патриот не понимает, что действует во вред родине. Его непонимание родины начинается уже здесь: с непонимания ее языковых запросов. К счастью для России, „завойчивые волосы“, „нахмуренные лобки“ и прочие находки языкового расширения ни на минуту не покидали обочины нашей словесности. Но отложим на минуту разговор об отделенном будущем. Если карамзинский „здравый вкус“ не восторгается сейчас; если мы не постараясь обуздать в себе разрушительную игривость сегодня, то все мы, писатели и не писатели, уже завтра будем заживо погружены в формалин и поставлены под стекло - как существа вполне бессловесные, бессмысленные и годные только для кунсткамеры или паноптикума.

Разумеется, в конечном счете от судьбы не уйдешь, и в один прекрасный день не будет ни русского языка, ни России. Государства на глазах отходят в прошлое, уступая место новой форме жизни - общинной. Давно ли мир знал только две диаспоры: еврейскую и армянскую? А теперь почти невозможно указать народ, не рассеянный по свету. Происходит глобальное выравнивание, сглаживание отличий, - печальный, но неизбежный процесс накопления энтропии. Нас словно бы усредняют - в политическом, генетическом, культурном и всех прочих смыслах, - и тем обезличивают. Все это - следствие и оборотная сторона цивилизации и свободы. За удобства и сытость мы расплачиваемся задушевным; за науку понимать чужое - утратой ревности к своему. Мера милой нашему сердцу сокровенной непохожести становится мерой отсталости. В любой стране Западной Европы вы можете войти в магазин известной вам фирмы и купить стандартизованные товары. Спросим: где родина мексиканца, работающего в Бразилии на заводе фирмы Фольксваген? В православной церкви во Флоренции служба идет по-русски, но прихожане говорят между собою

по-итальянски, - где их родина? Пожалуй, лет через сто или двести вообще никаких родин не останется, и самое значение слова родина, сегодня ласкающего слух патриота, вскоре будут разъяснять в университетах. А ведь родина несводима к пейзажу, деревьям и камням, она в первую очередь - люди, а значит, - язык.

Языки вымирают, с каждым годом их становится на планете все меньше. На некоторых говорить стало некому, на других - не о чем. Есть области деятельности, в которых уже сейчас просто невысказано понять и объяснить суть дела иначе, как по-английски; возьмите хоть компьютеры. Мы вправе посетовать, что мировым языком становится совсем не лучший, - но удивляться тут нечему. Французский дает нам пример дивной стройности, итальянский - благозвучия и легкости, немецкий своею несколько тяжеловесной отчетливостью лучше всего располагает к мысли, русский - с его флексиями и поразительной гибкостью - был и остается языком поэтов, - но верх над всеми этими алмазными россыпями взял бедный звуком диалект западного Лондона: язык деловых людей, подвижных, любопытных, восприимчивых, практичных. Своим словарным запасом это варварское наречие превосходит все перечисленные языки, ибо веками было открыто всем ветрам... Виктор Гюго, пророк Соединенных Штатов Европы, обманулся в своем прогнозе. Федеративная Европа выдвинулась ему франкоязычной, со столицей в Париже. Но и тогда, когда родин - не будет; когда говорить на национальных языках перестанут, - на них, возможно, еще долго будут писать, - только не деловые люди, а поэты. Тогда, кто знает, русский язык, может, и отыграется за свое сегодняшнее унижение, которому мы вольно или невольно способствуем. Поэтическое слово - сокровеннейший заповедник души, оно рождается „для звуков сладких и молитв“: в нем и найдет себе последний приют уходящая от нас родина.

1995-96
Лондон

ЯН КОНДРОР,
ЭРЛЕН ФЕДИН

Татаро-монгольское иго и еврейский вопрос

(О КНИГЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА
«ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ»)

I. Автор, гипотеза, книга

Примерно четверть века назад Л. Н. Гумилев выступил с остроумной гипотезой «мутагенной пассионарности» - естественнонаучного явления, якобы лежащего в основе этногенеза. Гипотеза привлекала своей свежестью, пестрым разнообразием сообщаемых автором сведений и присущей Гумилеву талантливостью изложения.

Все статьи и книги Л. Н. Гумилева очень интересны. Он много знает, его русский язык свободен и богат, а полет ассоциаций - неудержимо смел. Подкупает его безусловная вера в продуктивность собственной точки зрения: своих предшественников Гумилев опровергает не от своего собственного имени, а от имени Науки...

Скажем сразу: претензия эта совершенно беспочвенна. Об этом подробнее будет сказано ниже, но ведь выводы этнолога могут быть правильными и без ссылок на авторитет Вернадского и Тимофеева-Ресовского; бывает, что «научная» терминология служит просто украшением картины, созданной на основе глубоких размышлений и интуитивного постижения истины. Бывает! Но и это в данном случае не так. Говорить об этом трудно. Бесконечно жаль, что Гумилев ничего не сможет уже исправить в тексте своей последней книги «Древняя Русь и Великая степь». Он не ответит на вопросы об очевидных натяжках, противоречиях и несообразностях, переполняющих книгу. Но книга осталась. Заявленный Гумилевым тон и крайняя парадоксальность выводов не позволяют освободить ее от критики.

Гумилев указывает, что книга написана, дабы: 1) от имени Науки предупредить политиков о катастрофах, грозящих при взаимодействиях Запада с Востоком; 2) на обширном историческом материале проверить авторскую теорию этногенеза; 3) ниспровергнуть монголофобию; 4) ниспровергнуть «западничество».

Пафос книги - историчность этносов. В этом, честно говоря, мало нового: сие до боли знакомо по курсам диамата и истмата. Только на место классовой борьбы, смены формаций и развития производительных сил Гумилев ставит пассионарность этноса - химическое свойство биосферы. Оно же и физическое. «Уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в частоте событий, является единственным мериллом, применяемым этнологией к этносам», - учит Гумилев (стр. 384). Звучит это не слишком привлекательно: ведь мы имеем достаточно печальный опыт повсеместного применения «единственного мерилла» единственным человеком, полагающим себя персонификацией Науки.

Однако, если при чтении пропускать всю мутагенно-пассионарную риторику, то в книге можно найти много замечательных страниц. Сочетание сведений об изменении климата и ландшафта Евразии с данными об исторических перемещениях и столкновениях этносов на ее громадных пространствах в I-м тысячелетии н. э. позволяет автору быть в этих местах книги и доказательным, и вполне продуктивным. Одно только замечание Гумилева о том, что естественной линией, отделяющей Восточную Европу от Западной, является нулевая изотерма января, - уже оправдывает чтение всей книги! А ведь в ней рассказано и о связи процветания и упадка Хазарии с вариациями уровня Каспия; и об изменении увлажнения Великой степи как одной из причин, влиявших на активность кочевников; и о головокружительных приключениях, залповивших детство и молодые годы будущего Чингисхана.

Но Гумилеву этого мало. Он претендует на гораздо большее, заявляя: «Только после создания теории происхождения и исчезновения этносов на фоне меняющейся природной среды появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы». Это утверждение было бы безупречным в случае положительного ответа на два вопроса: во-первых, создана ли такая теория и, во-вторых, если она создана, то что такое этнос.

Забегая опять вперед, скажем, что ответ на первый вопрос безусловно отрицателен: предложена гипотеза, модель, заведомо недостаточная для описания истории человеческих сообществ, не говоря уж о понимании причин событий.

Ответ на второй вопрос менее категоричен: понятие «этнос» определено плохо⁽¹⁾, но им можно пользоваться, каждый раз договариваясь о конкретном смысле этого слова в рамках данной узкой проблемы. Это семантическое ограничение - источник многих несообразностей и противоречий, которых не избежал Гумилев. Но - по порядку.

Что же такое гумилевская модель «мутагенной пассионарности» как причины этногенеза?

II. Биосфера, этногенез, история

Гумилев полагает, что после возникновения биосферы Земли некий геохимический фактор время от времени влияет на биохимию (человеческой) популяции, приводя к мутации поведенческого стереотипа. В результате этой мутации определенная группа особей переполняется «пассионарностью» - особой формой биохимической энергии. Гумилев приводит карты локализации зон таких пассионарных извержений в I-м тысячелетии н. э. на Евразийском континенте. Отметим тут же, что совершенно невозможно понять, почему вдоль неких тысячекилометровых линий происходят эти мутации. Но с гипотезами не спорят... Толчки, взрывы, скачки позитивной пассионарности порождают этнообразующую активность; возникает этническая система, способная к развитию, т.е. усложнению. Пассионарность - что-то вроде свободной энергии (или температуры). После мутагенного этнообразующего взрыва пассионарная энергия только расходуется, «температура» снижается, этнос, усложняясь, достигает стадии расцвета, затем - неизбежного надлома, за которым наступают фазы инерции и обскурации. Весь цикл занимает 10-12 веков, после чего этнос, полностью истративший свой запас пассионарности, либо покидает арену Истории, либо тихо существует в виде реликта, не беспокоя соседей. При взаимодействии этносов важно знать, в каких фазах своего этногенеза находятся партнеры. Ни вольтметра, ни термометра для измерения пассионарности, разумеется, нет, но Гумилев виртуозно определяет, где она больше, где меньше, у какого этноса во время контакта пассионарность росла, у какого убывала. Прогресса - нет: последующие этносы не хуже и не лучше предыдущих, если они порождены вмещающим ландшафтом.

Отсутствие прогресса - естественное свойство модели с единственным мерилем в виде частоты событий, причем событий на уровне инстинктов. Поясним это простейшим примером. Акулы - «этнос», вмещающий ландшафт которых - океан. Будучи примитивнейшими рыбами, они уже сто миллионов лет не испытывают никаких проблем. Они - совершенные хищники, их «пассионарность» (свирепость при удовлетворении аппетита) - эталонна, их очертания стремительны и безукоризненны с точки зрения гидродинамики. Создав акул, природа достигла идеала, превзойти который невозможно. Млекопитающие дельфины - молодой океанский «этнос». Как хищники они никоим образом не лучше акул, в этом прогресса нет. Природа, потратив десятки миллионов лет на создание дельфинов, в смысле «пассионарности» не продвинулась ни на шаг. Но дельфины - сложнее! Они могут играть, радоваться, дружить... Их очертания не столь совершенны, как у акул, но дельфины обычным людям симпатичны или «позитивно комплиментарны», если применять терминологию Гумилева. Увы, получив эти симпатичные качества, теплокровные дельфины утратили акулье тепловое равновесие с «вмещающим ландшафтом»...

Людские этносы нельзя характеризовать одним параметром. Гумилев-ученый это прекрасно понимает, поэтому ему в последней книге никак не удается избежать сравнения этносов не только по числу «подвигов», но и по уровню культуры, военной техники, религиозного сознания и по многим другим «параметрам». А в «естественнонаучных» своих фразах Гумилев, помимо мутаций, говорит и о втором начале термодинамики, и о цепных реакциях, и о нейтронах, и об изотопах, и о фотонах, и о многом-многом другом, что еще гораздо менее применимо к анализу истории человечества, чем наш пример с акулами и дельфинами.

Вводя в обсуждение темного периода мировой истории слова «энергия», «энтропия», «мутация», «системный анализ», Гумилев становится в позу всеведущего представителя точного

естествознания среди историков, беда которых - слишком хорошее знание исторических источников и неосведомленность в естественных науках. Не всем источникам нужно верить, говорит Гумилев. Он по своему произволу делит источники на «заслуживающие доверия» и - прочие, коими можно пренебречь. Эта свобода высказываний, естественно, позволяет получить поразительные результаты.

Например, - не было никакого татаро-монгольского ига. Иго выдумали летописцы. Пушкин вместе с историками 18-19 веков ошибался, когда писал, что Россия, заплатив дороговую цену, спасла Западную Европу от монгольского нашествия. Все это - отрывки западничества, каковое и есть главная опасность для России. Ни от кого, мол, мы не отстали, мы просто молодой этнос, в котором при- месь татаро-монгольских генов гарантирует превосходство православного восточного христианства - носителя истинной Благодати - над христианством западным, которое искажено антисистемными воздействиями.

Гумилев называет себя мыслителем. Это, видимо, должно было, наряду с терминологией новой теории, окончательно сломить сопротивление читателей и убедить их в безусловной справедливости любых высказываний, сколь бы непривычными для обывателя они ни были. К сожалению, эта терминология не в ладах с глубокомыслием, парадоксы Гумилева оказываются плодами недомыслия.

III. Предмет и доктрина

Та пассионарность, о которой ведет речь Гумилев, лишь в малой степени относится к сфере разума: она гнездится в надпочечниках и практически синонимична агрессивности. В стаях и прайдах агрессивность позволяет самому сильному, ловкому и неутомимому стать вожаком и удерживать это положение, пока не появится более достойный. Очевидно, что измерять интенсивность исторического процесса по средней концентрации адреналина в крови - большая наивность.

Под какими бы знаменами ни дрались между собой потомки Адама и Евы, какой бы военной тактики ни придерживались, сколько бы подвигов ни совершали, сколько бы себе подобных ни погубили, сколько бы городов ни сожгли, - все эти этносы и племена, народы и консорции, нации и государства всегда были и до сих пор остаются исторически обусловленными формами совместной деятельности одного и того же биологического вида - *Homo Sapiens*.

В основе исторического процесса лежат не воинственные инстинкты пассионариев, а созидательные возможности разума. Подвиги украшают историю, но не ведут ее. Вектор истории - возрастающая способность людей выделиться из вмещающего ландшафта, ослабить свою зависимость от него. Стартовав миллионы лет назад в лесах и саваннах, люди питались тем, что собирали или кого убивали на охоте. Они ничего не производили, ничего не меняли в тех ландшафтах, где им пришлось родиться.

Одновременно с применением орудий и покорением огня произошла, видимо, та единственная мутация, которая окончательно отделила человека от животных: человеческие детеныши получили способность формировать верхние слои коры головного мозга в течение первых пяти лет жизни. Это позволило людям в дальнейшем адаптироваться в любых ландшафтах, противопоставляя

изменениям среды обитания все более возрастающие способности разума. Это не было еще Историей; длился неолит - отрезок истории естественной.

И лишь несколько тысяч лет назад, практически мгновенно по сравнению с неторопливым темпом неолита, в первых городах-государствах были созданы колесо и рычаг, плуг и парус, открыты химические процессы, научились лить металлы. Это была революция знаний и умений, породившая мелиорацию и орошение полей, создавшая первые плотины для защиты от наводнений. Обрабатывающая промышленность предложила товары, возникла внешняя торговля, а за ней прибыль и капитал, не менее непреложные и необходимые, чем плуг и колесо. Это было утро Дня Седьмого: Бог теперь мог отдохнуть. Дальнейший библейский счет времени не слишком отличается от нынешнего летосчисления. (2)

Неолитический человек чтит плодородие Земли и Женщины. Центром первобытного религиозного сознания была Богиня, окруженная тотемами пассионарности - изображениями позитивно комплиментарных первобытным людям хищников: льва, медведя, барса, орла. Но авторитет вождя тогда был основан только на реальной компетентности.

Порог истории человечества - тот момент, когда обнаружилось, что мысль обладает огромной созидательной силой. После этого Слово было поставлено выше непосредственной плодovitости. Творческий Дух был обожествлен: возник образ Бога-Отца, Словом порождающего мир. Появились патриархальные вожди, авторитет которых мотивировался не столько личной удачей или компетентностью, сколько божественным, иррациональным оправданием. (3)

Концентрация богатств в городах была большим соблазном. Начались захватнические войны, иррациональное оправдание которых породило такую жестокость, которой наивный мир неолита не знал. Естественное вождение в течение двух тысячелетий гнало волны кочевников на Китай и Индию, на Центральную и Малую Азию, на Русь и Западную Европу. Природные инстинкты и естественное право сильнейшего бросали вызов мужаяющему, но и заблуждающемуся в своих поисках разуму. Степь неоднократно покорила города, но всякий раз ненадолго. Сила, а вместе с ней и История, оказалась на стороне городов...

Гумилев считает этот выбор несправедливым. Ему полет степной кобылицы, мнущей ковыль, милее городской скученности, где люди утратили естественную грацию неолитических времен. Заявив вначале, что для Науки ни один из этносов не лучше и не хуже другого, Гумилев не соблюдает этой беспристрастности при сравнении Степи и Запада по такому параметру, как жестокость. Жестокость кочевников он целиком оправдывает тем, что степняки - дети природы. Иррациональная жестокость средневековой римской церкви и рыцарей-крестоносцев для него антиприродна и ужасна. Ни коим образом не оправдывая зверств, учиняемых во славу плохо понятых церковных догматов, мы никак не можем согласиться с тем, что заслуживают прощения зверства во имя добычи и стремления рассеять свои гены по всей Ойкумене. Нельзя согласиться с Гумилевым и в том, что события 13-го века предопределили пути России на вечные времена: мы, мол, православны и по-степному бесхитроусны, а Запад - средоточие коварства и злонамеренного хитроумия.

По существу, Гумилев реальную историю пытается интерпретировать с помощью доктрины, вдохновленной поэтической идеализацией доисторического, предбиблейского человека. Отсюда

попытки дискредитации цивилизации и желание уверить читателей, что Россия - естественная союзница Степи, а не Запада. Такова доктрина, в которой все плюсы произвольно отданы инстинктам кочевников, а все минусы - западному рационализму. Без мутагенной пассионарности такое объяснение истории обосновать, конечно, невозможно. Но и эта «теория» Гумилеву помогает мало: концы с концами связываются плохо.

IV. Новое - неверно, верное - не ново

Гумилев прав, ниспровергая механический детерминизм в описании исторических процессов, но в этом он совершенно не оригинален. Герцен, споря с Марксом и «марксидами», писал про растрепанную импровизацию истории, готовую идти всеми путями и пробующую все шансы. Этот перебор вариантов и приводит, с одной стороны, к усложнению структуры человеческого общества, заселяющего нашу планету, а, с другой, - к «зигзагам» и даже «петлям», перемальвающим миллионы частных человеческих судеб. А за три тысячи лет до Герцена об этом было сказано: «И видел я под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их» (Эккл., 9:11-12). Время и случай!

В какие-то моменты времени где-то случайно складываются благоприятные условия, и усилия группы пассионариев (консорции, дружины, союза борьбы за освобождение рабочего класса и т.п.) «вдруг» начинают давать плоды, резонируя с потребностями и возможностями инертного большинства, которое стекается под знамена пророка, апостола или просто ловкого авантюриста. Идея, овладев массами, становится материальной силой. Гумилев этот знаменитый тезис дает в редакции Вернадского, но будем справедливы - Вернадский высказался позже. Кажущаяся внезапность, скачкообразность перехода от однообразного и унылого повторения того, что было, к стремительным и бурным переменам и побудила Гумилева привлечь модель мутагенного изменения стереотипа поведения популяции. Но мутации - вовсе не единственная модель, позволяющая описать все подобные «вдруг». Более того, мутация - заведомо не годится для такого объяснения. Человеческие сообщества слишком далеко ушли от популяции мухи дрозофилы, чтобы можно было их содержательным образом характеризовать и анализировать на уровне изменений генетического кода.

Гораздо проще предположить, что доля пассионариев в данной человеческой популяции примерно постоянна, если их специально не отлавливают с целью уничтожения какой-нибудь инквизиционный институт (КГБ или гестапо). Но даже если их отлавливают, расстреливают, душат газом или превращают в лагерную пыль, - все равно концентрацию пассионариев никогда не удастся довести до нуля. Вопреки здравому смыслу, эти люди мечтают о переменах и пытаются свои мечты реализовать. Их попытки никогда не прекращаются, но вероятность того, что «процесс пойдет», определяется не столько активностью пассионариев, сколько устойчивостью системы. Если система устойчива, то она парирует все «толчки», сохраняя свою целостность; никакая пассионарность ей не страшна. И, наоборот, - при потере устойчивости систему не удержать в прежнем состоянии никакими силами: происходит переход из одного состояния в другое - скачок, взрыв, катастрофа. Французские математики так прямо и назвали раздел своей науки, посвященный анализу устойчивости систем, «теорией катастроф». Физики подобные явления называют фазовыми переходами.

Из этой вынужденной справки вовсе не следует, что модель фазовых переходов пригодна для описания исторических процессов. Но эта - грубая и заведомо недостаточная! - модель все-таки лучше, чем гумилевская «теория», приравнивающая этносы к популяциям саранчи или кипплинговских красных собак. Так, увы, обстоит дело с апелляцией к Науке с большой буквы, которая понадобилась Гумилеву, чтобы обосновать свое «право» на пересмотр российской и мировой истории по своему произволу. Такого права у Гумилеванет, его ссылки на Науку - плод недоразумения.

Научности в мутагенно-пассионарном этногенезе ни на гран не больше, чем в учении Маркса, «всесильном, потому что верном». Собственно, заговорив о системах и об устойчивости (стр. 563), Гумилев сам объявил приговор своей теории. В большой системе нельзя выделить «ведущее противоречие»; к внезапным переменам ведет каждый раз новая случайная конфигурация противоречивых отношений. Тенденция к усложнению систем человеческого общежития, на которую со времени грехопадения Адама и Евы мы осуждены, сама по себе чревата потерей устойчивости. Человеческие страсти, несомненно, играют важнейшую роль в истории. Об этом писал Гегель, а задолго до него, перед гибелью халифата, - выдающиеся арабские мыслители. Но эта пассионарность всегда срабатывала по законам случая: последствия активности героев обрушивались на них хаотической лавиной, как обрушивается кровля шахты, когда некто выбьет некую, оказавшуюся критической, стойку кровли, или эта стойка сломается сама, подгнив или утомившись. Пассионарии всегда активны, но не всегда разумны, признает сам Гумилев. Их суета иногда выбивает подпорки, иногда мешает вовремя усилить крепь. В результате развала прежнего возникает нечто новое, которое, будучи «делом человеков» (Деяния, 5:34-39), рано или поздно тоже обрушится. Но нам не безразлично, останется ли от этих грандиозных событий нечто обогащающее коллективный разум человечества или лишь пожарища и некрополи. Что, собственно, нового сообщает нам Гумилев фразами типа: «Походы Аттилы и Чингисхана - природное явление: некий неведомый ландшафтно-геохимический фактор, вызвав мутацию поведенческого стереотипа степняков, настолько повысил разность пассионарных напряжений, что извержение их этногенеза потрясло всю Евразию»? Звучит это очень «научно», но по существу-то ничем не отличается от слов: «Аттила - бич Божий». Для физиков, химиков и биологов второе высказывание предпочтительнее: будучи гораздо короче, оно столь же ясно, как и первое, указывает на то, что явление находится вне компетенции естественных наук.

V. Иго

Возвратимся к татаро-монгольскому игу. Сам Гумилев пишет: «Два века татары приходили на Русь как агенты чужой и далекой власти. Они защищали Русь от Литвы, как пастухи охраняют стада от волков, чтобы можно было их доить и стричь». И он же ранее красочно описывает, что низведение русичей до состояния «стада» было достигнуто применением насилия - демонстративного, зверского и ничем не ограниченного. А подавление психологического сопротивления народа зверским и неограниченным насилием, внушением ужаса, парализующего волю к свободе, - это и есть иго. Никакие ссылки на то, что монголы играли «по правилам», которые были ландшафтно обусловлены, здесь ничего не меняют: эти правила были рязанцам, тверитянам или москвичам не более близки и понятны, чем тамбовским крестьянам ленинская продразверстка или кубанским станицам - сталинская сплошная коллективизация путем подавления сопротивления «кулачества». Говоря о большевистских методах, о. Сергей Булгаков предупреждал: «Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко

отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей». Гумилев считает подобные высказывания проявлением «западничества». А западничество, по его мнению, - самая страшная угроза русским людям.

Татарщину Гумилев считает не злой, а ландшафтно-обусловленной. Раз так, инстинкты кочевников, будучи природным явлением, - нам, русским, пошли во благо. Татары-то пастухи, а немцы-то - волки! Из-под Орды мы вышли великороссами, а без нее - не осталось бы от нас ни хвоста, ни гривы. Мол, что немцу здорово (городская коммуна, всякое там магдебургское право), то русскому - смерть. Неспроста Гумилев слово «цивилизация» (западная) берет в кавычки. Эта цивилизация, построенная на деньгах, купле-продаже, банковском капитале и бессердечном чистогане, нам, православным, прямо-таки отвратительна. Или «негативно комплиментарна», как пишет Гумилев. Понять причину этого отвращения из текста книги совершенно невозможно. Просто любит Гумилев степняков, а где любовь - там логика молчит. Поэтому когда Чингисхан защитил купцов, плативших ему дань, военной силой, что повело к чудовищным последствиям, - это, по Гумилеву, было естественно, по-степному благородно. А вот ганзейские купцы с их настырной активностью для русских-де были смертельно опасны. Поскольку из мутагенной пассионарности такие выводы не извлечешь, - Гумилев прибегает к теологической аргументации.

Он напоминает, что св. Владимир перед крещением Руси вел диспуты с представителями трех религий. Результат известен: ислам, иудаизм и католицизм были отвергнуты. Православная религия стала мощным системообразующим фактором, постоянное действие которого привело через 300 лет к идейному объединению русских княжеств вокруг Москвы, через 500 лет - к становлению Московского царства, а еще через 150 лет - к возникновению Российской империи. Все это не вызывает никаких споров. Гумилев и не спорит, он «доказывает» неизбежность этих событий с помощью пассионарной риторики, которая местами очень забавна.

VI. Православие по Гумилеву

Но выводы Гумилева совсем не смешны. Его рассказ о превращении древней Руси в Российскую Империю - многословная фантазия на тему «заговора» против Руси. Ось этого многовекового неустанного злоумышления простиралась от Персии через низовья Волги, Северный Кавказ и Крым в Польшу, Германию, Францию, Испанию. Для тех, кто по направлению этой оси сразу не догадался, в чем дело, - откроем «тайну»: в книге о древней Руси и Великой степи неожиданно часто повторяется слово «евреи». Эта странная избирательность внимания Гумилева тем более удивительна, что, по его же данным, первая еврейская колония в Киеве возникла в 924 г., а уже в 1113 г. Владимир Мономах евреев из Киева выслал. Лишь через 7 веков Екатерина Великая пустила их снова в Россию. По всем источникам, как ни крути, получается, что роль евреев в событиях, происходивших на Руси в 9 - 14 веках была совершенно ничтожной. Но Гумилев смотрит глубже! Он вдохновенно рисует грандиозную картину тысячелетней идеологической битвы православного христианства с сатанинским безверием, источником которого вдоль упомянутой оси в течение 20 веков неизменно оказывались евреи. Ибо ереси, наиболее опасные для духовного здоровья русского народа, порождались контактами христиан с раввинами-скептиками, отринувшими Ветхий Завет и - слушайте! - возрождавшими «домоисеевы оргиастические культы». Восточное православие избежало этой заразы

именно потому, что Великая степь оборонила. До цитирования протоколов сионских мудрецов Гумилев не дошел, ограничившись лишь отрывком из сочинения некоего безвестного автора 20-го века о роли масонов-космополитов в канун Французской революции: эта консорция была «малым народом» внутри нации, чуждым и враждебным всему для этой нации святому... Читать все это и больно, и странно, и страшно.

Странно, потому что претендующий на умение отличать с помощью своей теории хорошие источники от плохих, Гумилев здесь пользуется источниками, лживость которых очевидна для всех, кроме проповедников самого примитивного антисемитизма.

Больно, ибо все это пишет яркий и талантливый человек трагической судьбы, представитель одной из самых знаменитых российских фамилий 20-го века.

Существование на исторической арене этноса, не теряющего своей пассионарности в течение трех тысяч лет, настолько очевидным образом противоречит его «теории» мутагенной пассионарности, что надо было либо отказаться от нее, поискать модель получше, либо - объявить противоречащий пример... порождением дьявола. Буквально!

Логика проста: евреи - блуждающий суперэтнос, живущий не в своем природном ландшафте, а в антропогенном, в городах. Города изолируют такой этнос от биохимической энергии, излучаемой матерью-землей; это - этнос-паразит. Это - раковая опухоль на вмещающем этносе, высасывающая из него пассионарность. Продав свою ландшафтно-обусловленную душу дьяволу, евреи приобрели «вечную жизнь», исключив свой химерический этнос из закономерностей, изучаемых наукой о природе. Отталкиваясь от этой небогатой мысли, Гумилев чуть ли не четверть книги посвящает яростной проповеди, цель которой - доказать, что евреи уже две тысячи лет не верят в Бога Ветхого Завета: раввины-де подменили Тору Талмудом и Каббалой, ничего общего не имеющими с патристическим Моисеем...

VII. Ветхий Завет против Гумилева

Опровергать весь этот бред даже как-то неловко. Видимо, поэтому никто этого пока и не делал. А мы спросим: ну что стоило заглянуть в еврейский молитвенник и сравнить тексты молитв и псалмов со своей домашней Библией?

Ведь сразу выяснилось бы, что устойчивость еврейской самоидентификации - феномен чисто религиозный. Этим он и интересен. Не будучи этнически однородны, религиозные евреи ощущают принадлежность к коленам ветхозаветных предков лишь потому, что ежедневно по ветхозаветным текстам молятся Богу Авраама, Исаака и Иакова, еженедельно соблюдают Субботу, ежегодно празднуют праздник Пасхи и никогда не едят некоторых очень вкусных и питательных блюд, подчиняясь моисеевым запретам. Если отнять это, то останется генетический и физиологический отпечаток жизни десятков поколений в перенаселенных гетто и местечках. Этот отпечаток без следа исчезает за три-четыре поколения, как показывают исследования, проведенные в США и Израиле.

Живя в разных странах, евреи увеличивают собой разнообразие состава того человеческого сплава, которым являются нынешние нации. Изгнание евреев, как показывают многочисленные эксперименты, пользы не приносит. Вполне возможно, что и особого вреда для «вещающего этноса» при этом не возникает, по этому поводу возможны разные точки зрения.

Но хотя бы за Ветхий Завет можно сказать евреям спасибо? Зачем пытаться к тому, что в нем сказано о жестокостью и греховности всех людей, добавлять выдуманные, якобы специфически-еврейские (всегда негативные) черты характера, «оправдывающие» ландшафтно-обусловленную неприязнь великоросса к этому племени? Неприязнь, «отрицательная комплиментарность» - дело житейское. Евреев совершенно не обязательно любить. Но абсолютно неприемлема попытка «научного обоснования» неприязни к евреям с помощью аргументации, безответственной и безграмотной с научной точки зрения, а с церковной - кощунственной и богохульной. Кощунствования - многочисленны. Отчетливо видно, что автор отрицает нерасторжимое единство Ветхого и Нового Заветов. Приведем лишь один пример. Гумилев заявляет, что Иисус не считал Бога евреев своим Отцом. Для тех, кто не читал Новый завет, приводим выдержку из Евангелия от Иоанна (2:13-16): «Приближалась Пасха Иудейская и Иисус пришел в Иерусалим /И нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей и сидели меновщики денег. /И сделал бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул; /И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли». Гумилев в поисках аргументации для своей борьбы с монголофобией напрасно обратился к юдофобии.

VIII. Инстинкты и разум

Последняя книга Гумилева - попытка вдохнуть новую жизнь в старый спор славянофилов и западников. Поскольку не состоялось открытие нового закона, управляющего историей, постольку не удалась и идея «усилить игру» за славянофилов.

Гумилев ломится в открытую дверь, когда доказывает, что после монгольского нашествия возникла Великая Россия. С этим никто и не спорит. Но инстинкты монголов сыграли при этом роль природного фактора, вроде чумы или оледенения. Оказавшись между монгольским молотом и тевтонской наковальней, русичи выстояли и, претерпев великие муки, превратились в великороссов. Тойнби назвал подобные феномены «ответом на вызов». Однако из этого вовсе не следует, что инстинктивные добродетели кочевников следует предпочесть западному мышлению.

Человеческий разум не всесилен и плоды его не всегда благодны. У западной мысли есть изъяны и ограничения, но они наличествуют во всем, что присуще человеку. Это вовсе не оправдывает нынешнюю скверную моду ставить слово «цивилизация» в кавычки. Традиция западного мышления учит искать и находить пути преодоления тяжелых осложнений и бед цивилизации.

А элементарная приверженность фактам требует помнить, что Великая Россия возникла не только благодаря стихийному напору Великой степи, но и благодаря европейским технологиям и европейской науке. Беды России проистекают не из влияния Запада, а из неадекватных методов восприятия этого влияния.

Нам представляется, что Герцен - лучший этнолог, чем Гумилев. Подытоживая споры со славянофилами, Герцен на нескольких страницах (см. автобиографическое сочинение „Былое и думы“) сумел воспеть характер, жизнь и судьбу русского народа. Не умалчивая о трудностях и конфликтах, возникающих при контактах москвитов с Западной Европой, он говорил о большой способности усвоения, благодаря которой русские нуждаются в других народах. «Без западной мысли наш будущий собор оказался бы при одном фундаменте», - заключал Герцен. Нам нечего добавить к этим словам.

Огонь и меч тысячелетиями предъявлялись и предъявляются донныне в качестве последнего аргумента в спорах и конфликтах, вызванных заблуждениями разума. Сон разума порождает чудовищ, по сравнению с которыми акула - образец хороших манер. Акулы не способны во имя идеи объединиться, чтобы устранить из океана дельфинов, а сапиенсы в нашем двадцатом веке вели мировые войны, уничтожали «паразитические» классы, «окончательно решали» еврейский вопрос...

Все это так, но Бог в нашем падшем мире присутствует как наша способность отличать дела и слова разумные от поступков и высказываний бредовых. Была варфоломеевская ночь, но был и Нантский эдикт. Правила бал большевики и нацисты, но написана Всеобщая Декларация прав человека. Человечество уже вполне способно уничтожить всю биосферу, но продолжают существовать Вера, Надежда и Любовь. Вместе с разумом они - наша хрупкая, но единственная гарантия от бедствий, предсказанных Иоанном Богословом. События последних лет ясно показывают, к чему приводят попытки вовлечь мутные этнические представления, инстинктивную ксенофобию и традиции древней доблести в сферу реальной политики.

Можно согласиться с тем, что исторический счет русского народа к древним монголам, если таковой существует реально, необходимо было закрыть. Но совершенно не обязательно пробуждать симпатии к монголам, потакая примитивной антипатии к иным народам. Даже если бы евреи причинили древней Руси неприятности, сравнимые с монгольским игом (а это не так!), то не лучше ли было бы закрыть и этот счет? Восхваляя же отважных степных богатырей, можно было обойтись без отрицания очевидных исторических трагедий, порожденных их подвигами. При этом пришлось бы, конечно, отказаться от физико-химического гарнира и разжаловать мутагенно-пассионарный этногенез из ранга очередного «единственно верного учения» в рядовую гипотезу с весьма ограниченной областью применения.

В своем предисловии к книге «Древняя Русь и Великая степь» академик Д.С. Лихачев написал: «Конечно, с Л. Н. Гумилевым можно спорить по отдельным частным вопросам, но стоит ли это делать?... Концепция Гумилева смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имело место до сих пор... В этом концепция Гумилева, как мне кажется, целиком соответствует основной идее понятия „дружба народов“».

Но нельзя же смягчать противопоставление Востоку, ожесточая противопоставление Западу! Странная, блоковая, при этом получается дружба народов. Впрочем, Д.С. Лихачев оговорил свою высокую оценку книги тем, что Гумилев завоевал право на свою ересь, открыв новое явление. Но раз открытия нет, то отменяется и благожелательное мнение академика.

Мы вовсе не тоскуем по временам, когда редактор, а не автор решал, что можно и чего нельзя печатать. Но, как говорится, все же, все же, все же... Все же, хоть примечание, комментарий или послесловие иногда, как видим, насущно необходимы. В книге Гумилева, как мы уже говорили, есть много превосходных частей. Следовало бы переиздать книгу Гумилева, выбросив из нее все, что не относится к теме «Древняя Русь и Великая степь».

***

Уже при подготовке этой статьи к публикации мы узнали из статьи С. Марголиной («Frankfurter Allgemeine Zeitung», 2.03.96), что гумилевская «теория этногенеза» включена в школьную программу в России. Оправдалось наше опасение, что посткоммунистическая Россия, не имея иммунитета к «единственно верным» учениям, попытается заменить пролетарский интернационализм чем-нибудь не менее сокрушительным, хотя бы и апологией панмонголизма...

1)

Хотя безусловно верным представляется давно отстаиваемое Гумилевым положение о том, что понятие «этнос» включает не только народ в его культурно-историческом единстве, но и те природные условия, в которых этот народ развивается. (Бескрайние просторы России - пресловутая «широта русской души», теснота густонаселенной Западной Европы - не менее пресловутая «немецкая скупость»?)

2)

День шестой длился десятки миллионов лет, а первые пять дней творения уходят во тьму времен более чем на 10 миллиардов лет. Отметим попутно, что православная церковь с современным летосчислением не в ладу: при дальнейшем упорствовании потомкам славян придется праздновать Старый Новый год в день Советской Армии...

3) Именно к авторитету старейшей монотеистической религии - иудаизма - прибегли хазарские каганы для иррационального оправдания своей роли третьей силы в жестоком конфликте между Византией и миром ислама.

Кроме того, совершенно очевидно, что деление иммигрантов на евреев и неевреев может быть основано только на расистских критериях. В начале века русскому не могло бы и в голову прийти эмигрировать как еврею: быть евреем было опасно и никоим образом не способствовало росту общественного престижа.

Но после революции ситуация в России изменилась радикальнейшим образом. Когда евреев уравнили в правах с русскими, браки с евреями стали вполне нормальным явлением - не только благодаря царившей тогда атмосфере интернационализма, но и потому, что евреи оказались в довольно выгодном положении в обществе. Смешанные браки перестали быть чем-то необычным. В 1929 г. в одном научном журнале была опубликована статья Николая Шпильрейна «О перемене фамилий и имен». Автор показал, что в то время чаще меняли русские фамилии на еврейские, чем наоборот. Сегодня этот удивительный факт объясняют господствовавшей тогда модой, стремлением ко всему необычному и иностранно-звучающему, а также неумением отличить «еврейское» от «иностранного». Безразличие ко всему национальному было вообще типично для советской атмосферы двадцатых годов.

Поэтому неудивительно, что сегодня в СССР около восьми миллионов человек имеют «еврейские гены», а еще несколько миллионов - к вящему отвращению еврейских и правоэкстремистских идеологов «крови и почвы» - являются «лицами, породненными с евреями». Может быть, такая высокая степень ассимиляции была одним из немногих положительных завоеваний революции. Принимать этих людей как «дискриминируемых евреев» означало бы просто не замечать всего общественного развития в СССР в течение последних семидесяти лет.

Ни слабая надежда на расцвет искусственно пересаженной еврейской культуры (кстати сказать, давно уже и не еврейской, а советской!), ни трудности при определении критериев, по которым решается, кто еврей, а кто нет, не являются, однако, аргументами против еврейской иммиграции. Это всего лишь аргументы против шатко-неуверенной и лживой иммиграционной политики, которая благодаря филосемитизму и некомпетентности не только не решает проблемы, но даже обостряет ее. Это аргументы в пользу открытой, прагматичной иммиграционной политики по отношению к самым различным группам, аргументы в пользу принятия Закона об иммиграции. Восторги и намерения филосемитов и благоволящей им элиты должны стать предметом открытого обсуждения: их необходимо очистить от тумана и не приписывать самим евреям.

Ложные ожидания кончатся горькими разочарованиями, и нельзя исключить, что тот, кто сегодня ратует за прием сотен тысяч евреев и таким образом хочет в некоторой степени компенсировать потери, вызванные Холокостом, уже завтра не будет безразлично взирать на агрессивные выступления правых радикалов и другие открытые проявления антисемитизма, поскольку он просто разочаруется в евреях.

Попытка «особого» отношения к евреям приводит в конце концов к возрождению старой немецкой традиции. Князья и монархи одаривали богатых и нужных им евреев привилегиями, чтобы обеспечить себя их финансовой поддержкой. Однако из-за этого страдал весь еврейский народ. Евреям, не имевшим этих привилегий, приходилось расплачиваться за это ненавистью

„Мемориал“ как массовое движение сформировался в 1987-1988 годах, когда в центре общественного внимания в нашей стране находилась тема политических репрессий эпохи, прежде всего - массового государственного террора сталинского периода. Раскрытие правды о трагических страницах советской истории, юридическая и моральная реабилитация жертв политического террора были необходимым условием реализации демократических реформ. Для того, чтобы это условие было выполнено, требовались серьезные и целенаправленные усилия со стороны демократической общественности, поскольку сопротивление коммунистической идеологии и структур коммунистической власти было еще достаточно сильно, а политические организации демократической направленности практически отсутствовали.

Именно в те годы „Мемориалом“ были сформулированы необходимые и приоритетные, с его точки зрения, условия построения демократического правового государства в России:

- тоталитарное прошлое должно получить однозначную нравственную, правовую и политическую оценку; оно должно быть осуждено и это осуждение должно быть зафиксировано и в государственных актах, и в общественном сознании;

- высшей ценностью в государственной и общественной жизни России впредь должны быть признаны права личности.

Доклад
Правозащитного
центра
„Мемориал“
(в сокращении)

**ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В КАЧЕСТВЕ „ЖИВОГО ЩИТА“
ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ВОЙСКАМИ РОССИИ
В ХОДЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ**

Составители доклада **О.П.Орлов, А.Ф.Черкасов**

В подготовке доклада принимали участие **А.Н.Миронов, М.Ф.Полякова**

Основой для доклада послужила информация, собранная членами
Правозащитного центра „Мемориал“ (ПЦ „Мемориал“) во время поездок в Чечню.

Использованные сокращения

БМП - боевая машина пехоты

БТР - бронетранспортер

ВВ - внутренние войска

ГРУ - Главное разведывательное управление

МВД - Министерство внутренних дел РФ

МО - Министерство обороны РФ

УК - Уголовный кодекс

ФП - фильтрационный пункт

ЧРИ - Чеченская Республика Ичкерия

ДОСААФ - Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

ВВЕДЕНИЕ

В ходе военных действий в Чечне и на прилегающих к Чечне территориях имели место случаи использования обеими воюющими сторонами гражданского населения в качестве „живого щита“, а также массовый захват мирных граждан в заложники.

* * *

На протяжении всей войны федеральная сторона использовала часть содержащихся в фильтрационных пунктах гражданских лиц в качестве заложников.

В то же время федеральная сторона с начала войны неправомерно объявила пленных российских военнослужащих „заложниками“ чеченских боевиков.

Первый известный нам случай использования российских военнопленных как заложников относится к 27 мая 1995 г., когда РУСЛАН ГЕЛАЕВ объявил, что в случае продолжения бомбардировок сел Шатойского района будет расстреливать по пять пленных в день; были расстреляны восемь человек. (1)

Второй известный ультиматум, выдвинутый РУСЛАНОМ ХАЙХОРОЕВЫМ 10 марта 1996 г., был дезавуирован им самим, его командованием и представителями Департамента государственной безопасности ЧРИ. (2)

Чеченская сторона с осени 1995 года наряду с захватом в плен военнослужащих начала организовывать похищения гражданских лиц, принявшие особо массовый характер с декабря 1995 г. (3) В данном случае нам трудно отделить чисто криминальные акты от захватов видных „коллорабационистов“ и „сотрудников оккупационной администрации“. При этом следует отметить, что среди похищенных гражданских лиц (строителей, энергетиков и т.п.) находились и тайные сотрудники российских секретных служб. Большая часть похищенных людей, в том числе те, чья принадлежность к секретным службам не была доказана, освобождалась путем их выкупа. С точки зрения ПЦ „Мемориал“ эти случаи похищений следует квалифицировать как захват заложников.

Широко известно, что в июне 1995 года и в январе 1996 года отряды чеченских боевиков в Буденновске и Кизляре напали на гражданские объекты, захватили городские больницы, взяли в заложники мирных граждан, в том числе медперсонал больниц и больных, и, прикрываясь заложниками как „живым щитом“, выходили за пределы территории, контролируемой федеральными властями РФ.

В настоящем докладе приведено несколько случаев использования федеральной стороной в качестве заложников содержащихся в фильтрационных пунктах гражданских лиц, однако основное внимание уделено новой (применяемой последние полгода войны - с марта по август 1996 г.) для федеральных сил тактике - захвату заложников в ходе боевых действий и использованию „живого щита“.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАДЕРЖАННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКОВ (1995-1996 гг.)

В декабре 1994 года в Моздоке начал функционировать „временный фильтрационный пункт“, куда должны были доставлять лиц, подозреваемых в участии в боевых действиях против федеральных сил или в совершении преступлений на территории Чечни.

19 февраля 1995 г. в Грозном брат ДЖОХАРА ДУДАЕВА - БЕКМУРЗА ДУДАЕВ был

задержан и этапирован в Москву, в СИЗО в Лефортово. Официальные структуры дали об этом многочисленные сообщения в СМИ; при этом никаких свидетельств его участия в боевых действиях не приводилось, не был он и должностным лицом ЧРИ - сообщалось лишь, что он „имел большое влияние“ на брата. (4)

6 апреля 1996 г. Б.Дудаев был обменен на майора 22-й отдельной бригады спецназа ГРУ ВЯЧЕСЛАВА ДМИТРИЧЕНКО, взятого в плен 7 января. Вместе с Б.Дудаевым на обмен федеральной стороной была представлена большая группа содержащихся на фильтрационном пункте гражданских лиц. Перед этим от них требовали подписать документ о добровольности обмена и отсутствии претензий к администрации фильтрационного пункта. В этой группе находился прокурор Шелковского района ТАХИР ДАВЛЕТУКАЕВ, от обмена отказавшийся и настаивавший на предъявлении ему обвинения в соответствии с законом. Его, тем не менее, обменяли вместе со всей группой.

Задержанные использовались в качестве заложников и для других целей.

Так, в январе 1996 г. был задержан и содержался на Грозненском фильтрационном пункте МАДАЕВ. Его родственникам, обратившимся в марте к сотрудникам МВД РФ по поводу возможности его освобождения, было заявлено, что МАДАЕВ могут обменять на пленного российского военнослужащего - пусть они его найдут и доставят. Женщины ответили, что не имеют средств и связей, чтобы найти и выкупить пленного. Тогда им в качестве более легкого пути было предложено найти, откопать и вывезти тела трех офицеров СОБР (специальный отряд быстрого реагирования МВД), погибших в ходе боев в Грозном 6-8 марта 1996 г.; схема захоронения тел прилагалась. Попытки федералов вывезти их были безуспешны из-за обстрелов с окрестных развалин. Женщины вывезли тела двоих и сгоревшие останки третьего офицера, и к концу марта МАДАЕВ был освобожден. (5)

Мы упоминаем здесь только те случаи, где криминальные действия (шантаж и торговля людьми) велись „от имени государства“; мы не приводим рассказы об освобождении задержанных за деньги, то есть о частной криминальной активности военнослужащих и сотрудников МВД РФ.

МАРТ 1996 года „ЖИВОЙ ЩИТ“ В САМАШКАХ

Самашки - крупное село, расположенное на западе равнинной части Чечни. К началу войны здесь было 2 100 дворов. Население Самашек составляло около 14 600 человек, в абсолютном большинстве - чеченцы, но было и небольшое количество русских жителей.

7-8 апреля 1995 г. село было занято сводным отрядом военнослужащих внутренних войск и сотрудников специальных подразделений МВД РФ. Входящим федеральным силам оказал сопротивление лишь небольшой отряд сельской самообороны, - крупный отряд боевиков после ультиматума российских военных по требованию жителей села покинул Самашки за месяц до этого.

После занятия села федеральными силами была проведена операция по его „зачистке“. (6) Операция сопровождалась убийствами мирного населения, издевательствами над задержанными, поджогами домов. Именно в ходе „зачистки“ погибло больше всего жителей села; большинство разрушений также были следствием этой акции. (7)

Летом и осенью 1995 года, когда активные широкомасштабные боевые действия в Чечне были приостановлены в связи с идущими в Грозном переговорами, большинство жителей вернулись в Самашки. Разрушенные дома начали восстанавливать. В этот же период в село вернулись около 100 боевиков - местных жителей.

Все это время федеральные войска дислоцировались в окрестностях Самашек.

С февраля 1996 года федеральные войска начали проводить в селах ряда районов Чечни „специальные операции“, - по сути дела, те же самые „зачистки“. В середине марта наступила очередь Самашек. В ночь на 14 марта этот населенный пункт был взят войсками в плотное кольцо. Руководству села был предъявлен ультиматум - выдать боевиков и оружие, количество которого не указывалось.

К этому моменту в село вошел чеченский кадровый отряд под командованием ХИЗИРА ХА-ЧУКАЕВА численностью 120 человек (общая численность боевиков, находившихся в Самашках в период боев, достигала 260-300 человек, что, по меркам чеченской войны, составляет значительную силу).

До 16 часов 14 марта жители покидали село по оставленному для этого „коридору“. Вечером глава сельской администрации сказал сельчанам, что сумел договориться с военными - штурма и „зачистки“ села не будет, а боевики смогут покинуть село. Однако в 6 часов утра 15 марта представители федеральных сил объявили главе администрации, что с 8.00 до 10.00 этого утра для выхода жителей из села открывается „коридор“ в сторону Ингушетии, после чего начнется штурм. В селе возникла паника, не все успевали выехать, многие не решались сразу бросить имущество и скот, часть людей направилась из села не по той дороге, где был открыт „коридор“. На российских постах мужчин в возрасте от 15 до 55 лет выборочно (как согласно имевшимся на посту спискам, так и произвольно) задерживали для „фильтрации“. Это привело к задержке колонны и бегству части жителей обратно в село. По самым скромным оценкам, в селе оставалось более 5000 человек. Вплоть до 19 марта федеральные силы препятствовали их выходу из села.

Боевики приступили к обороне села. Самашки подверглись массированным обстрелам из танковых орудий, гаубиц, а также ракетами с вертолетов. Село бомбила авиация, применялись боеприпасы большой мощности (в том числе объемного взрыва). Об интенсивности боев свидетельствует тот факт, что после их окончания на улицах села остались десятки сожженных бронемашин. (8)

В этих условиях военнослужащие федеральных сил (9) прибегли к использованию „живого щита“. (10) Жители Самашек использовались российскими военнослужащими для прикрытия бронемашин, по-видимому, в связи с тем, что на протяжении всей чеченской войны бронетехника в условиях уличных боев оказывалась беззащитной против выстрелов из гранатометов.

Из рассказа САЛИЕВА САЛАУДДИНА НУРАЛИЕВИЧА, проживающего в Самашках по улице Выгонная, д. 9: (11)

„15 марта я сидел у соседа МОВДАЕВА АБДУЛСЕЛИМА в доме - это дом 6 по Выгонной. Там находились у него отец, мать, моя супруга и мы двое. Шесть человек нас было в этом доме. В третьем часу залетают солдаты, другой-третий... „Кто здесь?“ Я говорю: „Вот старик и старуха, жена и вот моя дочь“. - „Есть еще кто-нибудь?“ - „Нету никого“. - „Старики и женщины остаются, а вы двое выходите!“

Вышли мы на улицу. А там уже БТРы или танки у них идут, техника стоит, солдаты... И вот говорят: „Вы двое залазьте на эту... технику“. И нас посадили туда наверх. Наверх посадили, а тут кругом оттуда стреляют, отсюда стреляют, а мы вдвоем вот так сидим на этой технике...

Я говорю командиру: „Вы за техникой прячетесь, за забором прячетесь - мы здесь вдвоем наверху-то, здесь нам опасно! Пули свистят, мимо нас пролетают, могут угодить“. - „Вы там нужны,

сидите, - говорит, - и молчите". А другой военный начал оскорблять и матом называть. Ладно, сидеть - так сидеть. Сидим... Редко откуда-то стреляли, даже при нас одного солдата ранили... Где-то шесть-семь часов нас они возили".

Из рассказа пожилой женщины МУРТАЗАЛИЕВОЙ СОВДАТ, проживающей в Самашках по улице Восточной, д. 25: (12)

"Говорят: „Выходите все“. Они выгнали нас из подвала. Кричат: „Залезайте! Залезайте!“, ругались. Они сами спрятались, стреляют. Трех посадили на танк, который здесь стоял. И этот ребенок на танке сидел, ТИМРАН (13), ему шестой год идет. Его посадили на танк. И еще двоих ребят, чуть постарше. (14)

Я без сознания упала тут, в воротах... Я думала, что они будут стрелять, всех поубивают, так я думала, когда теряла сознание".

ГАЕРБЕКОВА ЛЕЙЛА: (15)

"Я и сейчас в шоке. Нас под автоматами посадили на танк на Рабочей улице. Трое детей, их мать КОКА, я и моя сестра ГАЕРБЕКОВА АНЯ. Я просила: „Я впереди пойду - у меня слабое сердце“. Меня не пустили. И через минут двадцать я без сознания упала. Я упала и сестра соскочила отсюда. Я слышала одного: „Сука, сейчас расстреляю!" Больше они с нами такими словами не говорили. Сестра взяла меня под плечо. После этого они впереди танка нас поставили. Перед танком нас поставили и сказали: „Если одна пуля оттуда будет, мы вас сожжем“. И не было оттуда никаких пуль, ничего".

ПЦ „Мемориал“ не располагает информацией, было ли использование „живого щита“ в Самашках сакционировано командованием, руководившим операцией по взятию Самашек, или это инициатива офицеров подразделений, действовавших в селе.

ГРОЗНЫЙ, АВГУСТ 1996 года ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ В РАЙОНЕ 15-го ГОРОДКА (16)

Город Грозный в первой половине августа напоминал слоеный пирог, где кварталы, блокпосты и отдельные дома, удерживаемые федеральными войсками, чередовались с территориями, занятыми отрядами сторонников самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия. Большинство окруженных подразделений и групп военнослужащих федеральных войск оказались в тяжелейшем положении.

В районе республиканской больницы на ул. Ленина, на территории, называемой „15-й городок“, базировалась воинская часть российских федеральных сил. С начала боев в Грозном эта территория оставалась в руках федеральных сил, и сюда сумели отступить группы военнослужащих из других районов города.

По показаниям свидетелей, военнослужащие захватывали и доставляли в расположение военной части заложников из числа гражданского населения. За их освобождение от родных захваченных людей требовали либо привезти тела убитых российских военных, либо обеспечить подвоз продовольствия к блокированным российским блок-постам. Переговоры с отрядами вооруженных сил ЧРИ о выполнении этих требований были вынуждены вести родственники заложников.

Есть свидетельства, что 11 августа в прилегающих к расположению этой воинской части кварталах была захвачена группа заложников (около 20 человек) из числа жителей этих кварталов. (17)

Среди прочих российскими солдатами были задержаны на улице три молодых человека, в том числе и ПЕТУХИН АЛЕКСЕЙ, 21 года. (18) Они были доставлены в военный городок, расположенный на ул. Ленина. Как позже рассказывали задержанные, солдаты на улице прикрывались ими от выстрелов снайперов.

О случившемся узнали родственники задержанных. Их матери вместе с директором школы № 34 Октябрьского района АРУТЮНОВОЙ ВИКТОРИЕЙ ПЕТРОВНОЙ сумели пройти по простреливаемым улицам до военного городка. С завязанными глазами их провели к месту содержания задержанных, где женщины стали убеждать офицеров, что эти молодые люди не являются боевиками. По-видимому, военнослужащие федеральных сил сами это понимали - они выразили готовность выдать задержанных, но лишь в том случае, если взамен им принесут из указанного места тела погибших российских военных. Родственники и соседи заложников дважды под обстрелом на машине привозили в военный городок подобранные на улицах тела погибших солдат и даже раненых. За это им выдали двух из задержанных - чеченца и ингуша (рассказчица не знает их имен), которые имели следы сильных побоев. Однако АЛЕКСЕЙ ПЕТУХИН был к этому моменту уже убит автоматной очередью - родным выдали его тело. По мнению рассказчицы, он был расстрелян за то, что он русский - вступился за избиваемых людей.

По-видимому, наиболее крупный захват заложников произошел 17 или 18 августа. (19)

22-23 августа представители ПЦ «Мемориал» опросили нескольких свидетелей, сообщивших об этих событиях. Из показаний следует, что военнослужащие федеральных войск провели «зачистку» прилегающих к 15-му городку жилых кварталов, в процессе которой захватывали мужчин в качестве заложников и доставляли их в расположение своей части. Боевики в тот день не приняли бой и отступили из этих кварталов. (20)

Из рассказа ХАДАШЕВОЙ АЙШАТ: (21)

„18 августа в 8.20 утра начали обстреливать и бежать солдаты. Они шли сверху, от Республиканской больницы, с конца Избербашской, ну, тьма солдат и огромное количество техники. Ну, дошли до нас... солдаты в невменяемом состоянии, пьяные, у них руки трясутся, как они себя вели... Сосед был у нас, с моим мужем сидел, играл в шахматы. Мужа моего, сына и этого соседа (22) - их троих вывели. Один сказал сыну: „Покажи руки“. (23) А сын у меня работал в котельной... Ему говорят: „У тебя руки в мозолях“. Один солдат думал, взять или не взять, а другой говорит: „Забирай их, забирай!“... С мужа пиджак сняли и душить им его стали, а потом их троих взяли в БТР... Я зацепилась за БТР и не отпускала, тогда они меня подняли вверх и тоже забрали в часть“.

По словам А.ХАДАШЕВОЙ, в ее доме российские военнослужащие из вещей ничего себе не взяли, однако в соседних домах вели себя иначе - „...они открывают ворота, заходят, забирают, что хотят, остальное вот так прошивают автоматом“. Проживающая рядом соседка НИНА - русская - пришла во двор дома ХАДАШЕВЫХ, когда там находились солдаты. Она попыталась их уговорить вести себя более гуманно по отношению к мирным жителям, говоря, в частности, что тут живут и русские. В ответ она услышала мат и слова: „Если бы ты была нормальная, ты бы тут не жила“. В ее доме солдаты взяли себе одежду ее отсутствующего сына.

Вместе с тем надо отметить, что военнослужащие федеральных сил захватывали в заложники мужчин не во всех домах. Так, ГАПУРАЕВА СВЕТЛАНА МУСАЕВНА (проживает на улице

Матросова, дом 48), подтвердив правдивость рассказа А.ХАДАШЕВОЙ, сообщила, что солдаты не забрали с собой ее двух сыновей, мужа и деверя, которые находились в доме. В ее дом два раза заходили группы солдат, но лишь для проверки документов.

На следующий день, когда А.ХАДАШЕВА со своими соседями снова пришла к расположению воинской части, пришедшим сообщили, что отдадут захваченных людей в обмен на трупы российских солдат, которые захоронены в районе автовокзала и химического завода. Женщины пошли „плакаться“, по словам рассказчицы, к боевикам, достали машину и начали раскапывать захоронение. Однако это им оказалось не под силу, и они договорились, что группа российских солдат сможет проехать к захоронениям через позиции чеченских боевиков и вывезет тела погибших военных. В результате были раскопаны два захоронения и вывезены 28 тел. За это часть заложников, в том числе и родственники А.ХАДАШЕВОЙ, были отпущены, однако им не отдали забранные у них паспорта. В заложниках они находились 36 часов. По их словам, почти все это время они лежали с завязанными глазами и связанными руками.

ГРОЗНЫЙ, АВГУСТ 1996 года ЗАХВАТ 9-й ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ (24)

В начале августа в ходе боев в Грозном одна из окруженных групп российских военнослужащих закрепилась в нескольких жилых зданиях вблизи 9-й городской больницы. Примерно в семи-стах метрах от этого места на территории бывшей школы ДОСААФ располагались подразделения федеральных сил, к которым, по-видимому, и принадлежали бойцы окруженной группы.

В 9-й горбольнице в это время находились около 300 больных и раненых жителей Грозного, и, кроме того, примерно 200 человек ухаживающих за ними родственников и медперсонала. (25)

9 августа российские солдаты вошли в больницу.

ХУНАРИКОВ УМАР, хирург 9-й городской больницы, рассказал: (26)

„Девятого числа утром какая-то группа (военнослужащих) заскочила в больницу и начала вести огонь из здания. Через некоторое время они ушли. У нас была строгая договоренность с боевиками, что на территорию больницы, как та, так и другая сторона, не будут заходить и не будут вмешиваться в работу больницы. Командир боевиков (27), базировавшихся рядом с больницей, дал нам слово, и они на территорию больницы не заходили.“

Десятого числа на территорию больницы зашла более солидная группа российских военных. Возглавлял эту группу какой-то комбат ВЛАДИМИР. Пришли, требовали выдать боевиков. Де-вушек - медсестер наших - ставили к стенке“.

Судя по рассказам медперсонала больницы, группа в составе 20-25 человек, зашедшая в больницу, состояла из людей, по возрасту более старших, чем солдаты срочной службы. Медсестры называют их „контрактниками“ (28), однако, по-видимому, это были сотрудники какого-то спецподразделения МВД. (29)

Из рассказа медсестры травматологического отделения СУЛЕЙМАНОВОЙ ЗУЛИ:

„Когда федералы зашли, мы с ТУИТОЙ (30) стояли в коридоре и орали: „Ребята, мы сюда никого не пускаем. Уходите, у нас много тяжелораненых. Если вы зайдете, то боевики могут по нам бить, потому что вы будете отстреливаться“.

Меня и медсестру ТУИТУ под автоматами поставили к стенке. Требовали выдать боевиков. Видите ли, они нашли во дворе какое-то оружие. Я сказала им, что ничего тут удивительного нет, - идут боевые действия и можно найти что угодно, но в больнице боевики не находятся. Я думаю, что теперь нечего скрывать, - к нам действительно привозили двух тяжело раненных боевиков, но без оружия, и в больницу с оружием никто не входил. Утром боевики забрали у нас их трупы.

Один из командиров федералов - бурят АНДРЕЙ - сказал, что они не уйдут, пока не проверят все. Стали взламывать двери, спустились в подвал, нигде ничего подозрительного не нашли и сказали, что будут уходить».

Однако, когда группа российских военнослужащих уже покинула больницу, был ранен в бедро командир группы - «комбат ВОЛОДЯ». Его занесли в больницу, и врачи оказали ему помощь.

Военнослужащие связались по радиации со своим командованием (31) и попросили подмоги. Однако, как позже сказали солдаты медперсоналу больницы, им ответили: «Помощи не будет - держитесь до последнего». По-видимому, в этот момент у бойцов отряда и возникла мысль обеспечить собственную безопасность, заняв оборону в здании больницы. Они, по словам медработников больницы, заминировали входы и сказали: «Никто отсюда никуда не уходит».

ХУНАРИКОВ УМАР:

„В ночь с десятого на одиннадцатое, опасаясь, что боевики могут атаковать находящихся в здании больницы российских военных, мы больных спустили в подвал. Он давно уже не использовался, там была грязь, сырость. Нам же было запрещено туда спускаться, так как если бы мы с этажей ушли, то им в случае атаки нечем было бы прикрываться.

После этого наши два врача и медсестры пошли к боевикам и упросили их не стрелять по больнице. Боевики сказали, что ни одного выстрела вслед солдатам не сделают, если они соберутся и уйдут из больницы. Но то ли им был дан приказ не уходить, то ли они боялись уйти, но в эту ночь они не ушли».

БОКАЕВА ЛАРИСА, медсестра хирургического отделения:

„В подвале находились 210 тяжелых больных. Они у нас там гнили в прямом смысле из-за того, что федералы нам не давали оказывать медицинскую помощь. Многие в подвале умерли из-за этого. Они нам часто не разрешали спускаться в подвал и ходить за медикаментами - все зависело от их настроения. У нас в отделении лежали два трупа. Они уже начали разлагаться, но солдаты не позволяли их нам похоронить».

По словам Л.Бокаевой, за время захвата больницы в подвале умерли 8 больных.

Медсестра КУРУЕВА рассказала, что военнослужащие в больнице «все сейфы сломали, наркотики забрали». Кроме того, по словам медсестер, военнослужащие кололись имеющимся у них препаратом промедолом. (32)

Днем 11 августа переговоры с окружившими больницу боевиками продолжались. Группа, захватившая больницу, регулярно выходила на связь по радиации со своим командованием, и солдаты сказали медсестрам, что командование приказало им не покидать больницу. Из расположенных вокруг домов в здание больницы начали стягиваться группы российских военнослужащих. В итоге в больнице собралось до 60 человек военнослужащих федеральных сил (по показанию боевиков, - более 60 человек вместе с ранеными).

ХАЧУКАЕВ ХИЗИР, командир отряда вооруженных формирований ЧРИ, блокировавшего больницу: (33)

„Их командир сказал: „Если нас отпустите без единого выстрела, мы уйдем. Ну, хорошо, мы дали им возможность уйти. Но они протянули время до вечера, а потом сказали, что им есть приказ не уходить. Они угрожали убить больных, если мы будем открывать огонь, штурмовать будем“.

По словам бойцов этого чеченского отряда, на переговорах военнослужащие федеральных сил угрожали, если не будут выполняться их условия, закидать гранатами подвал, где находились больные.

Следует отметить: военнослужащие федеральных сил, осуществившие захват больницы, осознали, что их действия повторяют действия чеченских террористов, ранее дважды захватывавших больницы. Медсестры рассказывали представителям ПЦ „Мемориал“, что угроза „повторить Буденновск“ звучала многократно, а один из командиров даже сказал, что он повторяет „подвиг БАСАЕВА“. (34)

Утром 12 августа заведующая реанимацией услышала по радио, что больница якобы захвачена боевиками, которые взяли в заложники медперсонал и больных. Эта информация вскоре дошла до солдат и очень встревожила их - они опасались обстрела или бомбардировки со стороны федеральных войск.

Днем российскими силами, расположенными на территории бывшей школы ДОСААФ, была предпринята атака в сторону больницы. Однако боевики, окружавшие больницу, эту атаку отбили и прямо у больницы сожгли два БТРа (один из них, стоящий перед центральным входом, представители ПЦ „Мемориал“ видели 19 и 20 августа). Четверо (35) из группы, прорывавшейся к больнице, оказались в плену у отряда ХАЧУКАЕВА.

Во время боя из больницы велся огонь. По словам медсестер, российские военнослужащие затащили в здание „пулемет, и миномет, и пушку какую-то длинную низкую на колесах... Как начнут стрелять из пулемета, так всех наших оглушает“. Впрочем, по свидетельству одного из членов отряда Х.ХАЧУКАЕВА, на огонь из больницы боевики отвечали огнем. В результате этой перестрелки погибли два чеченских боевика и, по свидетельству медперсонала, появились раненые среди российских военнослужащих.

Во время боя военнослужащие попытались заставить гражданских мужчин, находившихся в больнице, выйти на улицу для того, чтобы подобрать раненых из прорывающейся группы.

КУРУЕВА КИСА, медсестра операционного блока:

„Во время боя они (36) вывели из подвала мужчин, и молодых, и пожилых, ухаживающих за больными и ранеными. Мы спрашиваем: „Куда вы их ведете?“ Они нам сказали: „Нужно раненых наших подобрать на улице, скорее нужно“. На это мы сказали: „Сами идите и вытаскивайте, мужики наши ни один не выйдет из больницы“. Все женщины встали и не пустили. Они начали ругаться, угрожать оружием. Мы говорим: „Стреляйте“. И мужчин-врачей тоже из больницы вывести не дали“.

После провала атаки военные, захватившие больницу, поняли, что подмоги не будет, и снова пошли на переговоры об условиях своего выхода из больницы в расположение более крупной группировки федеральных сил на территории бывшей школы ДОСААФ.

К трем-четырем часам дня 12 августа договоренность была достигнута.

ХАЧУКАЕВ ХИЗИР:

„Договорились, что они берут с собой заложников - больных, медперсонал - и выходят в свою часть. Пленных мы тоже обещали отдать. На переговорах они угрожали, если что, убивать заложников... А были они из МВД“.

Боевики договорились передать пленных после того, как будут отпущены все заложники. Обе стороны обещали в дальнейшем не занимать и не обстреливать больницу.

Военнослужащие федеральных войск потребовали для своего сопровождения 100 человек. Люди - персонал больницы, ходячие больные и их родственники - согласились на это. Кроме того, выходящую группу сопровождали 2 безоружных боевика. „Живой щит“ окружал военных. Раненых и убитых военнослужащих также выносили из окружения.

В середине пути произошел неприятный инцидент.

В это время в больнице медперсонал готовил больных к эвакуации в помещение Международного Комитета Красного Креста, находящееся неподалеку.

Рассказ заложника, находившегося в подвале:

„Как только женщины вернулись в больницу, раненые и больные зашевелились - стали выходить из подвала. Я тоже хотел уйти. И в этот момент территория больницы была обстреляна из миномета. Молоденькая девушка из медперсонала кричит: „Назад, назад! Не выходите!“ Толпа остановилась, но назад не ринулась. И тут как даст у самого выхода из подвала! Я не знаю, каким образом эту девушку насмерть убило, - она стояла на две-три ступеньки ниже меня, а я только контужен был“.

Так погибла медсестра ТУИТА, проживавшая в Старой Сунже. (37) Во время этого обстрела были также ранены 2 медсестры, 2 врача и 1 находившаяся на излечении женщина.

Нет никаких сомнений, что действия военнослужащих федеральных сил по захвату больницы и взятию в заложники больных и медперсонала осуществлялись, если не по прямому указанию командования, с которым данная группа поддерживала связь по радиции, то, безусловно, с его согласия.

Косвенным подтверждением этому может служить и следующий эпизод.

За пять месяцев до описываемых событий - в марте 1996 года - в Грозном происходили похожие события. В город проникли крупные отряды боевиков, и в течение нескольких дней там шли ожесточенные бои. Имеется запись радиопереговоров, относящихся к этому периоду, между находящимся в окружении боевиков российским блок-постом и Главным управлением оперативного штаба МВД РФ (позывной „800“). Группа, обороняющая блок-пост, оказалась в тяжелейшем положении - кончались патроны, было много раненых и убитых, наступали сумерки. Однако на отчаянные просьбы о помощи штаб отвечает, что возможности предоставить помощь нет, и далее следует совет: „Захватите две чеченские семьи и объявите, что взяли их в заложники. Выходите под их прикрытием“. В данном случае захвата заложников не произошло - с блок-поста ответили: „Тем, кто нас атакует, все равно - кто чечены, кто русские. Будем принимать решения самостоятельно“. (38)

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИЛ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Описанные действия военнослужащих федеральных сил РФ и сотрудников федеральных органов РФ можно, безусловно, квалифицировать как использование заложников, что является серьезным нарушением международного гуманитарного права как в случае международного, так и немеждународного конфликта.

При оценке действий военнослужащих федеральных сил РФ и сотрудников федеральных органов РФ, описанных в настоящем докладе, необходимо учитывать, что они совершались по при-

казу офицеров. Более того, захват 9-й городской больницы и захваты заложников в 15-м городке совершались если не по прямому указанию, то, безусловно, с согласия командования крупных частей федеральных сил.

Запись радиопереговоров, прозвучавшая в программе „Взгляд“ 6 сентября 1996г., позволяет утверждать, что, по крайней мере, в одном случае Главным управлением оперативного штаба МВД РФ было дано прямое указание подчиненным ему военнослужащим или сотрудникам МВД РФ захватить в качестве заложников гражданских лиц и использовать их в качестве „живого щита“.

Захват заложников и использование „живого щита“ военнослужащими федеральных сил РФ и сотрудниками федеральных органов РФ в Чечне не были случайными эпизодами, но стали системой.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Сообщение УСМАНА ИМАЕВА представителям „Мемориала“ О. ТРУСЕВИЧ и А. ЧЕРКАСОВУ 05.09.95, с. Кулары; рассказы отдельных боевиков; сообщения СМИ.
2. По этому поводу в с. Бамут 12-13.03.96 состоялась встреча депутата Государственной Думы Ю.А. РЫБАКОВА и представителя ПЦ „Мемориал“ А.В. ЧЕРКАСОВА с представителями командования вооруженными формированиями и администрации ЧРИ.
3. ПЦ „Мемориал“ готовит к печати книгу, посвященную судьбе российских военных, плененных чеченской стороной, и похищенных гражданских лиц.
4. Задержание и сообщения о нем прошли в период первого перемирия (после переговоров А. МАСХАДОВА с А. КУЛИКОВЫМ) и выглядели как часть плана, направленного на срыв этого перемирия.
5. ОРТ. Программа „Взгляд“, 5 апреля 1996 г.
6. „Зачистка“ - жаргонное слово, используемое военнослужащими и сотрудниками МВД РФ. В Чечне означает сплошную проверку улиц: дом за домом с целью выявления и обезвреживания скрывающихся боевиков, а также изъятия спрятанного оружия.
7. Подробно об этих событиях см.: Всеми имеющимися средствами. Операция МВД РФ в селе Самашки 7-8 апреля 1995 г., „Мемориал“ М., 1995.
8. О взятии Самашек федеральное командование сообщило только 28 марта. После этого в селе практически не осталось неразрушенных строений.
9. Здесь и далее термин „военнослужащие“ используется для обозначения как военнослужащих МО РФ и внутренних войск МВД

- РФ, проходящих службу в Чечене, так и сотрудников МВД РФ, командированных в Чечню. Поскольку все они обычно одеты в камуфляжную форму, часто без знаков различия, отличить их друг от друга представляется затруднительным.
10. Первые рассказы об этом были записаны представителями ПЦ „Мемориал“ М.ЗАМЯТИНЫМ и А.ЧЕРКАСОВЫМ при опросе вышедших из Самашек 19 марта жителей. Опросы производились также в Самашках в начале мая и августе 1996 г. Работа затруднилась тем, что Самашки после их вторичной „зачистки“ были длительное время блокированы федеральными силами, в село не допускались журналисты и представители правозащитных организаций.
  11. Рассказ записан А.В.ЧЕРКАСОВЫМ 23.08.96 в Самашках.
  12. Рассказ записан О.П.ОРЛОВЫМ и А.В.ЧЕРКАСОВЫМ 23.08.96 в Самашках.
  13. ТИМРАН КИРЕЕВ, сын КИРЕЕВОЙ КОКИ, проживающей на ул.Восточная, 22, которая также находилась в подвале дома № 2 на ул.Рабочая и оказалась в „живом щите“.
  14. КИРЕЕВЫ МУРАТ И ХАМЗОР - 11 и 12 лет.
  15. Рассказ записан А.Н.МИРОНОВЫМ 04.05.96 в Самашках.
  16. Этот раздел доклада основан на показаниях свидетелей. Однако в связи с тем, что жители этих кварталов Грозного после описанных событий покинули свои дома, произвести достаточно полный опрос свидетелей не удалось, и поэтому ряд моментов остался не выяснен.
  17. Рассказы А.ХАДАШЕВОЙ и С.ГАПУРАЕВОЙ, проживающих в кварталах, прилегающих к 15-му городку. Рассказчицы не были сами свидетелями этого события, о происшедшем знают со слов соседей.
  18. Рассказ БУЛАТОВОЙ ЛИЗЫ, беженки из Грозного, записан А.В.ЧЕРКАСОВЫМ и О.П.ОРЛОВЫМ 23.08.96 в Назрани. А.ПЕТУХИН - сосед рассказчицы и ее бывший одноклассник.
  19. По сообщению радио „Свобода“, это произошло 17.08, но свидетели утверждали, что это событие имело место 18.08.
  20. В связи с этим возникает проблема, - как следует вести себя и военнослужащим, и комбатантам в условиях, когда противная сторона грубо нарушает нормы гуманитарного права по отношению к гражданскому населению? Если бы члены вооруженных формирований ЧРИ приняли бой в этих кварталах, это привело бы к жертвам среди мирного населения. Однако, отступив, они отдали мирное население фактически на произвол террористам из

федеральных войск. Отметим, что в ходе этой войны обе стороны, принимая то или иное решение, вопрос о безопасности мирного населения чаще всего ставили отнюдь не на первое место.

21. А.ХАДАШЕВА с мужем СУЛТАНОМ ХАДАШЕВЫМ, 56 лет и сыном ИЛЬЯЗОМ ХАДАШЕВЫМ, 23 лет, проживала в Грозном на улице Ленина, д. 136. В январе 1995 г. этот дом сгорел, и семья ХАДАШЕВЫХ поселилась в доме № 41 на ул. Избербашская. А.ХАДАШЕВА и С.ГАПУРАЕВА были опрошены 22.08.96 у с. Старые Атаги.
22. Сосед рассказчицы - ИСА НАСАГАЕВ, 63 лет.
23. При выявлении боевиков среди задержанных обычно ищут на теле следы обращения с оружием - специфические мозоли на руках, синяки и потертости на плечах, ссадины на коленях.
24. Данный раздел доклада написан на основе опросов трех независимых групп свидетелей и участников событий. Эти три группы были опрошены вскоре после событий в разных местах и в разное время: в Грозном - медперсонал больницы № 9, в Самашках - несколько бывших заложников-больных, в Грозном - Х.ХАЧУКАЕВ и бойцы его отряда. Результаты опросов дали цельную и непротиворечивую картину. Первыми о захвате горбольницы сообщили по радио „Свобода“ корреспонденты А.БАБИЦКИЙ и Х.РАДУЕВ.
25. Информация получена О.П.ОРЛОВЫМ и А.В.ЧЕРКАСОВЫМ от медперсонала больницы 19.08.96 в Грозном.
26. Рассказы врачей и медсестер записаны представителями ПЦ „Мемориал“ А.Н.МИРОНОВЫМ, О.П.ОРЛОВЫМ, А.В.ЧЕРКАСОВЫМ 19.08.96 в Грозном.
27. Удивительным образом совпало, что район вблизи больницы контролировался тем же отрядом боевиков под командованием ХИЗИРА ХАЧУКАЕВА, который в марте этого же года оборонял Самашки.
28. Люди, добровольно заключившие контракт на прохождение службы в вооруженных силах. Это люди более старшего возраста, чем призванные в 18 лет солдаты срочной службы. Контрактников много во внутренних войсках МВД. В Чечне отношение к контрактникам особо неприязненное в связи с тем, что они участвуют в боевых действиях добровольно и для собственного обогащения; их наиболее часто обвиняют в грабежах и насилии над мирным населением.
29. Боевики утверждали, что на жетонах захваченных в плен было название подразделения -

- „Оборотень“ и символика: наполовину - человеческое лицо, наполовину - череп в берете; впрочем, увидеть эти жетоны наблюдателям „Мемориала“ не удалось.
30. Медсестра, погибшая позже при минометном обстреле больницы.
  31. Эта группа имела постоянную радиосвязь со своим командованием. Медсестра З.СУЛЕЙМАНОВА, находившаяся по приказу командира группы рядом с российскими военнослужащими, имела возможность слышать многое из их переговоров с командованием.
  32. Промедол - противошоковый препарат, относится к классу наркотических анальгетиков. Предназначен для внутримышечного применения при ранениях. Перед боем каждому из солдат в индивидуальную аптечку выдаются одноразовые шприцы с этим препаратом. По правилам, после окончания операции неизрасходованные дозы должны сдаваться назад. Однако, естественно, если в ходе операции имелись раненые, то учесть, где и как была израсходована доза, затруднительно. Имеются многочисленные свидетельства, что военнослужащие федеральных войск в Чечне широко использовали промедол для достижения легкого наркотического опьянения.
  33. Рассказ записан 20.08.96 в Грозном.
  34. Хотя, конечно, в данном случае воспроизводились действия не БАСАЕВА, а РАДУЕВА, захватившего больницу в Кизляре в январе 1996 года исключительно для спасения себя и своих людей.
  35. По сообщению Х.ХАЧУКАЕВА - старший лейтенант КРАСНОВ и трое солдат.
  36. Захватившие больницу военнослужащие.
  37. Ее фамилию сотрудники больницы, опрошенные представителями ПЦ „Мемориал“, не вспомнили. Следует учитывать, что опрос производился в Грозном под непрекращающимися обстрелами и бомбежками, когда в больницу продолжали поступать раненые. Это помешало опросить весь медперсонал.
  38. Запись транслировалась 06.09.96 по ОРТ в программе „Взгляд“.

Радиовещание на русском языке

В центральной Европе можно принимать следующие радиостанции на русском языке:

„Радио России“: 5965, 6060, 6195, 7325, 7345, 9560, 9720, 9845, 11720, 11750, 12045 КГц.

„Радио 1“ (Москва): 171 КГц, 6195, 9605, 11695, 11750, 11940 КГц.

„Маяк“: 5920, 6015, 6035, 7310, 11685, 11985 КГц.

„Голос России“ (Москва): 6045, 7125, 7310, 7340, 7400, 9450, 9625, 9845, 11800, 11820, 11840, 12015, 12040, 12055, 12065, 15140, 15305, 15430, 15485, 17840 КГц.

„Радио Свобода“: 5955, 6060, 6105, 7155, 7220, 7245, 7265, 9505, 9520, 9565, 9625, 9645, 9660, 9725, 11725, 11805, 11875, 11885, 11970, 15205, 15215, 15250, 15370, 15445, 17730, 17805 КГц. *(04.00-10.00, 12.00-15.00, 16.00-19.00, 21.00-03.00 по средневропейскому времени).*

„Голос Америки“: 5965, 6060, 6105, 7155, 7220, 7245, 7270, 9520, 9660, 9670, 11725, 11770, 11885, 11930, 15250, 15370, 15410, 15445, 17805, 17865 КГц. *(03.00-04.00, 10.00-12.00, 15.00-16.00, 19.00-21.00 по средневропейскому времени).*

ВВС: 5875, 6010, 7120, 9635, 9825, 11845, 13745, 15185, 15255, 15325, 15575 КГц.

К сожалению, прием многих радиостанций зачастую нестабилен, поэтому мы не указываем точное время вещания.

В Берлине на частоте 106,8 МГц работает радиостанция SFB-4. С понедельника по пятницу с 16.00 до 16.20 слушайте программу на русском языке.

Наши авторы

Андрей Анпилов. Известный московский поэт и прозаик, художник, автор и исполнитель песен на свои стихи.

Лариса Ванеева. Закончила Литературный институт, но публиковать свои произведения могла только со времен начала „перестройки“. Один из лидеров „женской прозы“ в России, автор и составитель коллективного сборника „Не помнящая зла“ (1991г.), переведенного на многие языки. Печтается в ведущих литературных журналах России. Живет в Эстонии.

Александр Дольский. Известный русский поэт и исполнитель песен, родился в Свердловске в 1938 году. Закончил Уральский Политехнический институт и музыкальное училище по классу гитары. Стихи пишет со второго класса, петь начал с четвертого класса. При советской власти стихи не печатались. Благодаря Арк.Ис. Райкину в 1979 году вышла первая пластинка. В настоящее время выпущено 10 альбомов и 5 компактных дисков его песен. Автор 8 книг стихов и прозы, книги живописных работ.

Виктор Ерофеев родился в 1947 году в Москве. Известный русский писатель, критик, представитель русского литературного авангарда.

Леонид Иоффе родился в 1943 году. Жил в Москве. С 1972 года живет в Иерусалиме. Публикуется в периодике Европы, Америки, Израиля, а с 1990 года и в Москве. Автор трех сборников стихов: „Косые падежи“, „Путь зари“ (относится к московскому периоду 60-х годов) и „Третий город“ (иерусалимский период). Получил премию им. Р.Н. Эттингера 1985 года.

Юрий Колкер (р. 1946), поэт, автор стихотворных книг *Послесловие* (Иерусалим, 1985), *Антивенки* (Иерусалим, 1987), *Далека в человечестве* (Москва, 1991), *Завет и тяжба* (С.-Петербург, 1993) и полтора десятилетия литературных публикаций в России, Сибири, Латвии, Казахстане, Израиле, Германии, Франции, Англии, США; составитель, редактор и комментатор двухтомного *Собрания Стихов* Владислава Ходасевича (Париж, 1983). В эмиграции с 1984. Живет в Лондоне.

Ян Кондроп родился в 1942 году в Ленинабаде Тадж.ССР. По специальности — химик, доктор хим. наук, автор 150 научных трудов. Живет и работает в Германии с 1993 года.

Марина Кравцова родилась в городе Москве в 1959 году. После окончания Московского педагогического института имени В.И.Ленина пре-

подавала химию в медицинском училище. Около двух лет посещала поэтическую студию при редакции журнала „Юность“. В 1995 году окончила Литературный институт имени А.М.Горького (семинар Е.Рейна). Печаталась в „Литературной газете“, „Литературных новостях“, „Русской мысли“, журнале „Столица“, альманахах „Стрелец“, „Кольцо А“ №2. Автор книг „Разведенные мосты“, „Зеркальный коридор“ (Издательство „Московский рабочий“). С лета 1995 года живет в Германии (г. Кёльн).

Алексей Милюков родился в 1959 году в Москве. Окончил Театральное художественно-техническое училище. С 1978 года работал в Большом театре, с 1982 года в Театре классического балета. Автор поэтического сборника.

Роман Солнцев родился в 1939 году, известный поэт, прозаик, драматург. Создал и редактирует литературный журнал „День и ночь“, объединивший лучшие литературные силы Сибири и Дальнего Востока. Живет и работает в Красноярске, где воспитал целую плеяду „новых литераторов“.

Виктор Соснора. Известный русский поэт и писатель родился в 1936 году. Автор стихотворных сборников : „Январский ливень“, 1962, „Триптих“, 1965, „Возвращение к морю“, 1989, автор нескольких экспериментальных по форме романов. В „Острове“ №1 опубликована „Интимная сага“ автора.

Владимир Тучков. Московский поэт и прозаик, родился в 1949 году. Печатает стихи и прозу в журналах „Дружба народов“, „Юность“, „Новое литературное обозрение“ и др. Сотрудничает, как журналист, с популярными газетами и журналами „Культура“, „Вечерний клуб“, „Итоги“ и др.

Эрлен Федин родился в 1926 году в Москве. По специальности физик, доктор физ.-мат. наук, профессор, автор 200 научных трудов. Живет в Германии с 1994 года.

Лев Эдуардович Шапп родился в 1918 году в Москве. В 1936, будучи учеником 10 класса, был арестован, отбывал заключение, в дальнейшем находился на спецпоселении в колымском крае. Освобожден в 1954 году. Жил и работал в Стерлитамаке. Л.Э. Шапп — заслуженный работник культуры. До эмиграции работал директором Дворца культуры завода синтетического каучука. С 1994 года живет в Германии.

Вячеслав Шпрингер (Сукачев). Автор 18 книг прозы. Лауреат литературных премий. Книги переведены на многие языки, самая известная - повесть "Любава". Живет и работает в Германии.

В „Острове“ №5 допущены ошибки в биографических справках об авторах.

ВЛАДИМИР БАТШЕВ — автор не 4-х, как было указано, а 12 книг
ВИТАЛИЙ СКУРАТОВСКИЙ эмигрировал на Запад в 1991, а не в 1994 году

ДВАДЦАТЬ ДВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ СНГ В ИЗРАИЛЕ

Издание общественно-культурного фонда
«МОСКВА - ИЕРУСАЛИМ»

Лауреат премии Р.Н. Эггингер за 1984 год.

Главный редактор —
Александр ВОРОНЕЛЬ

22

Стоимость годовой подписки за рубежом — 80 долларов
(авиапочтой в Европу — 90, в США — 95 долларов),
для организаций — 100 долларов (включая пересылку).

22

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Прошу подписать меня на журнал "22", начиная с № .....
Прилагаю чек (чеки) № ..... на сумму .....
Журнал прошу выслать по адресу .....

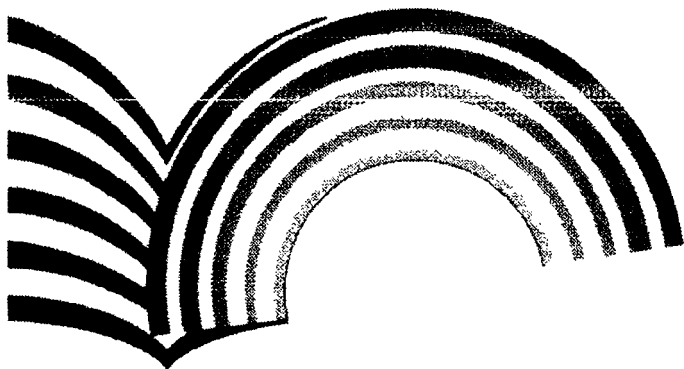
(пишите разборчиво, желательно указать № телефона)

Жертвую в фонд журнала .....
(фамилия)

Наш адрес: "22", Тель-Авив 61440, п/я 44050

ИЕРУСАЛИМ
МОСКВА - ИЕРУСАЛИМ

Buchhandlung RADUGA

Книги на русском языке

Friedrichstraße 176-179 • 10117 Berlin

Fon (030) 20 30 23 21

Fax (030) 20 30 23 17

Montag bis Freitag von 11.00 bis 19.00 Uhr

Samstag von 12.00 bis 18.00 Uhr

U-Bhf. Französische Straße oder U-Bhf. Stadtmitte

**Купить и заказать
альманах «Остров» можно
в магазине "Радуга"**

**Главный редактор:
Вячеслав Сысоев**

**Редакторы-составители:
Евгений Попов, Лариса Сысоева**

**Представитель «Острова» в Израиле:
Игорь Губерман**

**Альманах иллюстрирован рисунками
Вячеслава Сысоева**

Корректор: Лариса Соколовская

Адрес редакции:

**«OSTROV», Danziger Str. 4,
10435 Berlin, Germany**

Telefon: + 49 030 / 442 58 30

**Заказ альманаха по тел.
+49 030 / 20 30 23 21**

СТРОВ

**Независимый публицистический
и литературно-художественный альманах**

Выходит с июня 1994 года

Редакция не отвечает в переписку по поводу присланных материалов.

Рукописи не возвращаются.

Точки зрения редакции и авторов публикуемых материалов складывают не всегда.

В. Сысоев. Лубок "Красавица-воровка", 1977 г. Стихи Киры Сапфир.

